

**ЯЗЫК:
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 2**

Барнаул 2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
“Алтайская государственная педагогическая академия”

Лингвистический институт

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ
Выпуск 2

Барнаул 2010

ББК81.00
УДК81
Я41

Язык: Мультидисциплинарность научного знания : научный альманах
/ под ред. О.В. Труновой. – Барнаул : АлтГПА, 2010. – с. 234

ISBN978-5-88210-539-5

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Н.В. Халина
доктор филологических наук, профессор Л.М. Владимирская

Редакционная коллегия:

Трунова О.В., д-р филол. наук, профессор (ответственный редактор)
Ефремова Н.В., д-р пед. наук, профессор (зам. редактора по лингводидактике)
Зыкова Г.Н., канд. филол. наук, профессор
Калашникова Е.А., канд. филол. наук, доцент
Майзенгер Н.В., канд. филол. наук, доцент АлтГПА
Малинович Ю.М., д-р филол. наук, профессор, ИГЛУ (зам. редактора по лингвистике)
Романова Т.А., канд. филол. наук, доцент АлтГПА
Чернова М.А., канд. филол. наук, доцент АлтГПА
Широкова Н.П., канд. филол. наук, доцент

Второй выпуск альманаха содержит статьи молодых ученых. Статьи отражают основные проблемы лингвистики и лингводидактики в рамках современной общенаучной парадигмы, предполагающей взаимодействие гуманитарного, естественнонаучного и прикладного научного знания. Альманах адресован самому широкому кругу исследователей в области лингвистики и лингводидактики.

ISBN978-5-88210-539-5

© Алтайская государственная
педагогическая академия, 2010

ВВОДНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В АСПЕКТЕ СТРУКТУРНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕКСТА

Анализ структурно-синтаксической организации текста с участием вводных компонентов (ВК) и выявление ее принадлежности к определенной сфере речевой коммуникации не могут обойтись без анализа циклической смены данного и нового, создающей функциональную перспективу текста.

Структура текста во многом определяется взаимодействием структур его составляющих, а связность находится в непосредственной зависимости от актуального членения текста. Если в основе выделения единиц суперсинтаксического уровня применить принцип тематической связности элементов, составляющих такую единицу, то в зависимости от характера понимания текст может быть разбит как на отдельные тексты (термин В.М. Мирзоевой), так и на их совокупности, объединяющиеся в текстовый фрагмент (Мирзоева 1996).

ВК связаны с частями текста тема-рематическими отношениями, составляющими структурную основу текста. Они являются показателями связи для отдельных частей высказывания, своего рода «крючками когезии». Когезия, понимаемая И.Р. Гальпериним как внутритекстовые связи, выделена исследователем в качестве самостоятельной категории текста (Гальперин 1977: 522-532).

В осуществлении когезии текста принимают участие различные его компоненты – как отдельные высказывания, так и их группы. Содержание ВК находится по отношению к включающему контексту в другом смысловом плане:

(1) *Nach dem Essen – und so war es jetzt Tag für Tag – gingen sie hinunter zum Strand und schoben das Schlauchboot in die Lagune* (Konsalik (a) 1989: 83).

В данном примере ВК *und so war es jetzt Tag für Tag* содержит информацию поясняющего характера, которая выступает в качестве второго смыслового плана по отношению к основному высказыванию.

ВК дополняют содержание основной линии изложения текста, образуя побочные предикативные ветви текста, «боковые предикативные линии», как в следующем примере:

(2) *Am folgenden Abend beim Kartenspielen – sie waren nun zu viert, denn Philipp war natürlich dabei – und auch spät fiel es Billa auf, dass alle Schwestern fast ein bisschen ins Schwärmen gerieten, wenn von Philipp die Rede war* (Rück, 37).

В данном примере побочная предикативная ветвь текста формируется за счет ВК, развивая далее представленную в этом образовании информацию, которая создает второй смысловой план высказывания.

Мы вслед за С.Н. Михалевой считаем, что в сверхфразовом единстве ВК выполняют роль связующих элементов, способных создавать определенную, продуманную говорящим сеть, каждым ходом преследующую цель наилучшего выражения передаваемой информации (Михалева 2000: 15).

Одним из своеобразных синтаксических условий для возможности употребления двух или нескольких ВК в составе одного предложения является как допустимость совмещения модальных значений разных ВК с модальной окраской предложения, в составе которого одновременно употребляются различные ВК разных функционально-семантических групп, (т. е. с общим модальным планом предложения в целом), так и необходимость совмещения модальных значений различных ВК между собой. Столкновение в составе одного предложения несовместимых между собой различных вводных слов и вводных словосочетаний является авторским приемом речевой характеристики персонажа.

Под синтаксическими условиями употребления ВК следует понимать возможность или невозможность для таких образований занимать ту или иную позицию, то или иное место в составе предложения, так как позиция ВК в предложении имеет большое значение для распространения модального значения ВК на весь состав предложения (в случае начальной позиции ВК), либо на примыкающие члены предложения, чаще всего последующие (в случае интерлокального положения ВК):

(3) *Karen litt an einer sehr seltenen Hauterkrankung, die vor Jahren das erste Mal – verhältnismässig harmlos – aufgetreten war* (Rück, 45).

Утверждение, что ВК обладают свойством синтаксической подвижности, синтаксической переместимости, является, на наш взгляд, не совсем точным. Занимая то или иное место в предложении, они по разному влияют на содержание основного высказывания, так как «перемещение» ВК изменяет объем той части предложения, на которую распространяется его значение.

ВК в начальной позиции не разрывают существующих в предложении грамматических связей. При актуализации этих связей ВК способствуют восстановлению грамматических связей со всем последующим составом предложения. Поэтому начальная позиция ВК придает ему большую значимость по сравнению с позицией внутри или в конце предложения.

Особенно важна начальная позиция для контактоустанавливающих ВК. Часто такие компоненты выступают перед обращением, однако их нельзя рассматривать как глагольные синонимы обращения. Общим с обращением у них является то, что грамматически они не связаны с остальным составом предложения, но функционально-семантическая направленность их совершенно различна, так как обращения конкретно называют того, к кому обращена речь, а ВК этой функционально-семантической группы обращают внимание собеседника на то, что или о чем сообщается в предложении:

(4) *Also, Officer, keine Chance für Tongatapu oder eine andere Insel Ihres Königreiches. Morgen, ganz früh, sind Sie mich los* (Konsalik (a) 1989: 192).

Под синтаксическими условиями употребления ВК в составе предложения понимаются следующие:

1) условия, определяющие возможность/невозможность употребления ВК в составе предложений, различных по цели высказывания;

2) условия, определяющие возможность занимать ту или иную позицию в различного рода коммуникативных высказываниях (зависят от значения этой позиции для распространения смысла ВК на состав всей предикативной единицы, на отдельные ее члены или их группу, и от значения этой позиции для подчеркивания модального и смыслового содержания данного компонента).

Сложное образование с ВК выявляет в немецком языке определенную специфику отношений между своими компонентами – основным и вводным звеньями, – что обусловлено функциональным своеобразием ВК. В зависимости от их функции в сложном образовании ВК распадаются, по классификации В.В. Дружининой, на две большие группы: предвосхищающие ВК как частное проявление антиципации в немецком языке, когда «определение предпосылается определяемому» и мотивированные ВК (Дружинина 1963: 188).

Функциональное назначение каждого из этих видов ВК сводится к следующему:

1. Предвосхищающие ВК специализируются на грамматическом значении оценки или обобщения, что ведет к смысловому акцентированию последующей за ними части основного высказывания.

2. Мотивированные ВК, возникновение которых обусловлено словом, частью предложения или всем основным предложением, выражают дополнительно-пояснительные отношения к данным элементам.

В расположении компонентов структуры, содержащей ВК, наблюдается следующая закономерность:

1. Семантико-синтаксическая функция предвосхищающих ВК закрепляет за ними место в препозиции к основному звену.

2. Мотивированные ВК располагаются в постпозиции по отношению к основному звену. Подобная закономерность четко проявляется в том случае, когда вводное звено прерывает семантико-синтаксическую структуру основного предложения:

(5) *Unser deutscher Gast – er hatte sich am Abend zum ersten Mal außer Haus gewagt – stieß etwas später dazu, und dann war Lebendiges bei Lebendigem, wie man vermuten darf* (Kirchhoff, 151).

(6) *Fidelio – ein Mann auch, der sich rasch geehrt fühlte – bot seinen Stuhl an* (Kirchhoff, 175).

На первый взгляд, как в том, так и в другом случае наблюдается качественно однородное явление – разрыв предикативной связи матричного предложения ВК. Однако, в первом примере ВК, прерывая связи, существующие между подлежащим и сказуемым, дает характеристику в плане обобщения-оценки предикативному отношению, прежде чем последнее находит свое окончательное смысловое, грамматическое и интонационное выражение через употребление сказуемого *stieß*; в результате подобной характеристики сказуемое получает дополнительное акцентирование и выявляет в своем значении такие оттенки, которые не могли бы возникнуть при отсутствии ВК; в нашем примере вводное звено заставляет видеть событие, представленное в основном высказывании, в свете его особой значимости для героя.

Мотивированный ВК, наличие которого отмечается во примере (6), обязан своим возникновением имени собственному *Fidelio*, он всем своим содержанием связан с ним, устремлен к нему и специализируется на выражении дополнительно-пояснительных смысловых связей, он не вносит в содержание основного предложения момента, движущего повествование вперед. Это – мотивированное вводное предложение, и отдаление подлежащего от сказуемого через подобное вводное звено не влечет за собой никаких изменений ни в интонационно-смысловой, ни в грамматической структуре самого основного звена.

Понятие вводности не ограничивается только введением новой информации, в структурной целостности текста ВК являются также средством передачи разнообразных межфразовых отношений: причинно-следственных; альтернативных отношений; отношений, выражающих точку зрения; отношений с оттенком уступительности, последовательности в развитии мысли; отношений добавления; отношений с указанием на переход к обобщению, выводу; отношений с оттенком приложения.

Текстоорганизующая роль ВК на уровне высказывания заключается в обеспечении непрерывности движения любого типа текстов. Языковые системы обладают элементами, которые могут указывать на последующие текстовые единицы, а также отсылать к уже использованным средствам.

ВК способны выражать как анафорические, так и катафорические связи. Анафорические связи между языковыми единицами состоят в том, что в смысл одной входит отсылка к другой. Данные связи возникают при ссылках на предыдущие события, которые имеют семантическую или референциальную природу.

Осуществляя анафорические связи с основным высказыванием, ВК могут быть выражены на уровне предложений устойчивыми предикативными единицами, где подлежащим являются местоимения *ich, wir, du, er*, а сказуемым – глаголы *sagen, erwarten*:

(7) *Keine Sorge, junger Mann, die Leute werden klatschen, auch für – sagen wir – nicht so ganz gelungene Darbietungen* (Beier, 130).

Выражая анафорические связи, ВК могут занимать в высказывании интерпозицию или конечную позицию. Благодаря ВК основное высказывание обогащается информацией о том, что предшествовало ему во времени, и о чем в нем не говорилось:

(8) *Das ist doch nicht möglich! Bubrow, der ein Flugzeug Ihrer Aeroflot entführt hat! Bubrow, der – wie ich vor drei Tagen hörte – mit dieser Irene Walther zu den Amerikanern gegangen und seitdem aus Deutschland verschwunden ist* (Konsalik (b) 1991: 242).

При совместном функционировании ВК второй смысловой план предложения уже нельзя оценить однозначно, как при их одноразовом употреблении. Влияние сложного смыслового плана на предложение зависит от принадлежности составляющих его ВК тому или иному семантическому микрополю, от последовательности их появления в высказывании, от их расположения относительно друг друга:

(9) *Ich allein – wie konnte ich es vergessen: Das war das erste Mal! – ich allein wand mich tage- und nächtelang schreiend, in Krämpfen auf meinem Lager* (Lenz, 51).

В данном примере употребление двух ВК, следующих один за другим, осложняет второй смысловой план. В то время, как первый ВК *wie konnte ich es vergessen* представляет

собой непосредственную эмоциональную реакцию на событие, второй ВК *Das war das erste Mal!* является оценочным суждением относительно содержания первого ВК.

При повторении ВК одного микрополя на протяжении высказывания возникает стабильный коннотативный оттенок, который представляет собой не сумму оттенков каждого ВК, а их равномерное распределение в высказывании. Такая стабильность коннотации способствует реализации текстовой категории континуума, так как однородность коннотативных оттенков связана со смысловым единством отрезка текста.

Повторение ВК одного микрополя или одной сферы подчеркивает равнозначность частей сложного предложения или отдельных предложений в сверхфразовом единстве в субъективно-оценочном отношении. Это может быть повторение одной и той же единицы микрополя/сферы или сочетание одноуровневых или разноуровневых ВК этого микрополя/сферы:

(10) *Mann setzte ihn in eine Ecke am Fenster – so verstand ich 's – und gab ihm Gelegenheit, einige Mappen durchzusehen, und da er so wenig spürbar war in seiner Anwesenheit, ebenso leicht zu übersehen wie zu überhören, hatte man ihn – so verstand ich 's – beinahe schon vergessen und war auf alles andere gefasst als darauf, dass der Besucher auf einmal an den wachstuchbespannten Tisch treten würde mit zehn Blättern in der Hand* (Lenz, 65).

В данном примере наблюдается повтор ВК, являющегося единицей одного и того же микрополя, которое характеризует информацию, содержащуюся в основном высказывании как субъективную, достоверную лишь относительно, с позиции автора.

Все, что можно рассматривать как показатель смысловой или коммуникативной целостности текста, приобретает в плане структурной его целостности статус индикатора связи между различными планами высказывания.

ВК анафорически описывают речевой факт, относящийся как к коммуникативному, так и к смысловому плану высказывания. Назначение ВК заключается в реализации следующих функций:

- 1) раскрытие путей для коммуникации;
- 2) четкое осмысление дальнейшего повествования за счет систематизации образов;
- 3) обеспечение последовательной смысловой цепочки между двумя микротемами;
- 4) отражение действительности в ее временных и пространственных связях.

Первые три функции служат для коммуникативной и смысловой целостности текста, последняя указывает на текстообразующую функцию ВК в структурном плане.

Набор ВК в предложении зависит от того, стремится ли говорящий избежать повтора, следуя эстетической тенденции или наоборот – создать симметрию высказывания, повторяя одну и ту же единицу, придать ему определенный ритм, и тем самым большую экспрессивность:

(11) *Verdammt, ich schaffe es nicht; verdammt!* (Konsalik (b) 1991: 198)

В данном примере употребление эмоционально-окрашенного ВК *verdammt* перед основным высказыванием и после него усиливает экспрессивность реплики и придает ей динамизм.

ВК могут сочетаться в репликах одного персонажа и повторяться в ответной реплике как подхват эмоционального тона, задаваемого первым участником диалога, и таким образом сцеплять реплики:

(12) „*Dir bleibt noch eine Stunde bis zum Auftritt. Weißt du, was das ist – eine Stunde? – Eine Stunde?*“ *Sie zuckte völlig abwesend mit den Schultern* (Beier, 113).

Повторение ВК способствует реализации континуума – фактуально-событийной коннотации и таким образом достижению большей обоснованности высказывания, благодаря неоднократной отнесенности его к определенным мнениям, фактам, событиям. Это может быть повторение одной и той же ссылки, напоминание об источнике информации или совместное употребление нескольких ссылок, указание на разные источники, мнение сразу нескольких лиц.

Катафорической связи свойственно линейное предшествование элемента с отсылающим значением, поэтому ВК, состоящие в катафорической связи с основным высказыванием занимают в большинстве случаев начальную позицию. Одним из сигналов катафорической связи в тексте на уровне предложений являются ВК с предикативной единицей, указывающей на последующие события:

(13) „*Und wenn er nicht will?*“

„*Dann – sagen Sie ihm das – suche ich mir einen anderen*“ (Konsalik (a) 1989: 166).

В данном примере ВК *sagen Sie ihm das* побуждает адресата к совершению действия в будущем.

На уровне словосочетаний катафорическая связь может быть выражена лексическими группами, указывающими на порядок и последовательность в развитии мысли. Являясь показателями связей между частями высказывания, ВК указывают также на направление хода мысли и представляют собой сигналы важности сообщаемого факта (Вежбицка, Урмсон 1984):

(14) *Na ja, unser Mann ist nicht bescheiden. Er weiß, was seine Ware wert ist. Aber das war uns ja von vornherein klar. Und noch eins: Er kommt nicht zu Ihnen ins Hotel. Auch wenn es für ihn gefahrlos ist* (Konsalik (a) 1989: 174).

В данном примере благодаря ВК *Und noch eins* содержание основного высказывания включается в ряд перечисляемых фактов, а ход мыслей субъекта речи систематизируется.

На основе всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Тексторганизирующие функции ВК в структурной целостности текста обуславливаются их способностью:

- 1) сцеплять отдельные части высказывания в одно целое;
- 2) показывать смену микротем;
- 3) указывать на анафорические связи;
- 4) указывать на катафорические связи;
- 5) служить структурной рамкой высказывания.

Библиографический список

1. Вежбицка, А., Урмсон Дж. О. Парентетические глаголы / А. Вежбицка, Дж. О. Урмсон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1984. – Вып 15. – С. 196–216.
2. Гальперин, И. Р. Грамматические категории текста / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1977. – 560 с.
3. Дружинина, В. В. О некоторых особенностях категории синтаксической вводности в немецком языке (Предвосхищающее вводное предложение) / В. В. Дружинина // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Вопросы синтаксиса и стилистики немецкого языка. – Л., 1963. – Т. 255. – С. 187–206.
4. Мирзоева, В. М. Функционирование вводно-модальных средств межфразовой связи в научном (медицинском) тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Мирзоева. – Тверь, 1996. – 16 с.
5. Михалева, С. Н. Семантико-прагматический аспект вводно-вставочных конструкций во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Михалева. – Иркутск, 2000. – 15 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Beier, D. Blauer Montag / D. Beier. – Berlin : Neues Leben, 1982. – 168 S.
2. Kirchhoff, B. Infanta / B. Kirchhoff. – Frankfurt am Main : Roman Suhrkamp Verlag, 1990. – 502 S.
3. Kosalik, H.G. Die Bucht der schwarzen Perlen / H.G. Kosalik. – München : AVA- Autoren-und Verlagsagentur, 1989. – 334 S.
4. Kosalik, H.G. Die Liebenden von Sotschi / H.G. Kosalik. – München : Bertelsmann Verlag, 1991. – 352 S.
5. Korschunow, I. Die Sache mit Christoph / I. Korschunow. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995. – 125 S.
6. Lenz, S. Deutschstunde / S. Lenz. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1973. – 449 S.
7. Rück, S. Weglaufen gilt nicht / S. Rück. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995. – 134 S.

*О.В. Бастрыкина
Барнаул*

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ОЦЕНКИ И СРАВНЕНИЯ

Способность индивида к оценочному восприятию и переработке информации является одной из его самых важных когнитивных способностей. Всякая деятельность человека по отношению к окружающему миру является интенциональной, то есть целенаправленной. В силу принципа изоморфизма как целенаправленная определяется и познавательная деятельность. При этом она осуществляется в двух направлениях – как осмысление сущностных признаков объекта или явления объективной реальности, когда в восприятии фиксируются свойства объекта (дескриптивно выраженные в языке), и с точки зрения осознания собственных потребностей познающего в отношении того или иного объекта, определяющих направление поиска возможностей удовлетворения этих потребностей (оценочные выражения в языке) (Хапсироков 1991: 17, Максименко 1996: 102). Иными словами, отражение и оценка – разные формы одного процесса. Первая форма используется для фиксирования характеристик и функций отражаемого объекта, то есть его онтологических характеристик. Вторая форма устанавливает роль этого объекта для познающего субъекта, то есть его социальную роль. Исследователи по-разному подходят к

Известно, что выражаемое мнение субъективно, оно может варьироваться от “+” до “-” в зависимости от интенции человека. Так, за приведенной ситуацией в примере (1) следует сравнение, в котором отчетливо видно сменившееся отношение к манере одеваться описываемого персонажа со сдержанного и спокойного на негативное:

(2) *He was not nearly so well-dressed as Robert, who always looked as though he had stepped out of a show-window...* (Maugham, 145).

Если первый пример представлял собой констатацию факта нейтральной оценки, то второй эксплицирует появление оценочного предиката *not so well-dressed as*, формирующего ситуацию оценочного сравнения: отрицательная характеристика в семантике *not so as* и субъективизм в значении *well-dressed* (=fashionable, smart) присутствуют в их интегральном единстве.

Таким образом, человек может охарактеризовать явление действительности с диаметрально противоположных позиций квалификации, и со временем аксиологическая позиция субъекта может измениться.

По словам Н.Д. Арутюновой, оценка неотделима от сравнения, поскольку интерпретация получаемой информации осуществляется на основе принципа дизъюнкции, то есть наличия свободного выбора из ряда альтернатив, человек прибегает к ценностному сравнению, или, другими словами, сравнение формируется ситуацией выбора. Здесь следует отметить, что оценочная перспектива возникает не в результате предпочтения одного предмета другому, а в результате приписываемых объекту свойств или признаков. (Арутюнова 1983: 330). По мнению Н.Н. Болдырева, специфика аксиологических отношений заключается в том, что в их основе лежит интерпретирующая функция, но, чтобы получить конкретную, четко оформленную интерпретацию, необходимо соотнести оценочные концепты с другой структурой знания, обладающей большей информативной емкостью, то есть провести сравнение (Болдырев 2002: 104).

Диалектическая закономерность связи сравнения и оценки подтверждается многими определениями, данными в толковых словарях. Так, в Оксфордском Словаре английского языка говорится о том, что сравнение можно охарактеризовать как оценивание сходств или различий между двумя вещами или людьми: “an estimate of the similarities or dissimilarities between two things or people” (ODE). То есть, с точки зрения семантического наполнения, сравнение выражает оценку, и, в свою очередь, в оценке эксплицируется сравнение.

Итак, при всем многообразии направлений в понимании и изучении процессов оценивания и сравнения, существует общий принцип, составляющий стержень диалектичности этих двух процессов: они находятся в неразрывной связи друг с другом.

Взаимосвязь оценочных характеристик с процессом сравнения можно проследить в самой классификации оценок (одной из возможных). Исследователи оценочности в разных областях знания (лингвистика, логика, психология и др.) сходятся во мнении о том, что оценка может быть двух видов – абсолютная и сравнительная. В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо/плохо», второй – «лучше/хуже» (Трунова 1997: 153, Вольф 2006: 15). При абсолютной оценке речь идет, как правило, об

одном оценочном объекте, при сравнительной – имеется по крайней мере два объекта или два состояния одного и того же объекта. В абсолютных оценочных структурах сравнение прямо не выражено, например:

(3) *And to be frankly fair, Randolph had done a tolerable job of running Stratford Shipping* (Rice, 6).

В такого рода суждениях всегда имеется в виду оценочный стереотип. На наличие оценочного значения указывают несколько факторов: во-первых, атрибутивный компонент, выраженный прилагательным *tolerable*, семантическое наполнение которого состоит из сем [fairly good] и [acceptable]; во-вторых, данный пример предполагает отсылку к определенному стандарту, как любое ценностное высказывание. Норма по определению вариативна, следовательно формируется соотношение признаков: чтобы определить, что «работа сносная», необходимо сначала узнать, что означает «работа похуже», или «работа получше», то есть чем отличается состояние, признак объекта в описываемый момент от характерной для него нормы. Таким образом, ситуация выбора имплицитно несет оценочный смысл, осуществляемый за счет сравнения. Итак, проведенный анализ показал, что сравнение действительно неотделимо от оценки.

Сравнительная оценка, в отличие от абсолютной, предполагает эксплицитное сравнение. Например:

(4) *“In fact, I think you’re even more beautiful than you were before.”* (Hancock)

Сравнительная конструкция с союзом *than* эксплицитно указывает на сравнение-оценивание, добавляемое к модальному оператору *I think* (эпистемическая область оценки). В данном предложении указывается на изменение состояния объекта – описание признака красоты девушки в непосредственный момент и более ранний период.

Результаты выполненного анализа свидетельствуют о том, что абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов (их свойств и признаков) друг с другом.

Проблема взаимосвязи или соотношения абсолютной и сравнительной оценок составляет одну из основных проблем аксиологии. Приведенная классификация не противоречит априорному предположению о том, что сема сравнения присуща всем трем формам сравнения – положительной, сравнительной и превосходной – но вопрос о том, какая оценка является исходной, абсолютная или сравнительная, не имеет однозначного решения. При семантическом анализе обнаруживается, что оценка производится только на основе сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично (Аругтюнова 1988: 53, Наре 2003: 156). Поскольку объект может быть оценен только при сравнении с другими объектами (так, говоря, *an uneven path*, мы сравниваем эту тропинку с другими тропинками, *a little chamber* – сравнивая с другими комнатами и т. п.), предполагается, что исходной должна быть сравнительная оценка. Таким образом, высказывание *This path is more uneven* является первичным по отношению к *This path is uneven*. Происходит инверсия порядка введения понятий, образованию стереотипа

предшествует сравнению. Исходя из приведенного анализа, ставится под сомнение традиционное утверждение, что исходным моментом сравнительного оценивания является положительная степень, представляющая собой норму, поскольку в некоторых случаях степени сравнения обозначают только направление движения признака в сторону его увеличения или уменьшения от выбранной или заданной точки отсчета.

Оба типа оценки являются сложными по семантике, поскольку требуют либо дополнительного пояснения, либо фоновых знаний, или и того и другого. Если обратиться к формам оценочных выражений в естественном языке, то мы увидим обратное. В естественном языке абсолютная оценка воспринимается как исходная.

Итак, выполненное исследование позволяет сделать ряд заключений о том, что оценочная категоризация невозможна без сравнения явлений окружающего мира; оценка основывается на механизме сравнения, создающим ситуацию выбора, и наконец, вне человека нет оценки и сравнения. Кроме того, определение, уяснение, изучение операций сравнения и оценивания как единого целого важно для адекватного толкования познавательного процесса.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Том 42. – № 4. – С. 330–341.
3. Болдырев, Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н. Н. Болдырев // С любовью к языку. Сборник научных трудов – М., 2002. – С. 103–114.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
5. Гранин, Ю. Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 1987. – № 6. – С. 59–72.
6. Кравченко, А. В. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск. – Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.
7. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
8. Максименко, О. Г. Об оценочном компоненте высказывания / О. Г. Максименко // Язык и культура. – Барнаул. – 1997. – С. 102–104.
9. Трунова, О. В. Логическая структура оценки и ее языковая экспликация / О. В. Трунова // Язык и культура. – Барнаул. – 1997. – С. 152–156.
10. Хапсироков, А. Я. Отражение и оценка : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1991. – 32 с.
11. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука. – 1991. – С. 5–35.
12. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 256 с.
13. Hare, R. M. The language of morals / R. M. Hare. – Oxford Clarendon Press, 2003. – 202 p.
14. [ФЭС] Философский Энциклопедический Словарь / С. С. Аверинцев, Э. А. Ораб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. ; 2-е изд. – М. : Советская Энциклопедия, 1989. – 815 с.
15. [ODE] Oxford Dictionary of English (for ABBY Lingvo x3). Revised Edition. Oxford University Press, 2005.

Список источников иллюстративного материала

1. Rice, A. The Mummy or Ramses the Damned / A. Rice. – The Ballantine Publishing Group, 1997. – 398 p.
2. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – Corgi Books, 2004. – 607 p.
3. Hancock, P. Just Good Friends / P. Hancock. – Аудио книга на английском языке. – М. : Студия АРДИС, 2004.

О.Е. Бегаева
Барнаул

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕДИКАТОВ СОСТОЯНИЯ

Понятие «состояние» является универсальной семантической категорией и связано с языковым выражением универсальных категорий мыслительной деятельности человека. В исходной точке понятие «состояние» связано с идеями Аристотеля. В «Метафизике» он определяет Состояние как одну из трех важнейших групп наряду с Сущностью и Отношением (Аристотель (б): [www](#)), а в «Категориях» приводит известный список 10 категорий, из которого к состоянию примыкают:

– 7 тип (Положение) – в противоположность обладанию. В последнее включалось также так называемое «состояние души» или «склад души» (чувства, страсти – *hexis*);

– 8 тип (Обладание (Состояние)) в соединении с понятием страдательности, претерпевания (10 тип – Претерпевание). У действующего и испытывающего действия разная деятельность, ведь в одном случае имеется действие, в другом – претерпевание, причем итог и цель первого есть деяние, второго же – страдательное состояние (Аристотель (а): [www](#)).

Хотя в учении Аристотеля категория состояния отождествляется с категорией обладания, им намечены и тонко охарактеризованы различные, более частные категории, которые в дальнейшем суммировались в категорию состояния.

В лингвистической литературе существуют разные взгляды в определении понятия «состояние». Так, в английской лингвистике словам так называемой категории состояния (*words of category of state*) уделяется относительно немного внимания. Часто просто указывается на существование особого типа слов, которые употребляются только предикативно при глаголе-связке. В русской англистике, напротив, большое количество работ посвящено предикатам типа *to be asleep*. Первым установить класс предикатов, образующих эту категорию в английском языке, попытался Б.А. Ильиш (Ильиш 1971).

Интерес к этому типу предикатов возник под влиянием идеи Л.В. Щербы о существовании категории состояния. Подойдя к вопросу о частях речи с семантико-синтаксических позиций, он установил, что в русском языке есть ряд слов (таких как «надо», «нельзя», «можно», «рад», «замужем», «навеселе», «холодно», «пора»), отнесение которых под какую-либо категорию затруднительно. Исходя из этого, он делает вывод, что это особая категория состояния в русском языке, достаточно яркая и

убедительная, и если не признавать ее наличия, то эти слова остаются вне категорий (Щерба 1974: 90).

Предикативами/стативами/словами категории состояния в английском языке называют прилагательные типа *ablaze, afloat, afraid, aghast, alight, alike, alive, alone, ashamed, asleep, awake*, употребляемые только предикативно. В настоящее время однозначного подхода в изучении этого феномена нет. Относительно лексем данного типа существуют разные теории. Так, например, было высказано предположение о существовании слов категории состояния в английском языке, образующих отдельный лексико-грамматический класс (Иванова и др. 1981: 37, Маркосян 1985). Другие же ученые выделяют эти лексемы в отдельную не грамматическую, а лексическую категорию ввиду того, что состояние может быть выражено разными лексико-грамматическими классами: прилагательными, причастиями и т. д. Некоторые исследователи считают данные слова предикативными прилагательными (Бархударов 1975, Alexander 1988: 109, Kolln, Funk 1998: 286). Также есть точка зрения, согласно которой слова категории состояния могут выполнять синтаксическую функцию, характерную для наречий, существительных, прилагательных, но не являются отдельным лексико-грамматическим классом (Миндиашвили 2003: 129). Как самостоятельный лексико-грамматический класс рассматривает слова категории состояния П.И. Шлейвис (Шлейвис 1985), а Б.А. Ильиш не отрицает возможность выделения этой части речи, но не приводит достаточных логических оснований для выделения таковой (Ильиш 1971).

Вопрос выделения слов категории состояния из лексико-грамматического класса прилагательных является очень спорным, что, впрочем, неудивительно. Подводя итоги обсуждению этой категории, Л.В. Щерба писал: «...слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит, общей марки» (Щерба 1974: 91). Этот вопрос действительно продолжает быть предметом дискуссий и рассматривается с разных точек зрения (Буланин 1976: 174, Евтюхин 1999: 28).

Проведенное исследование позволяет отнести к прилагательным, выражающим состояние, не только лексемы, оформляющиеся префиксом *a-*, но, также, все прилагательные, имеющие семантическое значение состояния. Представляется логичным поддержать точку зрения тех исследователей, которые рассматривают состояние как любое положение дел в объективной действительности, взятое безотносительно к его предыдущему существованию и последующему развитию, т.е. это всякое статичное бытие предмета, рассматриваемое в некоторый определенный момент. Это состояние может быть мгновенным или относительно продолжительным, иначе говоря, на временной оси оно может занимать как точку, так и отрезок, соответствующий длительному промежутку времени.

Прилагательные, выражающие состояния, сближаются с другими семантическими типами предикатов по разным параметрам. Ориентированность на субъект сближает

состояния с качествами и свойствами. Однако различие состоит в том, что качества и свойства входят в набор тех элементов, из которых строится объект вообще или в какой-то промежуток времени своего существования. Поскольку они представляют собой параметры объекта, то непосредственной локализации на оси времени не происходит (в отличие от состояния, которое непосредственно соотносится с осью времени), т. к. они истинны для любой точки того отрезка времени, с которым они соотносятся. Состояние характеризуется фазовостью существования, т. е. оно не выступает в качестве параметра, образующего предмет в широком смысле этого слова, и тем самым отличается от качеств и свойств. Этот нюанс требует более подробного рассмотрения.

Существуют мнения о том, что состояние – это не что иное, как временное свойство объекта. Действительно, состояние связано с представлением о том, что объект может находиться и в других состояниях и, следовательно, это нечто временное, преходящее, в то время как свойства, будучи структурными элементами семантики самого объекта, носят статичный, непреходящий характер, в чем и заключается принципиальная разница между этими предикативными типами.

Прилагательные состояния сближаются с процессами по значению локализованности во времени, неконстантности признака.

На простое правило, позволяющее отличать не-состояния от состояний, указывает У. Чейф: предикативные конструкции, выражающие не-состояния, отвечают на вопрос *What happened?* «Что произошло?», *What's happening?* «Что происходит?» и т. п. Например: *What happened? The wood dried.* Но не *the wood was dry* (Чейф 1975: 117).

О.Н. Селиверстова выделяет другой аспект, по которому состояние отличают от постоянных признаков – это характеристика субъекта. Обозначения состояний относят в первую очередь к лицам, указывая на их внутренние или внешние свойства. При этом следует, видимо, различать состояния как таковые, представляющие собой признаки чувствующего субъекта, оцениваемые как бы изнутри, и внешние проявления состояний, поведение субъекта, оцениваемое со стороны. Первые могут описываться лишь самим субъектом, а вторые – сторонним наблюдателем (Селиверстова 1982, 324).

Состояния, охарактеризованные собственно субъектом, являются субъективными, они выражают отношение говорящего к предмету или событию, например:

(1) *I don't talk about my past because it's too **painful*** (Lewis, 7).

В приведенном примере субъект сам оценивает свое прошлое и высказанное отношение к нему абсолютно субъективно.

Все вышесказанное позволяет связать понятие о субъективном признаке с категорией оценки.

Прилагательные объективного состояния, в свою очередь, могут выражать:

1. физическое состояние субъекта: *thirsty, faint, dead, immobile, alive, asleep, infectious* и т. п. Например:

(2) *Both men had realized that Tom was **drunk** and wildly irrational, and the owner claimed that Tom had been like a madman, raving about what they couldn't do to his son* (Steel, 35).

Состояние отличается от постоянного признака тем, что в течение отрезка своего существования непрерывно создается во времени. Состояние – это временная стадия в наблюдении за существованием субъекта, в течение которой он характеризуется некоторым признаком, актуальным для данного отрезка времени. Следовательно, субъект может находиться и в другом физическом состоянии.

2. состояние – социальное положение: *(un)married, engaged, ruined, single, free* и т. п. Например:

(3) *Allison shot him a look. “Does he harass her, too?” she asked. “I swear, I’m ready to put in a grievance. But I figure now that Marcus knows Tracie’s **engaged**, he’ll probably lay her off. He doesn’t seem to go for married women”* (Goldsmith, 310).

Приписывание признака предмету предикативно сопряжено с действиями выявления фоновых показателей причинного характера: *she is engaged → he will lay her off*. Это позволяет заключить, что признак приписывается воспринимающим на основе проведения определённых мыслительных действий. Эти действия могут остаться за рамками вербального контекста, однако, тот факт, что коммуникация оказывается состоявшейся, то есть коммуниканты понимают и адекватно интерпретируют утверждение, доказывает наличие общих фоновых знаний, формируемых повторяемостью типичных ситуаций.

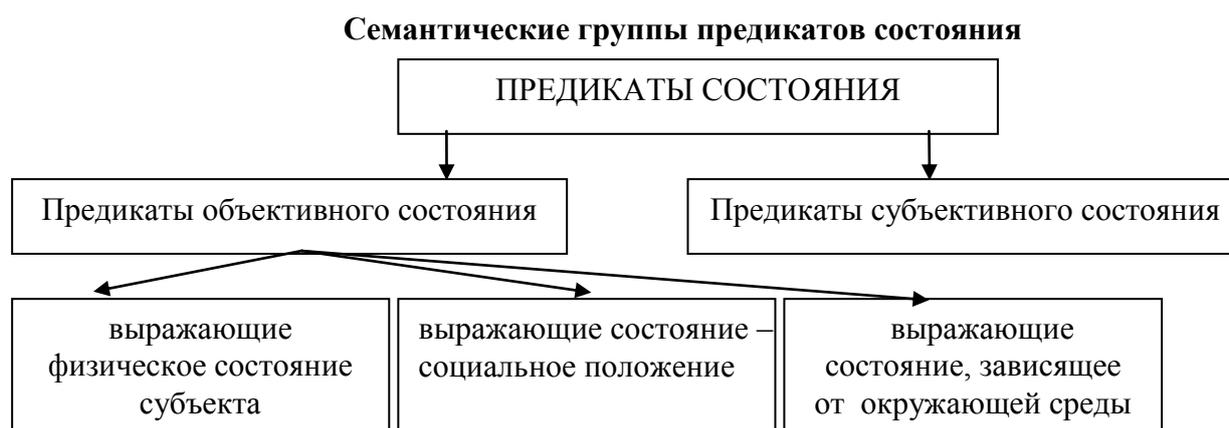
3. состояние субъекта, зависящее от состояния окружающей среды: *cold, cool, warm, hot* и т. п. Например:

(4) *“You are **cold**,” he said, holding her face in both his hands. “Don’t you know enough to come in out of the rain?”* (Goldsmith, 285).

В примере прилагательное *cold* выражает значение состояния, зависящего от окружающей среды. Объективный признак, содержащийся в семантике данного прилагательного, базируется на наличии фоновых знаний и понятии о нормальной температуре тела и окружающей среды. Состояние субъекта обусловлено причинно-следственными связями (субъект попал под дождь, промок и замерз) и является кратковременным.

Итак, анализ приведенных адъективных предикатов состояния позволяет сделать вывод о том, что значение состояния в английском языке актуализируется моделью Verb + Adj., где Verb – глагол-связка (чаще всего, глагол *to be*), а Adj. – прилагательное с семантикой состояния. Представим проанализированные предикаты в виде схемы:

Схема 1

Из проведенного анализа предикатов состояния и их семантических признаков вытекает, что все эти предикаты можно разделить на две группы: предикаты объективного и субъективного состояния. В состав предикатов первой группы входят предикаты, выражающие физическое состояние субъекта, состояние – социальное положение, а также состояние субъекта, зависящее от состояния окружающей среды. Состояния же, охарактеризованные не собственно субъектом, а сторонним наблюдателем являются субъективными и тесно связаны с категорией оценки.

Библиографический список

1. Аристотель. Категории (а) [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/kat/kategorii.html>
2. Аристотель. Метафизика (б) [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/aristotle/metaphysic.html>
3. Бархударов, Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высшая школа, 1975. – 155 с.
4. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
5. Евтюхин, В. Б. Наречие : учебное пособие / В. Б. Евтюхин. – СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. – 48 с.
6. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Поцепцов. – М. : Высшая школа, 1981. – 285 с.
7. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка / Б. А. Ильиш. – Изд. 2-е, на англ. яз. – Л. : Просвещение, 1971. – 368 с.
8. Маркосян, Л. Е. Семантика и синтаксис предикатов состояния : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Е. Маркосян. – М., 1985. – 23 с.
9. Миндиашвили, М. Р. О словах-предикативах / М. Р. Миндиашвили // Некоторые проблемы грамматических категорий и семантики единиц языка : сб. науч. тр. / Пятигорск, 2003. – С. 28–133.
10. Селиверстова, О. Н. Семантические типы предикатов / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1982. – 365 с.
11. Чейф, У. Л. Значение и структура языка / У. Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
12. Шлейвис, П. И. Слова-предикативы в английском языке / П. И. Шлейвис. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1985. – 127 с.
13. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
14. Alexander, L. G. Longman English Grammar / L. G. Alexander. – London : Longman Group UK Limited, 1988. – 374 p.
15. Kolln, M., Funk, R. Understanding English Grammar / M. Kolln, R. Funk. – Needham, Massachusetts : A Viacom Company, 1998. – 496 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Goldsmith, O. Bad Boy / O. Goldsmith. – London : Harper Collins Publishers, 2001. – 324 p.
2. Lewis, S. Dance While You Can / S. Lewis. – London : Arrow Books, 1998. – 337 p.
3. Steel, D. Season of Passion / D. Steel. – London : Time Warner Paperbacks, 2002. – 352 p.

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Коммуникативно-прагматический поворот в языкознании конца прошлого столетия предопределил тот интерес, который лингвисты начали проявлять к изучению незначительных слов. Такое внимание вполне закономерно: ввиду большой распространенности незначительных слов в речи никакое исследование речевой деятельности не может оставить без внимания их роль и место в коммуникативном процессе.

В особенности это относится к тем из незначительных слов, которые отражают не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса, понимаемого как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст. Такие слова получили название дискурсивных. Они исследуются в качестве языковых элементов, регулирующих интеракцию между коммуникантами, активно изучается также их способность «вписывать», «встраивать» высказывание в контекст. Однако здесь ученые сталкиваются с рядом проблем, до сих пор вызывающих споры: нет единого мнения относительно точного определения границ данной группы слов, отсутствуют четкие критерии отнесения той или иной языковой единицы к дискурсивным словам и т. д. Не способствует преодолению указанных трудностей и терминологическая неопределенность: их называют дискурсивными словами, дискурсивными маркерами или словами-организаторами, маркерами организации дискурса или показателями членения речи, модальными словами, скрепами и т. д.

Слова, которые могут быть отнесены к дискурсивным, не затрагивают основного содержания разговора, они указывают, как реплика, содержащая дискурсивное слово, вписывается в общую ситуацию общения; говорящий с помощью дискурсивных слов сигнализирует слушателю о своих интенциях, чтобы тот мог выявить эти намерения собеседника и предпринять ответный коммуникативный ход. Таким образом, употребление этих слов связано с функционированием дискурса.

Все эти языковые единицы могут принадлежать к разным частям речи, они не затрагивают основного содержания разговора, но их объединяет то, что они функционируют в дискурсе как маркеры организации разговора и как иллюкутивные индикаторы, которые привносят в основное содержание высказывания дополнительную информацию, помогающую выявлению интенций говорящего. Ф. Лидтке рассматривает некоторые наречия, частицы и модальные глаголы в немецком языке как «индикаторы иллюкутивной силы высказывания» (Liedtke 1999: 61). В англоязычной специальной литературе общепринятым для обозначения подобных слов является термин «дискурсивные маркеры».

В настоящее время отмечается повышенный интерес к дискурсивным словам в исследованиях различных языков. Изучение данных слов, каким бы термином они не были обозначены, позволяет продуктивно применять коммуникативный, прагматический и другие современные подходы при анализе языковых явлений.

По мнению М.Л. Макарова, всякий дискурс, будь то текст, монолог или диалог, состоит из более мелких коммуникативных единиц, которые организуют структуру дискурса. Цельность и связность дискурса – важнейшая из его отличительных черт, дискурсивные слова обеспечивают грамматическую и смысловую цельность дискурса, организуя тем самым смысловую связность его единиц (Макаров 2003: 35).

Проанализировав исследования современных отечественных и зарубежных ученых (А.Н. Баранова, К.Л. Киселевой, В.И. Карасик, Р.И. Бабаевой, А. Вежбицкой и др.), можно выделить следующие особенности дискурсивных слов.

1. Дискурсивные слова не образуют естественный класс единиц. Этот класс не имеет четких границ и объединяет единицы, которые различные классификации относят к разным частям речи. Попытки задать подобные слова списком оказываются весьма спорными, а принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев.

2. Дискурсивные слова не имеют денотата в общепринятом смысле; их значения не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Они часто бывают «непереводимыми», в том смысле, что в различных языках не существует их точных эквивалентов. По мнению Р.И. Бабаевой «дискурсивные слова кажутся необязательными элементами речи, функционирующими в качестве сигналов для слушателя, облегчающими интерпретацию высказывания на базе различных контекстуальных подсказок, но их значение является решающим для взаимодействия, осуществляемого коммуникантами. Единицы данного класса выражают отношение говорящего к адресату или к ситуации, о которой идет речь, его намерения, предположения и эмоции» (Бабаева 2006: 28).

3. У многих слов такого типа существуют, наряду с дискурсивными, и другие, недискурсивные, употребления. При этом между дискурсивными и другими употреблениями некоторого слова часто не существует семантической связи, поэтому в большинстве случаев исследователи не пытаются соотнести друг с другом различные функции слова в дискурсе, описывая дискурсивные употребления отдельно от прочих употреблений.

4. Проведение границы между значением дискурсивного слова и значением контекста также оказывается более сложной процедурой, чем в случае конкретной лексики. Многие дискурсивные слова могут полностью сливаться с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов.

5. Описание дискурсивных слов обычно требует рассмотрения значительно более длинных контекстов, чем в случае других единиц или недискурсивных употреблений соответствующих единиц.

Дискурсивные слова являются классом слов с уникальными формальными и прагматическими возможностями, их частотность довольно высока. Объем и границы дискурсивных слов варьируют от одного языка к другому. Четкого и единого определения термина «дискурсивные слова» не существует. Этот термин соотносится с особым классом слов, принципиально важным свойством, которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса.

По мнению большинства исследователей, «ядром класса дискурсивных слов являются модальные частицы, то есть слова, которые иногда называют прагмалексемами. Далее располагаются модальные слова, междометия. На периферии располагаются союзы и предлоги, употребляемые в разговорно-обиходной речи» (Девкин 1981: 45).

Многими отечественными и зарубежными учеными, занимающимися исследованием дискурсивных слов, были предприняты попытки их классификации. Проанализировав исследования, посвященные этой проблеме (А.Н. Баранова, К.Л. Киселевой, В.И. Карасик, Р.И. Бабаевой, Р. Бланкенхорн, Б. Фрейзер, К. Бауер-Рамазани и др.), можно выделить два основных способа классификации дискурсивных слов: по их синтаксической роли и по функции в дискурсе.

Так, например, Р. Бланкенхорн подразделяет дискурсивные слова на две основные группы: элементы с преобладающей структурирующей (синтаксической) функцией и элементы с преобладающей модифицирующей функцией. Первую группу слов она называет дискурсивными маркерами (Diskursmarker), а вторую – модификаторами (Modifikatoren).

Б. Фрейзер называет дискурсивные слова прагматическими маркерами, К. Бауер-Рамазани – дискурсивными маркерами. К. Бауер-Рамазани и Р. Бланкенхорн классифицируют дискурсивные маркеры по их синтаксической роли в предложении. К. Бауер-Рамазани выделяет соединительные союзы (coordinating conjunctions), коннекторы (connectors) (наречия, союзные наречия), подчинительные союзы (subordinating conjunctions), фразовые связующие средства (phrase linkers) (предлоги, существительное с предлогом). Р. Бланкенхорн в отличие от Б. Фрейзера дает более подробную классификацию дискурсивных маркеров. Она относит коннекторы наряду с разделительными частицами к внутренним сигналам членения речи (interne Gliederungssignale). Фразовые связующие средства у Р. Бланкенхорн названы заполнителями пауз (Verzögerungssignale), А. Линке обозначает этот тип дискурсивных маркеров как средства «ремонта» диалога (Reparaturmechanismen). Б. Фрейзер в книге «Прагматические маркеры» (Pragmatic Markers) классифицирует маркеры по их функции в дискурсе. Он выделяет базовые маркеры (basic markers), маркеры-комментарии (commentary markers), параллельные маркеры (parallel markers), дискурсивные маркеры (discourse markers). Комментирующие прагматические маркеры и параллельные прагматические маркеры кодируют и силу, и содержание сообщения. Для этого следует учитывать следующие лингвистические и контекстуальные факторы: позиция в дискурсе, тип текста, размеры дискурса, которые охватывает маркер.

Итак, в рамках данной статьи мы попытались определить статус дискурсивных слов в современном языкознании, выявить их особенности, проанализировать имеющиеся классификации. Перечисленные связующие средства отличают текст от «не текста» и служат средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Они не выявляют, *что* сообщает текст; они определяют, *как* текст организован в семантическое целое. Необходимо более детальное исследование функционирования этих слов, выяснение возможных ситуаций их употребления. Это поможет, с одной стороны, провести «инвентаризацию» лексического материала, важного для процесса успешной коммуникации, а с другой – получить материал, который позволит усовершенствовать имеющиеся описания семантики этих слов.

Библиографический список

1. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бабаева Раиса Ивановна. – Иваново, 2008. – 219 с.
2. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской / В. Д. Девкин. – М. : Высшая школа, 1981. – С. 23–67.
3. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М : ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 34–41.
4. Bauer-Ramazani, K. English Discourse Markers / K. Bauer-Ramazani [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://academics.smcvt.edu>
5. Blankenhorn, R. Pragmatische Spezifika der Kommunikation von Russlanddeutschen in Sibirien. Entlehnung von Diskursmarkern und Modifikatoren sowie Code-switching / R. Blankenhorn – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2003. – S. 75–89.
6. Fraser, B. Pragmatic markers. / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – № 6 (2). – P. 167–190.
7. Liedtke, F. Grammatik der Illokution: über Sprechhandlungen und ihre Realisierungsformen im Deutschen / F. Liedtke – Tübingen : Narr 1998. – S. 177–189.

*О.Б. Бугаева
Барнаул*

РАЗГОВОРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ СЛОВА КАК СПОСОБ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

Данная работа посвящена исследованию разговорной маркированности слова как одного из средств интенсификации оценки в тексте британской прессы.

Лексика языка как явление многостороннее и отражающее различные аспекты человеческой деятельности предполагает наличие различных групп и слоев вокабуляра, в том числе характерных для определенных сфер коммуникации, функционально-речевых стилей. С этой точки зрения, как правило, выделяется официальная, неофициальная и общеупотребительная лексика, соответственно, отмечается возможность деления английского словаря на литературно-книжную, разговорную и нейтральную лексику (Арнольд 1959, 1986, Гальперин 1977, Скребнев 1985, 2000). Несмотря на некоторые отличия в предлагаемых схемах стилистической дифференциации

английского словаря, все они отражают возможности функционирования слова в определенных коммуникативных условиях. Типичной сферой функционирования разговорной лексики является разговорная речь, неофициальная речь обиходно-бытового характера, рассматриваемая как особый тип реализации языка (Девкин 1979: 11). Однако разговорная стилистическая маркированность слова не исключает его использования в других сферах речевой коммуникации, в частности в средствах массовой информации, в прессе. Более того, в условиях нетипичного контекста разговорность слова может выступать как средство усиления его коннотаций: оценочности, эмоциональности, экспрессивности и прагматического потенциала, а также формирования и интенсификации оценки всего контекста в целом.

Разговорная лексика в английском языке включает такие стилистически сниженные лексические единицы, как коллоквиализмы и субколлоквиальную или субстандартную лексику, в частности, сленг – общий и специальный, в том числе социальные и профессиональные жаргонизмы и арготизмы; а также просторечие, диалектизмы и вульгаризмы (Гальперин 1977, Скребнев 2000, Хомяков 1970). Общей чертой разговорно-маркированных единиц является наличие разговорного стилистического компонента в их семантической структуре, который может выступать в комбинации с оценочным компонентом. При этом под оценкой понимается «социально устоявшееся и узуально закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности, < ... > компонент, который можно выделить в сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта» (Вольф 1985: 18). Особая роль стилистического компонента коннотации заключается в том, что стилистический статус слова не определяется его предметно-логическим значением, а зависит от сферы и ситуации общения. Представляется возможным признать, что, несмотря на тесную взаимосвязь с оценкой, стилистический компонент семантической структуры слова имеет право, как отмечает М.С. Ретунская, на автономное рассмотрение: он (не имея референта в материальной действительности), тем не менее, характеризуется своим означаемым, в роли которого выступает ситуация общения (Ретунская 1996: 246). Стилистический компонент значения слова, в отличие от эмоционального и оценочного, не отражает свойств участников коммуникации, но без функционально-стилистической характеристики слово не может выполнять одну из своих ведущих функций – коммуникативную.

Стилистическая коннотация является постоянным компонентом семантики слова. «Стилистическая окраска слова ни создается непосредственно в процессе употребления, ни привносится каждый раз индивидом. Слова имеют определенную стилистическую характеристику как элементы системы языка постоянно» (Арнольд 1959: 55). Итак, стилистический параметр слова, «не являясь его сугубо речевой характеристикой, внешней по отношению к парадигматическим свойствам, тем не менее, составляет неотъемлемую часть семантической структуры слова и как таковой

фиксируется в словаре. Он не состоит в гипо-гиперонимических отношениях с прочими компонентами коннотации (эмоциональным, оценочным и пр.), имея собственный объект отражения – коммуникативную ситуацию» (Ретунская 1996: 246). Как только слово попадает в необычное стилистическое окружение, его собственная стилистическая окраска выступает максимально ярко (Пиотровский 1977: 22).

Специфическая стилистическая маркированность разговорного слова определяет его способность ярко представить оценку в речи и интенсифицировать уже имеющуюся в контексте оценку, поскольку функционально-стилистические различия лексических единиц в некоторой степени могут прогнозировать характер потенциальной эмоциональной оценки. По имеющимся данным значительное число английских разговорных слов обладает оценочной семантикой, т. е. они являются ингерентно-оценочными словами. В.А. Звегинцев подчеркивает, что оценочный и функционально-стилистический компоненты взаимосвязаны, хотя и не могут считаться тождественными (Звегинцев 1957). Эта взаимосвязь проявляется, в частности, в том, что разговорная маркированность часто способствует формированию адгерентной оценочности в семантике аксиологически нейтрального разговорного слова в речи и интенсификации оценки, присущей контексту в целом, поскольку использование разговорного слова позволяет адекватно выразить оценку и интенсифицировать ее, «противопоставляя тенденции, действующие в устном высказывании, тенденциям, принадлежащим области кодифицированного языка» (Ретунская 1996: 267).

С целью изучения особенностей интенсификации оценки в тексте британской прессы посредством разговорного слова были проанализированы более 850 контекстов употребления разговорной лексики в современных британских газетах. Источником данных контекстов послужили тексты информационного жанра, такие как заметка, репортаж и интервью, а также тексты аналитического жанра, в частности, комментарии, статьи, рецензии и обзоры, в выпусках британских газет “The Times” и “The Guardian” (2000 – 2005 гг.).

В результате проведенного исследования было выявлено два основных направления интенсификации оценки посредством разговорного слова в тексте британской прессы: использование оценочного разговорного слова и употребление оценочно-нейтральной разговорно-маркированной единицы в стилистически нейтральном контексте при наличии прочих средств формирования оценки в тексте.

В первом случае оценочно-маркированное разговорное слово выступает как одно из средств создания высоко интенсивной отрицательной или положительной оценки в контексте. Например, в статье “Strachan Calm Before the Storm” Эван Мюррей использует отрицательно-оценочное разговорное слово *mind-blowing* для описания сложности ситуации и большого количества проблемных случаев во время игры и ее организации:

(1) *“I have an idea of what the game will be like, but then I thought that about the job when I arrived here and I soon realized how much of a rollercoaster it actually is. It's been **mind-blowing**,” said Strachan yesterday* (The Guardian).

Экспрессивное разговорное слово *mind-blowing* ‘*extremely impressive, exciting or shockin*’, имеющее помету ‘informal’ (MEDAL) и способное выражать как положительную, так и отрицательную оценку, как видно из дефиниции, способствует интенсификации отрицательной, в данном случае, оценки контекста, которая создается в частности посредством использования стилистически нейтральной отрицательно-оценочной лексической единицы *rollercoaster* ‘*a situation in which there are many big and sudden changes*’ (MEDAL).

Другим примером интенсификации оценки контекста с помощью оценочно-маркированной разговорной единицы является случай комплексного использования оценочных средств в статье “Mind Over Matter” Джона Крейса:

(2) *Other subjects may give you a warm, scholarly glow, but none has the same **wow** factor as physics for pushing back the frontiers of knowledge* (The Guardian).

Экспрессивное положительно-оценочное разговорное слово *wow* ‘*striking or impressive*’, имеющее помету ‘informal’ (MEDAL), способствует интенсификации оценки в контексте, которая создается, в частности, метафорой *a warm, scholarly glow* для характеристики дополнительных школьных предметов и модальным глаголом *may*, указывающим на небольшую степень вероятности успешности завершения учебного года благодаря этим предметам. Во второй части предложения подчеркивается определяющая важность физики по сравнению с другими предметами, что происходит за счет использования отрицательного местоимения *none* в сочетании с метафорой *for pushing back the frontiers of knowledge*. Таким образом, стилистическая маркированность слова *wow* дает возможность интенсификации положительной оценки в выделении ведущей роли физики как учебного предмета в определении успешности/неуспешности овладения знаниями. Употребление положительно оценочного коллоквиализма *wow* и книжной метафоры *to push the frontiers of knowledge* усиливает стилистическую дивергенцию между словами, употребляемыми в одном предложении, что способствует интенсификации выражения иронии и незначительности и соответственно общей отрицательной оценки дополнительно выбранных школьных предметов.

При столкновении слов различных стилистических регистров можно наблюдать интенсификацию оценки контекста посредством не только оценочно-маркированной разговорной лексики, но и оценочно-нейтральных разговорно-маркированных единиц. Например:

(3) *The day before she died, her **dad** was wallpapering the kitchen, and she scrawled the words “Carrie Louise Taylor 6.07.2005” on the bare wall* (The Times).

В данной статье "Six Young People Full of Hopes (The Times Running Obituaries and Tributes to All 55 Victims of the London Attacks)" Елена Картер комментирует семейную ситуацию людей, погибших во время террористического акта в Лондоне в 2005 году. Коллоквиализм *dad* 'your father', имеющий помету 'informal' (MEDAL), в описании обиходной ситуации усиливает контраст между теплыми близкими отношениями в кругу семьи погибшей девочки (сцена процесса наклейки обоев) и неожиданностью и холодом несчастья, которое на эту семью обрушилось. Оценочно-нейтральный коллоквиализм *dad*, имплицитно положительную оценку в ситуации описания трагических событий, призван усилить эмоциональное воздействие на читателя, интенсифицируя общую отрицательную оценку террористического акта, выраженную автором газетного материала.

Таким образом, анализ функционирования разговорных слов, как обладающих оценочностью, так и аксиологически нейтральных, в оценочных контекстах в тексте газеты позволяет внести ряд новых данных в изучение средств выражения оценки в английском языке и способов организации лексических средств для выражения оценки в речи.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие для студ. пед. институтов / И. В. Арнольд. – М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1959. – 351 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 1986. – 295 с.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
4. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 1977. – 235 с.
5. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Международные отношения, 1979. – 256 с.
6. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 323 с.
7. Пиотровский, Р. Г. Математическая лингвистика / Р. Г. Пиотровский. М. : Высшая школа, 1977. – 383 с.
8. Ретунская, М. С. Аксиологическая лексика английского языка / М. С. Ретунская. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1996. – 272 с.
9. Скребнев, Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1985. – 209 с.
10. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 224 с.
11. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда, 1970. – 102 с.
12. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Malaysia, 2004. – 1692 p.

Список источников иллюстративного материала

1. The Guardian. – August 20. – 2005.
2. The Times – August 15. – 2005.

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Время, наряду с пространством является основной формой существования материи, неотъемлемым свойством действительности и принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. Человек живёт во времени. Оно сопровождает его в различных сферах его деятельности на протяжении всей его жизни. Время воспринимается, осмысливается человеком и поэтому требует выражения в языке. «Эти универсальные понятия (время и пространство) в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира» (Гуревич 1969: 105).

Язык располагает организованной системой разноуровневых средств выражения понятия времени: грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств языка (Бондарко 2003: 21). Эти языковые средства разнородны по своему составу, что проявляется как в функциональном, так и в смысловом плане.

В функциональном плане в разных языках выделяются единицы разных уровней, имеющих собственно временное значение: на морфологическом уровне таковыми являются специализированные временные морфемы; на лексическом уровне – слова с временным значением; на уровне предложения – синтаксические конструкции, способные передавать временное значение одновременности, предшествования, следования. В смысловом плане в языках наблюдается специализация языковых единиц при передаче временного содержания, проявляющаяся в наличии грамматической категории времени у глаголов, причастий, деепричастий. Входя в разные лексико-грамматические разряды, слова с временным значением несут разную функциональную нагрузку в составе высказывания. На уровне предложения наблюдается постоянное взаимодействие лексических и грамматических средств. Особый интерес вызывают случаи взаимодействия, когда языковые единицы теряют свою специфику, образуя новую единицу со свойственным ей временным значением (например, случаи так называемой временной транспозиции: употребление временных форм глагола в несвойственной им функции (Потаенко 1984: 44).

Для выражения типизированных отношений предшествования, следования, одновременности, законченности, длительности во времени в языках выработались видо-временные грамматические категории. Их структура отличается от языка к языку. Так, в русском языке и некоторых других славянских языках эти категории представляют собой трехчленную структуру. В то время как в индоевропейских языках, в частности, в английском, они представлены системой прошедших, предпрошедших, настоящих, будущих и предбудущих времен, и для выражения временных значений преимущественно используется глагол и отглагольные образования (причастие и деепричастие), регулярные формы которых лежат в основе выделения морфологической категории времени. Так, по

данным большинства грамматик современного английского языка в изъявительном наклонении действительного залога английского глагола функционируют четыре основных типа форм: неопределенные, перфектные, длительные, перфектно-длительные. Формы каждого типа объединяются общими структурными признаками: для длительных форм характерен показатель *be* + *причастие настоящего времени*, для перфектных – показатель *have* + *причастие прошедшего времени*, для перфектно-длительных – *have* + *be* + *причастие настоящего времени*. Общий показатель неопределенных форм не может быть определен столь четко, однако если принимать во внимание только аналитические формы данного типа, то его можно условно обозначить как «вспомогательный глагол + инфинитив».

Таким образом, понятие времени в языке восходит, прежде всего, к грамматической категории времени глагола. Глагольные временные формы не только дают общую временную ориентацию глагольного действия, относя его к сфере настоящего, прошедшего будущего и указывая на одновременность или разновременность нескольких действий, предшествование, следование, но и выражают видовые характеристики действия: длительность, начало или конец, предельность, неопределенность, результативность, повторяемость (Потаенко 1984: 44, Спиридонова 2002: 169).

Однако помимо категории времени глагола выделяется также категория времени предложения, «членами которой являются разные структуры предложения, допускающие в своем составе разное количество темпоральных форм глагола» (Потаенко 1984: 45). Выделение категории времени предложения основывается на фактах несовпадения времени глагола, употребленного в предложении, с временем, выраженным в предложении. Например, употребление исторического настоящего в английском языке, где глагол настоящего времени обозначает действие, относящееся к прошлому или употребление настоящего времени глаголов для обозначения будущего действия.

В работах, посвященных категории времени, все чаще подвергаются анализу семантическое взаимодействие видо-временных форм с другими средствами выражения темпоральных отношений. Так, М.А. Кронгауз не выделяет большую значимость одних средств по сравнению с другими, но придерживается мнения о том, что «грамматические глагольные и неграмматические именные показатели времени устроены с точки зрения семантики по существу одинаково: они ориентируют событие, действие или обладание свойством во времени относительно некой временной точки, так называемой точки отсчета» (Кронгауз 1989: 5). В речи все эти средства взаимодействуют, уточняя и дополняя друг друга.

В настоящее время весьма актуальным является также вопрос о дифференциации и взаимодействии двух языковых парадигм «грамматического» и «лексического» времени, который интенсивно разрабатывается в отечественной и зарубежной лингвистике (Андреева 2004: 257). Смещение фокуса внимания ученых на дифференциацию и взаимодействие грамматического и лексического времени связано с тем, что грамматических временных форм и синтаксических средств оказывается недостаточно

для выражения разнообразных временных отношений действительности, таких как: кратковременность – долговременность, непрерывность – прерывность во времени, последовательность – непоследовательность во времени, единицы измерения времени и других отношений. Эту функцию выполняют лексические единицы и словосочетания (Потаенко 1984: 45). Речь идет о наличии в каждом языке обширного массива слов, в значении которых временной компонент играет ключевую роль, и без которого слово теряет свой смысл. Временной компонент в семантике слов занимает различное положение. Значение слов демонстрирует самые разные способы и характер временной маркированности объектов и явлений действительности, которые в различной степени выражают темпоральный признак.

Говоря о неграмматических единицах темпоральной семантики или о лексическом времени, в английском языке можно выделить два класса слов в различной степени маркированные признаком темпоральности:

- 1) **прямые маркеры**, имеющие темпоральную семантику независимо от контекста;
- 2) **косвенные маркеры**, приобретающие темпоральную семантику в контексте (Медведева 2002).

Прямые маркеры имеют временное значение в его «чистом» виде. Наибольшая точность временной ориентации достигается с помощью имени существительного. Его временные показатели ориентируют событие, свойство относительно некоторой временной точки (Спиридонова 2002: 169), датировки, поскольку именуют:

- шкалы природных явлений (*night, winter, spring*);
- возрастную шкалу (*baby, adult, oldness*);
- календарь и точное измерение времени (*july, year, minute, hour*);
- исторические события и эпохи (*war, inauguration, Great Depression, Christianization, Renaissance*);

- события, значимые для отдельно взятой личности (*birth, marriage, disease*).

Наречия, в большинстве своем, уточняют временную ориентацию конкретно, расчлняя абстрактный временной континуум относительно момента речи на три большие сферы (прошедшего, настоящего, будущего) (*already, now, always, forever, tomorrow*). Они могут даже оказаться семантически сильнее временной формы, нейтрализуя ее значение и перенося ее из одной временной сферы в другую (например, настоящее в сферу будущего или прошедшего). Наречия расширяют сферу временных значений, выражая измерение времени, скорость, долготу и краткость действий (*slowly, quickly, often, seldom, never*).

Значения глаголов также участвуют в формировании внутренней темпоральной структуры действия, или, говоря словами логиков, в концептуализации временной субстанции действия, являясь тем самым для действия особого рода координатами времени (Петрянина 2007: 29). На базе интегрального признака «интенсивность движения» в рамках семы [перемещение в пространстве] в английском языке можно выделить глаголы движения, в семантике которых проявляются темпоральные

характеристики (*rush, run, crawl*). Как правило, в большинстве глагольных лексем имплицирован временной отрезок, на длительность которого влияет скоростной фактор перемещения, хотя иногда репрезентуется и временная точка (например, глаголы *raise, open, find* указывают на кратковременное, практически одномоментное действие).

Союзы (*when, till, as soon as*) и предлоги (*then, after, before*) в структуре сложного предложения дифференцируют одновременность – разновременность, выделяя одновременность длительную, однократную, многократную, указывая на характер временного интервала между действиями (длительный, краткий), границы действий:

(1) **When** *Hastie, bearing his anatomical plunder, had clattered off down the winding stair, Abercrombie Smith hurled his pipe into the wastepaper basket ...* (Conan Doyle, 166).

(2) *Gedney looked at her miserably, trying here and then, to treasure up a last picture of her – and then suddenly both of them were stiffened into marble at the sound of steps on the walk outside* (Fitzgerald, 169).

К группе **косвенных маркеров** времени в английском языке относятся слова, значение которых может быть истолковано лишь со ссылкой на время, и характер выраженности временного показателя в таких словах различается значительно. В данную группу можно отнести следующие лексико-грамматические классы слов, семантика которых включает в себе временной показатель.

Так, в семантике следующих существительных признак темпоральности присутствует неявно, и обнаружить его можно обратившись к дефиниции в толковом словаре: *schedule* (таблица, в которой содержится указание на время), *breakfast* (еда утром, до обеда), *magazine* (повременное издание политического, научного или литературного характера), *generation* (совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время), *watches* (прибор для измерения времени). Также в качестве косвенных показателей можно выделить ряд существительных, употребляемых с предлогом. Предлог при этом выполняет две функции. С одной стороны, он служит средством синтаксической связи в предложении. С другой стороны, лексическое значение предлога ориентирует действие, выраженное предложной конструкцией, относительно действия, выраженного финитным глаголом (Медведева 2002):

(3) **During** *the last weeks I had kept noticing that my fat Valeria was not her usual self ...* (Nabokov, 24).

Прилагательные со значением времени передают временной признак предметов: *young* (не достигший зрелого возраста), *ancient* (существовавший или возникший в отдаленном прошлом, очень давний, очень старый), *synchronous* (одновременный, синхронный), *early* (ранний (в начале дня, недели, года, возраста и т. п.), начальный, предыдущий, преждевременный; своевременный), *occasional* (случающийся время от времени, редкий, случайный).

Все отмеченные способы актуализации категории времени в английском языке можно наглядно представить в виде следующей таблицы.

Способы актуализации категории времени в английском языке

Время	
Грамматическое	Лексическое
видо-временные формы (<i>глагол и отглагольные образования – причастие и деепричастие</i>)	прямые маркеры (<i>существительные, наречия, глаголы, союзы, предлоги</i>)
синтаксические конструкции	
временные морфемы	косвенные маркеры (<i>существительные, прилагательные</i>)

Таким образом, категорию времени в современном английском языке можно подразделить на «грамматическое» и «лексическое» время, каждое из которых обладает собственным ресурсом их экспликации в языке.

Библиографический список

1. Андреева, Н. В. Язык и время. Лексический аспект категории времени / Н. В. Андреева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.) : Труды и материалы. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 257–258.
2. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Изд. 3-е стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 207 с.
3. Гуревич, А. Я. Время как проблема истории культуры / А. Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 105–116.
4. Кронгауз, М. А. Время как семантическая категория имени / М. А. Кронгауз // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. – М., 1989. – Вып. 159.
5. Медведева, О. Ю. Концептуализация и актуализация темпоральных отношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Медведева Ольга Юрьевна. – Барнаул, 2002. – 19 с.
6. Петрянина, О. В. Лексико-грамматические средства выражения концепта «пространство-время» в современном немецком языке / О. В. Петрянина // Вестн. Самарского гос. ун-та. Гуманит. серия. – 2007. – № 5/1 (55). – С. 28–33.
7. Потаенко, Н. А. К языковому освоению временной структуры действительности / Н. А. Потаенко // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С. 43–53.
8. Спиридонова, Н.Ф. От начала к концу: семантика прилагательного *последний* / Н. Ф. Спиридонова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца : сб.ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2002. – 646с .

Список источников иллюстративного материала

1. Conan Doyle, A. Playing with Fire And Other Stories / A. Connan Doyle. – М. : Менеджер, 2004. – 288 с.
2. Fitzgerald, F. S. Selected Prose / F. S. Fitzgerald. – М. : Менеджер, 2004. – 304 с.
3. Nabokov V. Lolita. / V. Nabokov. – М. : Юпитер-Интер, 2004. – 356 с.

АУТЕНТИЧНОСТЬ НЕРОДНОЙ РЕЧИ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Забегая вперед, скажем прямо: вне языковой среды это больше желаемое, чем действительное. И, тем не менее, некоторые соображения желающим стать более «иностранными», чем сами иностранцы, нужно и хотелось бы высказать. Вспомнился анекдот. Жена: «Дорогой, что ты скажешь, если на день рождения я попрошу норковую шубку?» Муж: «Тебе следовало родиться норкой!» Извините. Не могли не вспомнить. А теперь серьезно.

Начнем, простите, с себя, говорящего на трех языках и не ощущающего себя неким сказочным трехголовым Змеем Горынычем, у которого одна голова думала и говорила бы по-русски, другая – по-немецки, а третья – по-французски. Довольствуясь одной головой, никакого раздвоения или «растроения» единого языкового сознания или единой языковой личности тоже не наблюдаем. Мы и не суммарное «три в одном». Если бы такое было возможно, мы были бы вынуждены жить тремя «языковыми жизнями» (В.В.Виноградов) в одной, что вне языкового окружения трудно себе представить. А значит, оставаясь самим собой, мы с русским говорим по-русски, с заезжим немцем по-немецки, с редким французом по-французски, всякий раз обнаруживая только себя. Никаких иллюзий насчет пресловутого «думания на иностранном языке»: во-первых, оно не возможно, во-вторых, вне страны изучаемого языка и не нужно. В одном мышлении разобраться бы! А потому, *думаем на русском языке, тремя языками в известной степени познаем и переоцениваем мир, создаем единую многокрасочную картину мира*, завершим образ, живописуемую нами в общении с другими *техником и красками того или иного языка*. И не более.

Не ощущали себя раздвоенными в затронутом смысле и сотни других народностей, населяющих прежде СССР, ныне Россию (а именно они наблюдались и определялись как билингвы), общающиеся дома на родном языке, а вне дома на языке русском, часто их разбавляя или смешивая. Перлы, подобные классическому *Geh' in Kladofka, auf der Polka steht ein Banka mit Warenje* или однажды уже нам обращенному *Ernstje, mach' s'Fenster zu. Es tuet, вместо zieht*, можно было услышать не только в немецкой семье. Об известном координативном билингвизме наблюдаемых нами народностей, а слышать доводилось многих, мы сегодня говорили бы с осторожностью. Может быть, не те или не тех наблюдали. Большая часть двуязычных, с которыми мы общались, обнаруживали субординативный билингвизм, где, как известно, первый язык – ведущий, второй язык – ведомый. Своего рода лакмусовой бумагой для нас был и остается акцент: тот, кто говорил без акцента по-русски, и думал по-русски, отодвигая или вытесняя родной язык; тот, кто говорил с акцентом по-русски, думал на родном языке, переводя на русский язык. Некоторым исключением являлись национальные артистическая богема и политическая элита, получившие образование в столичных вузах и без акцента демонстрировавшие хорошее знание межнационального русского

языка. Сегодняшним республиканским президентам и чиновникам на сей счет не повезло: прежде чем занять пост, они должны сдать экзамен по родному языку, языку народа, представителем которого они призваны себя считать и идентифицировать, и тем самым устранить противоречие между возросшим национальным самосознанием и недостаточным уровнем владения родным языком. Как видим, ситуация изменилась с точностью до наоборот – на авансцену выходит родной язык, отодвигая на второй план язык межнациональный, т. е. русский. Где-то это происходит цивилизованно, где-то – неблагоприятно. Какой язык на какой «работает» – русский на родной или родной на русский – здесь не обсуждаем.

Ситуация с иностранными языками иная: они были, есть и будут иностранными – языками иных стран, а значит конкурировать или поменяться местами с родным не могут.

А, главное, зачем? Как бы нам того ни хотелось, мы не можем стать тем, кем стать не можем, и иметь то, чего не можем иметь. Все народы уникальны, лишь они аутентичны и тем привлекают; они такие, какими были, есть и будут: ни хуже, ни лучше. Они – разные, по-разному видят мир, по-разному преломляют его в своем исконном языковом сознании, по-разному его выражают средствами родного или неродного языка. Другие, повторим, ими не станут. Да и захотят ли? Одним – *столько-то лет*, другие – *столько-то лет старые*, третьи – *столько-то лет имеют* в одной и той же ситуации. Остается лишь это запомнить и не забывать. Вот и все премудрости! Менее других мудрят французы: они *одевают* свои *мысли* (*мысли* можно *одеть* в любое платье) и *вербализуют* ту или иную *ситуацию* (*ситуация* одна, но видится и *вербализуется* по-разному). Франкофоны, полагают они, *говорят по-французски*, нефранкофоны *говорят на французском*, что, по всему видно, соответствует истине. Наконец, лучшее подтверждение уникальности народов – это их фразеология, пословицы, поговорки. Примеры, думается, не нужны.

Коль скоро иностранцем стать не доведется, а владеть соответствующим языком на уровне искомого координативного билингвизма хочется, остается довольствоваться, для начала, билингвизмом субординативным, доводить его до совершенства, предела которому, как и в любом деле, нет. И трагедии по сему поводу, видно, тоже нет.

Лучшего способа приблизить неаутентичное владение иностранным языком к владению аутентичному, чем применение сознательно-сопоставительного метода – осмысленное сравнение иностранных языков с родным – методика не придумала. Уже слышим голос своих оппонентов: «Консерватор! Ретроград! Два (а, может быть, больше) шага назад!» и др. Да! Только осознанное сопоставление двух-трех языков в виде адекватного перевода языковых единиц, прямого – обратного, и на уровне интериоризации неродного языка (овладения языком), и на уровне его экстериоризации (владения языком) дадут желаемый результат. Говорим исключительно о языке и языковой деятельности, без которых ни речи, ни речевой деятельности не будет. Не надо себя обманывать! Переводом неродными языками, думается, овладели наши

коллеги, переводом неродными языками овладевали и мы. Все остальное от лукавого по принципу «Mach mit! Mach nach! Mach besser!», т. е. «метод попугая», натаскивание, имитация и дрилл. Справедливости ради заметим, что сам сознательно-сопоставительный метод себя ничем не компрометировал; он и возник как здравый ответ западным «прямыстам» (прямому методу), которым кроме английского индусам и французского вьетнамцам нечего было предложить. Язык аборигенов они не знали или не хотели знать. Родной язык обучаемых им заменил бихевиоризм с его примитивными стимулами – реакциями. А нам-то зачем было разрушать «до основания, а затем» топтаться на месте, симулируя обучение и учение? Мы же родной язык знаем! Думали бы лучше, как на него опереться и минимизировать возникающие трудности.

Свести к минимуму трудности овладения неродным языком, на наш взгляд, можно и должно уже на уровне произношения, если думать о том, *что* произнести, а не *как* произнести: *радость* – это не *гадость*, *schon* – это не *schön*, *cheveux* – это не *chevaux* и т. д. То же и в интонациях: утверждение – мелодия понижается, интонационный вопрос – мелодия повышается. Радость и излишние эмоции – высокий тон, грусть и печаль – низкий тон и т. д. Словом, помнить о том, что артикуляции ценны лишь тем, что в каждом отдельном случае должным образом обозначают и отличают предметы, процессы и явления окружающей нас действительности. В этом и только в этом, повторим, смысл искомого произношения.

Далее следует лексика иностранных языков, неизбежно воспринимаемая через призму родного языка. Конкретикой и абстракциями без лишних усилий овладеваем переводом-эквивалентом, реалии и лакуны толкуем на родном или иностранном языке. *Стол* – он и в Германии и во Франции *стол*, каким бы ни воспринимался, только звучит по-разному: *ein Tisch*, *une table*. *Glück*, *bonheur* – *счастье*; *Unglück*, *malheur* – *несчастье*. Чего их толковать? Мы и в родном языке не знаем, что это такое. У каждого – свои. Не сложнее с иноязычными реалиями и лакунами. Нас ими не напугать! Чего стоило в свое время иностранцам понять наши *ударные комсомольские стройки* и *две пятилетки в одной!* И мы отличим *гамбургер* от *чизбургера*, если нам растолкуют. Особое внимание синонимам и антонимам. С антонимами все ясно, а, вот, синонимы нужно прочувствовать. И синонимы ли это? Скажем, *одеть* – *надеть*, *Einstieg* – *Eingang*, *dire* – *parler* и мн. др. Что касается фразеологии, пословиц и поговорок, то они переводятся буквально, пословно.

Лишь этот прием их семантизации позволяет находить аналогии в других языках. Сравним: *как баран на новые ворота*; *wie die Kuh vorm neuen Tor*; *comme une poule qui a trouvé un couteau*; *когда рак на горе свистнет*; *wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen*; *quand les poules auront des dents* и т. п.

Наконец, без буквального пословного перевода нельзя понять грамматику, нравится нам это или нет. Граматику не вы зубрить! Ее, подчеркнем, понимать надо и всему и вся находить соответствие и в морфологии, и в синтаксисе. В сравнении с русской, немецкая и французская грамматики – семечки. Две-четыре падежные формы в

немецком, вместо шести в русском, и три-четыре на слух, а четыре-пять на письме французских глагольных форм на фоне наших *место́в, кремà; хотишь, сто́й, ло́жить, ехай, повешаю, плóтите, пылесосо́* русский одолеет. Не напугают его и Infinitiv II или *infinitif passé*, равно как согласование времен, если он хотя бы немного ориентируется в значениях глагольных приставок и во времени и пространстве: *essen ist gut, gegessen haben ist besser; manger est bien, avoir mangé est mieux; есть – хорошо, поесть – лучше* и т. д. Сложнее с управлением, предложным и беспредложным, которое усваивается с глаголом. В нем, к сожалению, мы не сильны и в русском: *про это будем дурачить, уверен о том, знаю о том, оплатите за проезд, через тебя опоздал, достигать через упражнение* и т. д. Остались аналитические временные формы немецкого и французского языков. И им тоже мы в свое время находили аналогии или буквально переводили: *ich werde ein Buch lesen – я буду читать книгу* (ср.: «Я буду долго гнать велосипед»); *быть, стать* и в русском вспомогательные глаголы); *ich habe ein Buch gekauft, j'ai acheté un livre – я имею книгу купленной; ich bin gefallen; je suis tombé(e) – я есть упавший (упавшая)* и т. п. Примеров очень и очень много.

Не будем далее углубляться в сознательно-сопоставительный метод обучения иностранному языку, который без тени смущения ответственно исповедуем, и который в своих публикациях тем или иным образом отстаиваем. Лишь повторим: всё понимаем, что для чего. Нужна речь! Но без языка речи не будет. И это тоже нужно понять.

Итак, овладевая иностранным языком, будем серьезны. Ничего лишнего, ничего надуманного, никаких усилий над собой совершать не нужно: ни иначе предвосхищать, ни перестраивать свою ментальность, ни отказываться от своих представлений о природе и обществе. Первое и второе не возможны, вывернись мы наизнанку. А наши представления о природе и обществе (нашу языковую картину мира в виде предметов и явлений окружающей нас действительности – денотатов) мы всякий раз лишь отражаем, выражаем, в сущности – переименовываем в зависимости от того, с кем говорим: с немцем – на немецкий, с французом – на французский и ничего кроме. Сравним: *Здравствуйте! Хотел бы купить хороший подарок жене. = Guten Tag! Ich möchte ein schönes Geschenk für meine Frau kaufen. = Bonjour! Je voudrais acheter un beau cadeau pour ma femme.* Лишь разноязычные соответствия в нужное время и в нужном месте. Да, возможности речевого аппарата и объем разноязычных артикуляций и интонаций придется расширить, так как звуков и интонаций русского языка плюс звуки и интонации немецкого и французского языков будет заметно больше; многое нужно будет переосмыслить, количественно и качественно приумножить, поскольку все познается в сравнении; узнать больше и больше о зарубежном партнере общения, чтобы быть самому понятым и суметь достучаться. Стать же иностранцем никому не придется и не удастся.

Осталось вернуться к ответу на вопрос, которым начали и которым закончим: пытаться переродиться, т. е. желать думать и говорить, *как англичанин, немец или француз*, – это *миф*, а учиться думать на родном языке и *соответственно* говорить и писать *на английском, немецком, французском языках* – это реальность. И она, увы!, такова.

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО, ЯЗЫКОВОГО И НАУЧНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗМА

В начавшемся новом веке человеческой цивилизации мы становимся свидетелями ее трансформации под давлением факторов, не всегда зависящих от сознания человека, вызванных процессами всеобщей глобализации. Следует отметить, что эти сдвиги в общественном сознании явно недостаточно изучены современной наукой, где все еще продолжается процесс ее диверсификации, и отсюда число наук и фундаментальных проблем множится.

«Дробление» знаний, характерное для значительного периода ушедшего века, не позволяет создать общей картины видения мира. Поэтому на рубеже столетий появилась необходимость в синтезе накопленных знаний из различных наук. С этой целью в рамках нового направления, которое получило название философская глобалистика, выделилась самостоятельная наука – милогия. Это наука об иерархии, о принципах построения иерархических систем и об основных фундаментальных закономерностях, присущих таким системам. Сторонники милогии в иерархии наук закрепляют за ней ведущее положение, причисляя ее к фундаменту всех наших знаний и мире, наряду с такой наукой, как диалектика. Однако в отличие от диалектики, которая является основным методологическим принципом любой науки, милогию сравнивают с основным стволом «древа», от которого произрастают все остальные «ветви» знания, связанного с изучением окружающего нас мира, то есть изучением строения материи. Иными словами, можно сказать, что милогия является наукой о строении материи. Вместе с тем, общие закономерности иерархии, составляющие основу новой науки, позволяют надеяться, что милогия сможет изменить градиент развития наук от их дальнейшей дифференциации к интеграции и сыграет столь необходимую роль объединяющего начала в создании концепции развития науки в обозримом будущем.

Конец XX и начало XXI века ознаменовались в мире резко усилившимися процессами глобализации. Мировое сообщество переживает сложный этап во всех областях современной науки: коммуникативистике, социологии, культурологии, политологии, информатике и, конечно, в лингвистике.

Языком межнационального общения в мире является английский. Это, своего рода, “Lingua Franca” мирового сообщества эпохи глобализации. По данным известного английского лингвиста Д. Кристалла, в мире на английском языке говорят более 1 миллиарда 100 миллионов человек, из которых только четверть признает его своим родным языком (Кристалл 2001). Учитывая эти факторы, можно считать, что изучая проблемы, возникающие в функционировании этого языка как формы межнационального и культурного общения, можно соединить многие разрозненные факторы в то целое, создание которого и предполагает М.И. Беляев, один из основателей милогии (Беляев: www).

В рамках рассматриваемой общенаучной тенденции и современная лингвистика приобретает парадигмальные черты. Это – экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность (Кубрякова 1995: 207). Экспансионизм лингвистической науки, прежде всего, находит свое проявление в признании того факта, что между гуманитарными и естественными науками обнаруживаются черты изоморфизма, а потому для адекватного познания языка и его единиц целесообразно использовать методологические принципы познания из области негуманитарных наук, а также выделенные в них понятия, термины и категории. Так, например, такие термины, как функция, поле, параметр, код, конвергенция и др., как отмечает И.В. Арнольд, переходят с соответствующими изменениями в семантике из одной науки в другую (Арнольд 1998: 6), что, в свою очередь, является свидетельством междисциплинарных связей.

К числу таких общенаучных понятий относятся понятия симметрии и асимметрии. Эти принципы в полной мере можно считать методологической основой философской глобалистики и фундаментом, на котором современные науки могут соединиться в одно целое, поскольку принципы симметрии/асимметрии используются во всех без исключения направлениях современной науки. Симметрия/асимметрия играют важную роль в математике, логике, философии, искусстве, биологии, физике, химии и других науках, которые имеют дело с системами, а также исследованиями в области общей методологии.

В философии выделяют следующие группы симметрии. Первая группа – это симметрия геометрическая, т. е. симметрия положений форм и структур. Это та симметрия, которую можно воспринимать визуально. Вторая группа – это симметрия явлений и законов природы. В ходе многовековой практики познания мира и познания законов объективной действительности человечество накопило многочисленные данные о том, что в окружающем мире действуют две тенденции: с одной стороны, тенденция к упорядоченности, гармонии, а с другой – к ее нарушению. В этом смысле «симметрично» обозначает нечто пропорциональное, сбалансированное, способ, при помощи которого разрозненные части объединяются в целое.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые философы рассматривают эти категории как общенаучные, но не как философские. Для признания их философскими категориями, как они считают, нет главного условия – участия этих понятий в решении основного вопроса философии о взаимоотношении материи и сознания (Готт, Жог 1984).

В некоторых областях знаний понятия симметрия/асимметрия используются наряду с такими понятиями как гомоморфизм, диссимметрия и антисимметрия. Так, в точных науках асимметрия тесно связана с понятием гомоморфизма. В математике при сравнении геометрических фигур под гомоморфизмом понимают такое соответствие между объектами двух множеств, при котором одно множество есть модель другого (БСЭ, 1985: 154). Малая степень гомоморфизма соответствует понятию асимметрии.

Еще с древних времен симметрию связывали с покоем, а асимметрию – с движением, что предполагает преобразования. В работах по теории музыки наряду с

понятиями симметрия/асимметрия выделяются понятия «диссимметрия» и «антисимметрия». Первая трактуется как нарушение симметрии, основанное на эффекте обманутого ожидания. Антисимметрия возникает, когда последовательность элементов (звуков) повторяется с разной громкостью, в разном темпе (Абрамян 1988: 9).

Понятие диссимметрии с недавних пор применяется в лингвистике. Изначально действительность и употребление языка являются симметричными друг другу: в мире существуют как реальные, так и нереальные вещи, действия, качества или состояния, обозначаемые соответствующими знаками. Диссимметрия возникает тогда, когда язык употребляется не в смысле предметов или явлений мира, не в смысле общепринятых конвенций (Шатин: www). Все симметричные языковые тексты расположены между двумя полюсами – от чистой мимичности, т. е. подражания, до креативности, творческого преобразования, полного отказа от подражательности. Диссимметричный текст полностью игнорирует мимесис (термин Ю.В. Шатина), его единственной проекцией становится породивший его язык, но никак не представление нашего разума о реальной или нереальной действительности. При этом текст создает иллюзию другой реальности, но не пустоты и абсурда. В состоянии симметрии наблюдается тождественность бытия и знания. В случае диссимметрии подобная связь нарушается, в результате чего язык накладывается на некое пустое множество. В процессе такого продуцирования внутри текста создается собственное знание, не имеющее отношения к знанию о бытии (Шатин: www).

Таким образом, понятия симметрии/асимметрии являются неотъемлемым элементом теорий различных наук и постепенно распространяются на новые отрасли. Первым, кто обратил внимание на возможность заимствования этого понятийного аппарата из кристаллографии для изучения языка, был С.Д. Карцевский (Карцевский 1965). Свойство формального содержания асимметрии языкового знака (то есть нарушение «закона знака») находит самые различные манифестации в языке. Несоответствие плана выражения и плана содержания языковых единиц проявляется в трех аспектах: синтагматическом, парадигматическом и семиотическом. Формально-содержательная асимметрия языкового знака может иметь как внутриязыковой, так и межъязыковой характер. В последнем случае мы имеем дело с несовпадением языковых систем разных языков и, как следствие этого, явлением лакунарности на различных уровнях языковых систем.

Рассматривая проблемы функционирования английского языка как инструмента языкового и культурного общения в процессе глобализации, мы можем заметить, что здесь находят свое отражение перечисленные философские проблемы, поскольку проявляются глубинные диалектические закономерности и гармонические противоположности.

В русле рассматриваемой проблемы можно остановиться на двух основных аспектах глобализации: с одной стороны, это гомогенизация жизненного мира, приверженность общим культурным ценностям, стремление все цивилизовать, с другой – растущая взаимозависимость, интеграция отдельных форм общественного

сознания, когда под воздействием процессов глобализации формируется единый, целостный универсальный социум. Здесь проявляется один из основных постулатов милогии – где подчеркивается, что любое изменение состояния внутреннего или внешнего мира человека можно рассматривать не как результат воздействия какой-то внешней силы, а как проявление внутреннего присущего всем иерархическим системам свойства трансформации, движения от одного противоположного полюса к другому. Может ли в таком случае английский язык, ставший языком межнационального общения сохранить свою неповторимую историческую сущность? Рассмотрим ряд положений.

Общеизвестно, что в эпоху глобализации расшатывается экологический баланс языка, принятого в качестве международного. Свою роль сыграла здесь и экспансионистская политика Великобритании, которая насильственно внедряла свой язык в колониях, в результате чего мы имеем английский язык в различных вариантах: американском, австралийском, канадском, южно-африканском, новозеландском, ирландском и других. Этот процесс размывания языка Шекспира можно отнести к антагонистическим противоположностям, поскольку эти отношения не могут быть гармоничными, а только антагонистичными. С философской точки зрения здесь проявляются уже два закона – закон единства противоположностей и закон борьбы противоположностей и, таким образом, язык, находящийся в центре, является носителем двух противоположных, взаимодополняющих друг друга полюсов.

Следует отметить, что в функционировании языка межнационального общения и культурном взаимодействии наблюдаются процессы, которые проходят примерно в одном философском русле. Интеграционная доминанта глобализации – интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий, расширение межотраслевых и межцивилизационных взаимодействий, интернационализация финансово-экономической сферы – не только не устраняет проявления тенденций дифференциации и диверсификации, а наоборот, обостряет их.

Это можно более полно представить, если обратиться к так называемой проблеме «культурного империализма», которая вызывает наибольшее количество споров, полемических суждений, поскольку в какой-то мере является средоточием многих проблем глобализации.

Если в конце XIX - начале XX веков культурная и экономическая экспансия США носили системный характер, и этот процесс оценивался в целом положительно, то с появлением сильного Советского Союза эта экспансия приняла крайне агрессивный характер, и ответ на подобную тактику мог быть один. Поступательный отпор осуществлялся в обучении и формировании социальных групп, способных дать такой отпор распространению американских идей, как в Европе, так и СССР. Сегодня под давлением «исламского фактора» и распада СССР как сверхдержавы «культурный империализм» принял угрожающие масштабы и сам термин трансформировался и стал более емко выражать этот процесс как американизацию Западной Европы. И здесь есть

интересные противоречия среди групп ученых. Одни утверждают, что процесс американизации Западной Европы был частичным и следует больше говорить о европеизации пребывающих из-за океана американских идей, культуры и идеологии. С этим выводом можно согласиться, но с оговоркой, что Россия в большей степени оказалась подверженной этому влиянию, хотя именно в XIX веке она успешно использовала все достижения европейской культуры, претворяя их на своей национальной почве в качественно новые художественные стили, которые затем уже под национальной маркой везла в Европу и Америку.

Ученые, защищающие тезис о полной американизации Европы, на наш взгляд, вряд ли учли силу сопротивления старой Европы, которая, по-видимому, и от этих угроз стала стремительно объединяться. Следует заметить, что в сегодняшней Европе чаще звучат французский и немецкий языки, чем английский. Так что традиционные европейские культуры в условиях американизации выстояли, но не смогли противостоять объективному распространению символов цивилизованного мира общества потребления.

Таким образом, процесс американизации можно представить себе частью феномена глобализации, противодействие которому необходимо рассматривать на широком социальном и научном фундаменте, и отпор надо давать на путях языкового взаимодействия и проявления необходимой политической воли, поскольку для России этот процесс уже сегодня приводит к серьезному падению культуры и нравственности в стране.

Библиографический список

1. Абрамян, А. Л. Взаимодействие симметрии и асимметрии в языке: автореф. дис. ... канд. искус. / А. Л. Абрамян. – Тбилиси, 1988. – 18 с.
2. Арнольд, И. В. Черты изоморфизма филологических и физико-математических наук / И. В. Арнольд // Актуальные проблемы стилистического декодирования, теории семантики слов и высказываний. – СПб., 1998. – С. 8–11.
3. Беляев, М. И. Милология [Электрон. ресурс] / М. И. Беляев. – Режим доступа: <http://milogia.narod.ru/>
4. Готт, В. С., Жог В. И. Материальное единство мира и единство линейности и нелинейности физических процессов / В. С. Готт, В. И. Жог // Вопросы философии. – 1984. – №12. – С. 43–53.
5. Карцевский, С. Д. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Д. Карцевский // История языкознания 19 века в очерках и извлечениях. – Ч.2. – М., 1965. – С. 85–89.
6. Кристалл, Д. Английский язык как глобальный / Д. Кристалл. – М. : Весь мир, 2001. – 240 с.
7. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистической идеи во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С.Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 144–238.
8. Шатин, Ю. В. Языковая диссиметрия и Вини-Пух [Электрон. ресурс] / Ю.В. Шатин. – Режим доступа: http://www.nsu.ru_education/virtual/discourse
9. [БСЭ] Большая Советская энциклопедия. Т.7. – М. : Советская энциклопедия. – 1972.

ЖЕСТКАЯ НОМИНАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЗНАКОВОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Разделение способов номинации на «жесткий» и «нежесткий» берет свое начало в концепции «жесткого десигнатора» (rigid designator), впервые изложенной С. Крипке. Согласно ей, жесткий десигнатор обозначает один и тот же объект во всех гносеологически возможных мирах. К жестким десигнаторам отнесены имена естественных классов и имена собственные, именам номинальных классов соответствуют нежесткие десигнаторы (Крипке: www).

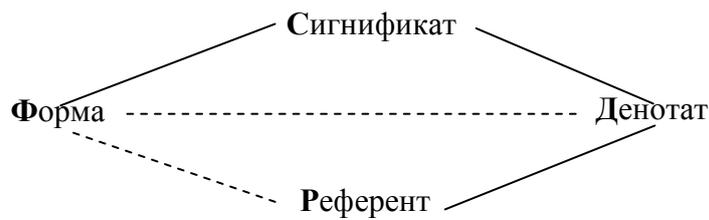
Однако эта концепция не вполне применима к лингвистике в своем «чистом», философско-логическом виде. Целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей применения концепции жесткого десигнатора в теории номинации и теории имени собственного.

Уточним понятие «возможного мира» в применении к номинации. Учитывая гносеологический характер данного понятия в концепции С. Крипке, его соотнесенность с процессами познания и восприятия, мы можем установить соответствие «возможного мира» и содержания понятия языкового знака, которое формируется первоначально при отражении (а, значит, познании и восприятии) окружающей действительности в языке. Соответственно, жесткий десигнатор – знак, обозначающий определенный объект (класс) независимо от содержащихся в семантике свойств и признаков объекта (класса) в различных контекстах актуализации.

Итак, под жесткой номинацией нами понимается такой способ установления объектно-знаковой связи, при котором обозначенная связь обусловлена независимым от представления об обозначаемом объекте – референте – закреплением референта за знаком. В противоположность жесткой номинации, при нежесткой номинации за знаком закрепляется обобщенное представление о референте (**сигнификат** знака или понятие). Таким образом, нежесткая номинация предполагает множество референтов (называемое **объемом понятия**), объединенных общностью связанных с данным знаком свойств и признаков (**содержанием понятия**) всех референтов, входящих в объем понятия. Также в акте номинации устанавливается принадлежность каждого элемента множества референтов определенному абстрактному классу. Заметим, что такой класс не тождественен ни одному из референтов в отдельности, ни всей совокупности референтов в целом. По утверждению О.Н. Селиверстовой, «он является абстракцией высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обобщением» (Цит. по: Руденко 1990: 6). В рамках предлагаемой концепции будем называть такой абстрактный класс **денотатом** знака.

Взаимодействие формы знака, сигнификата, денотата и референта при осуществлении нежесткой номинации отражено на схеме 1.

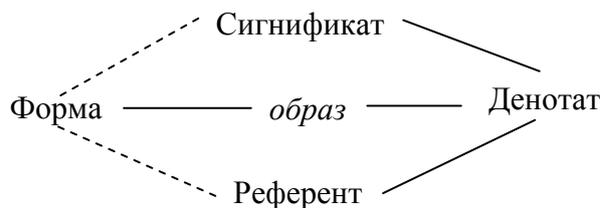
Осуществление нежесткой номинации

На схеме 1 связь «Ф–С» – это знакообразующая связь означающего и означаемого (в терминах Ф. де Соссюра), связь «С–Д» указывает на определенность абстрактного класса объектов через соответствующее понятие, связь «Р–Д» – на принадлежность именуемого объекта к определенному классу. Связи «Ф–Р» и «Ф–Д» условны и опосредованы сигнификатом (на схеме 1 показаны штриховыми линиями), что является характерной чертой нежесткой номинации.

Жесткая номинация по определению характеризуется значительным ослаблением роли сигнификата в ее осуществлении. Связи «Ф–С» и «С–Д» в отличие от связей, представленных на схеме 1, приобретают условный характер. Напротив, связи «Ф–Р» и «Ф–Д» усиливаются и приобретают решающее значение при осуществлении номинации. Обратим внимание, что в случае имен собственных усиливается связь с референтом (за исключением случая товарных знаков), в иных случаях (таких, как имена естественных классов) происходит усиление связи с денотатом. Указанное усиление связей и их жесткое закрепление возможно благодаря характерной для указанных типов лексики повышенной связи с экстралингвистическими факторами (Теория и методика ономастических исследований 1986: 33). В частности, у имен естественных классов «семантика < ... > складывается прежде всего из целостного чувственного образа объекта» (Руденко 1987: 29). Таким образом, связь формы и денотата обусловлена наличием чувственного образа, связь формы и сигнификата, в свою очередь, опосредована денотатом (схема 2).

Жесткая номинация через денотат

Опосредованность номинации образом позволяет фиксировать референты имени за формой знака даже при отсутствии в семантике точно определенных сущностных свойств объекта по случайным признакам объекта; также это является причиной высокой вариабельности содержания понятия. Например, лингвистически непротиворечивой (пусть и не соответствующей действительности) является фраза с именем естественного класса *“Tigers are, in fact, robots”*. Напротив, употребление в подобной фразе имени

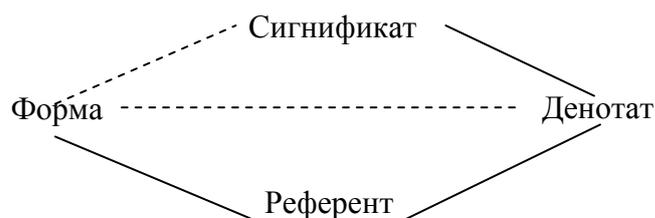
номинального класса приводит к нарушению языковой нормы (в ряде случаев с целью придания высказыванию стилистической окраски): **“Bachelors are, in fact, married”*.

Подобная ситуация складывается и в других группах специальной лексики, например, при рассмотрении номинации терминов. Не считая возможным углубляться в особенности различных терминосистем в рамках настоящей статьи, отметим, что термин, подобно имени естественного класса, жестко фиксирует свой денотат посредством различных экстралингвистических факторов, таких как упомянутый выше целостный чувственный образ объекта или системы научных понятий в различных отраслях знания. Сигнификат же представляет собой наивно-языковое понятие.

Различие данных двух видов понятия может быть проиллюстрировано толкованиями термина, данными, с одной стороны, в толковых словарях соответствующего языка, а с другой – в специализированных словарях или энциклопедиях. В качестве примера рассмотрим два толкования слова *influenza*: 1) ‘*a very common infectious disease that lasts a short time and makes you feel hot or cold, weak, and tired*’ (MOD); 2) ‘*an acute viral infection involving the respiratory tract. It is marked by inflammation of the nasal mucosa, the pharynx, and conjunctiva, and by headache and severe, often generalized, myalgia*’ (OMD). В первом случае мы имеем наивно-языковое описание понятия, обозначенного исследуемым словом. Заметим, что оно тяготеет к описанию свойств, воспринимаемых непосредственно чувственно (*‘fell hot or cold, weak and tired’*), однако такие свойства не являются сущностными для выделения данного вида заболевания и, строго говоря, могут не проявляться в отдельных случаях (т. е. упомянутые свойства не будут актуализированы при номинации некоторых референтов). В случае же второго толкования мы можем наблюдать включение научного понятия в систему научных же понятий (*‘acute viral infection’, ‘inflammation of the nasal mucosa’, ‘generalized myalgia’*) и отход от описания чувственных образов. Эти существенные для специалиста, но несущественные для «среднего» носителя языка понятия и признаки обеспечивают жесткую фиксацию денотата относительно формальной стороны языкового знака, независимо от содержания наивно-языкового понятия.

Особенно ярко свойства жесткой номинации проявляются в именах собственных. Это связано с тем, что в данном случае денотат пуст, т. к. не существует таких абстрактных классов, как, например, *John, Thames, Fido*. Это легко заметить в конструкциях вида *He/She/It is a real...* Очевидна языковая несостоятельность высказываний **He is a real John, *This dog is a real Fido*, а также отсутствие избыточности в высказываниях типа *John is human*. Другим доказательством отсутствия соотношенности имени собственного с понятием и определенным классом является явление трансонимизации, т. е. переноса имени собственного с одного объекта на другой (ср.: гора *Mont Blanc*, кафе *Mont Blanc*). Рассмотрим схему 3, на которой показано, как осуществляется жесткая номинация у имен собственных.

Жесткая номинация через референт

Обратим внимание на связь «Р–Д», которая обозначает отнесение отдельного объекта-референта к определенному классу. Это соотнесение отсутствует в языке (как было указано выше), однако оно необходимо в речевой актуализации, поскольку отдельный объект, описываемый через свои единичные признаки, должен быть отнесен к определенному классу, т. к. «общее» и «единичное» представляют собой единство противоположностей в рамках категории «отдельного» (Руденко 1990: 228). Соотнесения имени собственного с понятием не требуется, т. к. известный класс вещей уже связан с понятием-сигнификатом (связь «С–Д») (Теория и методика ономастических исследований 1986: 37).

В соответствии со схемой 3 становится возможным говорить об обобщающих значениях имен собственных и содержании их понятий, существующих, однако, лишь в речевой актуализации и обусловленных связями «Ф–Р–Д–С». При этом важно отметить, что обобщающие значения имен собственных не являются основным содержанием их семантики, которое бы передавалось в акте коммуникации, а скорее, «способом предварительного, не жесткого (выделение наше – М.Г.) определения общего типа объектов» (Руденко 1990: 232). На схеме 3 связи «Ф–С» и «Ф–Д» выделены штриховыми линиями, поскольку данные связи отсутствуют в системе языка, т. е. до соотнесения референта имени с классом при речевой актуализации знака.

Основной для осуществления жесткой номинации в данном случае является связь формы и референта имени. Эта связь имеет выраженный экстралингвистический характер, что обусловлено характером вступающих во взаимосвязь элементов: форма знака принадлежит языковой реальности, референт – реальности внеязыковой. Рассмотрение оснований для установления данной связи лежит, очевидно, в сфере прагматики, и в рамках настоящей статьи мы можем указать лишь некоторые из них. Основанием могут служить историко-культурное наследие и различного рода законодательные акты (Теория и методика ономастических исследований 1986: 33); по утверждению М.Э. Рут имя собственное в своем функционировании всегда соотнесено с конкретно-чувственным образом референта (Рут: www). Прототипическим основанием будет являться остенсивное определение, поскольку назначение имен собственных заключается в выполнении функции «указательного называния» (Семенова 2001: 11).

Итак, рассмотрев особенности осуществления номинации с позиций концепции жесткого десигнатора и охарактеризовав типы взаимодействия формы языкового знака, сигнификата, денотата и референта, можно заключить, что разделение видов номинации

на жесткую и нежесткую является основополагающим при делении системы языковых знаков на подсистемы имен собственных и нарицательных, а нарицательных, в свою очередь, на имена естественных и номинальных классов. Различие видов номинации проявляется в иных областях исследования имен, в том числе в их семантике.

Библиографический список

1. Руденко, Д. И. Имена естественных классов, собственные имена и имена номинальных классов в семантике естественного языка / Д. И. Руденко // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. – 1987. – Т. 46. – № 1. – С. 20–35.
2. Руденко, Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д. И. Руденко. – Харьков : Основа. – 1990. – 299 с.
3. Рут, М. Э. Антропонимы: размышления о семантике [Электрон. ресурс] / М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru>
4. Семенова, Т. Н. Семантика индивидуализации и ее отражение в тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Семенова Татьяна Николаевна. – М., 2001. – 32 с.
5. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская и др. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
6. Kripke, S. Naming and Necessity [Электрон. ресурс] / S. Kripke. – Режим доступа: <http://socialistica.lenin.ru>
7. [MOD] MacMillan Online Dictionary. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://macmillandictionary.com>
8. [OMD] Online Medical Dictionary. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://online-medical-dictionary.org>.

*А.М. Геращенко
Бийск*

ПОНЯТИЕ ГИПЕРТЕКСТА В РАЗНОПОРЯДКОВЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМАХ

В настоящее время внимание большого числа исследователей привлекает такое явление, как гипертекст. Оно подвергается анализу с позиций различных научных парадигм, применяясь в информатике, лингвистике, риторике, герменевтике, психологии, когнитивной семантике, теории обучения и др. (Рязанцева 2008: 5, Эпштейн: www). В результате возникает большое число определений данного понятия.

Термин «гипертекст» (“hypertext”) введен в 1965 году Т. Нельсоном как обозначение некой совокупности письменного или изобразительного материала, взаимосвязанного столь сложным образом, что воспроизведение его на бумаге представляло бы определенную трудность (“a body of written or pictorial material interconnected in such a complex way that it could not conveniently be presented or represented on paper” (Nelson 1965: 96)). Более удобен в этом отношении традиционный текст, который, ориентируясь на письменную реализацию, имеет линейную форму, а мысль в нем развивается последовательно – от начала к концу сообщения (Коноплев 2008: 115).

Однако сведения, хранящиеся в человеческой памяти, представляют собой не линейную последовательность, а сеть идей (Коноплев 2008: 117). Идею создания текстовой структуры, которая в большей степени, чем традиционный печатный текст, соответствовала бы природе человеческого мышления, выдвинул в 1945 году В. Буш, который предложил преобразовать линейную последовательность письменного текста в многоуровневую структуру (Bush 1945: 103, Рязанцева 2008: 6). В последующие годы осуществлялась активная работа по созданию информационных систем, построенных по нелинейному, ассоциативному принципу. В частности, Т. Нельсон руководил проектом *Xanadu*, в котором нашла воплощение идея ассоциативного связывания массивов текстовой информации, фрагменты которой размещались на удаленных друг от друга компьютерах (Рязанцева 2008: 7). Таким образом, введение нового термина было вызвано необходимостью создания обозначения для явления, привлечение особое внимание специалистов.

Детализуя свое определение, Т. Нельсон писал, что гипертексты состоят из соединенных связующими звеньями (“links”) отдельных фрагментов текста (“separate pieces of text”), разветвляются или предъявляются по запросу (“branch or perform on request”) и лучше всего могут быть представлены на экране компьютера (Wardrip-Fruin: www). Поскольку возникновение и распространение рассматриваемого понятия связано с развитием современных информационных технологий, многие специалисты ограничивают использование термина «гипертекст» компьютерной сферой. Под гипертекстом в таком случае понимают «особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения, который обуславливается сегментацией и иерархической ассоциативной атрибуцией фрагментов, а также возможностью множественного выбора развития сюжетно-тематического потока» (Рязанцева 2008: 3) или систему информационных объектов, объединенных между собой образующими сеть направленными семантическими связями, любую из которых может выбрать пользователь (Яфаева, Игнатова: www). Словом «гипертекст» (“hypertext”) может обозначаться и сам способ соединения слов, изображений и звука внутри компьютерной программы (“a way of joining words, pictures and sound within a computer program” (CIDE 2001: 697)). Переход с одного места на другое при гипертекстовом способе организации документа реализуется посредством ссылок (Швецова: www). Примером подобной структуры является Интернет, в котором применяется язык html (Hypertext Markup Language), обеспечивающий мгновенный переход от одного текста к другому посредством указания на снабженное гиперссылкой слово или предложение (причем движение от одной ссылки к другой может быть бесконечным) (Емелин: www). Компьютерный гипертекст, таким образом, представляет собой набор документов, которые соединены гиперссылками так, что можно просматривать эти документы в любом порядке (Лукач: www).

Проблематика гипертекста с одной стороны связана с вопросами компьютерной информационной технологии, обеспечивающей представление и освоение больших

объемов текстового материала в нелинейной форме, а с другой – с формой представления текстового материала, его нелинейной организацией, элементами, характером взаимосвязей между ними (Галушко: www).

Именно как «особая форма организации и представления текстового материала, который осваивается с учетом множества взаимосвязей между его элементами», рассматривается гипертекст в рамках лингвистики текста (Галушко: www). Гипертекст, прежде всего, представляет собой текст, отличающийся нелинейностью и дисперсностью структуры, что не противоречит традиционным текстovým характеристикам, таким как связность, целостность, законченность, статика и динамика (Сергиенко: www). Этот текст устроен так, что «превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» (Руднев 1999: 69). К числу гипертекстов могут быть отнесены, например, словари и энциклопедии, в которых каждая статья имеет отсылки к другим статьям в пределах тех же лексикографических изданий, что дает возможность избирать различные стратегии чтения таких текстов: читать статьи подряд или по мере надобности, либо переходить от одной отсылки к другой (Руднев 1999).

Кроме того, следует иметь в виду, что тексты «переплетаются» между собой, вследствие чего понимание одного текста невозможно без привлечения других, и в результате «текст должен как бы выйти за свои собственные пределы, рассыпаться и собраться вновь», становясь гипертекстом (Купер: www). Гипертекст выступает в качестве новой текстуальной парадигмы, способа коммуникации в обществе, субъекты которого не могут одновременно воспринять существующее множество одновременных потоков информации, и поэтому знание организуется в «сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания» (Купер: www).

Гипертекст – это «многомерная сеть, в которой любая точка здесь увязана с любой точкой где угодно» (Эко: www). Его суть состоит в динамичном соединении идей и понятий, что позволяет читающему мгновенно выбрать нужную информацию, вследствие чего спектр получаемых сведений определяется в большей степени самим читателем, чем редактором или автором (Bevilacqua: www).

В результате анализа различных толкований и описаний гипертекста можно сделать вывод о том, что имеющиеся интерпретации данного понятия скорее взаимодополняют друг друга, чем вступают в противоречие.

Библиографический список

1. Галушко, Т. Г. Лингвистика, текст, контекст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма [Электрон. ресурс] / Т. Г. Галушко. – Режим доступа: <http://www.pseudology.org/webmaster/Lingvistika.htm>
2. Емелин, В. А. Гипертекст и постгугенберговская эра [Электрон. ресурс] / В. А. Емелин. – Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/hipertext.htm>
3. Коноплев, Е. INFO-Драйвер: Как выжить в мире информации / Е. Коноплев. – СПб. : Питер Пресс, 2008. – 235 с.

4. Купер, И. Р. Гипертекст как способ коммуникации [Электрон. ресурс] / И. Р. Купер. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-2-00kuper.html>
5. Лукач, Ю. С. Справочник Веб-разработчика. Глоссарий [Электрон. ресурс] / Ю. С. Лукач. – Режим доступа: <http://wdh.suncloud.ru/glossary.htm>
6. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
7. Рязанцева, Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т. И. Рязанцева. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 208 с.
8. Сергиенко, П. И. Имманентные характеристики гипертекста в сравнении с традиционными характеристиками текста [Электрон. ресурс] / П. И. Сергиенко. – Режим доступа: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Sergienko.pdf
9. Швецова, М. Н. Урок информатики в 8-м классе по теме: «Гипертекст» [Электрон. ресурс] / М. Н. Швецова. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/314732/>
10. Эко, У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электрон. ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>
11. Эпштейн, В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы [Электрон. ресурс] / В. Л. Эпштейн. – Режим доступа: <http://www.lingvolab.chat.ru/library/hypertext.htm>
12. Яфаева, Р. Р., Игнатова, Н. Ю. Информатика и математика : учеб. пособие [Электрон. ресурс] / Р. Р. Яфаева, Н. Ю. Игнатова. – Режим доступа: <http://www.tula.net/tgpu/new/New/informatic/g4.htm>
13. Bevilacqua, A. F. Hypertext: Behind the Hype. ERIC Digest [Электрон. ресурс] / A. F. Bevilacqua. – Режим доступа: <http://www.ericdigests.org/pre-9212/hype.htm>
14. Bush, V. As We May Think / V. Bush // The Atlantic Monthly, July 1945. – P. 101–108.
15. Nelson, T. H. A File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate / T. H. Nelson // Proceedings of the ACM 20th National Conference 1965. – New York : ACM Press, 1965. – P. 84–100.
16. Wardrip-Fruin, N. What Hypertext Is [Электрон. ресурс] / N. Wardrip-Fruin. – Режим доступа: <http://www.hyperfiction.org/texts/whatHypertextIs.pdf>
17. [CIDE] Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 1774 p.

*С.Н. Германов
Барнаул*

ДЕСКРИПЦИЯ И ОЦЕНКА В ЯЗЫКОВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ ПРИЗНАКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ОБЪЕКТА

Разграничение оценочных и дескриптивных высказываний представляет серьезную проблему лингвистики. Существование проблемы и трудности ее разрешения определяются несколькими факторами. Прежде всего, как показал анализ состояния изученности проблемы в области логики и философии, оценочная деятельность является неотъемлемым компонентом в осуществлении познавательного процесса, основывающегося на операции отражения. Поэтому приобретение фактивно-дескриптивного и оценочного знания происходит одновременно. Не касаясь сложностей выявления ментальных механизмов, поскольку арсенал лингвистических приемов для этого не только мал, но и неадекватен объекту, отметим сугубо гипотетически, что в

понятийном плане, очевидно, должен существовать некоторый синкретный ментальный код, представляющий дескрипцию и оценку совокупно. Только на этапе вербализации эти представления должны разграничиваться и передаваться разными языковыми экспонентами. Однако и здесь определение статуса значения как сугубо описательного или сугубо оценочного имеет достаточно зыбкое основание, так как, вообще говоря, вся познавательная деятельность оценочна, поскольку узнавая новое, человек примеривает это новое к известному и к себе и делает вывод – хорошо это или не очень или совсем ему не подходит. В подтверждение сказанному приведем следующий пример:

(1) *The associates' offices were **smaller** – fifteen by fifteen – but richly decorated and **much more imposing** than any associates' offices he had seen in New York or Chicago. “Spent a **small fortune** on design consultants,” Lamar said. **Money, it seemed, grew on trees**. The younger lawyers were **friendly** and talkative and seemed to welcome the interruption. Most gave brief testimonials to the **greatness** of The Firm and of Memphis. The old town kind of grows on you, they kept telling him, but it takes time. They, too, had been recruited by the big boys in Washington and on Wall Street, and they had no regrets. The partners were **busier**, but just **as nice*** (Grisham: www).

Как и в любом случае, когда человек встает перед выбором, герою приводимого эпизода необходимо решить, насколько предлагаемые ему условия в небольшой юридической фирме Мемфиса являются более подходящими и потому предпочтительными, чем остальные пять предложений, которые он получил. Именно поэтому в описании короткого, сугубо визуального знакомства с сотрудниками и общей ситуацией присутствуют элементы сравнения как одного из основных механизмов оценивания фирмы (*smaller, busier, much more imposing, just as nice*). Общеоценочный характер высказывания интенсифицируется за счет оценочного смысла фразеологизма (*money grows on trees*) и стилистического приема литоты (*small fortune*). Кроме того, компоненты семантической структуры лексемы *nice* также несут оценочное содержание:

- *nice – pleasing and agreeable in nature;*
 - *having a pleasant or attractive appearance;*
 - *exhibiting courtesy and politeness;*
 - *of good character and reputation; respectable.*

Оценочная сема со знаком плюс поднимается в интенционал значения прилагательного *friendly*:

- *friendly – showing or expressing liking, goodwill, or trust;*
 - *tending or disposed to help or support; favourable.*

Языковые экспоненты дескриптивного и оценочного – это достаточно часто одни и те же лексемы или их сочетания. В таком случае актуализации одного из двух смыслов способствуют дистрибутивные факторы (Хэар 1985: 183). Например, сочетание “*Olympic runner*” в одном из контекстов является фактивным, а в другом – оценочным:

- (2) *He is an Olympic runner. He is in the team.*
- (3) *The boy covered the distance like an Olympic runner.*
- (4) *Hold on, guy. You are not an Olympic runner.*

Изменение статуса сочетания в рамках «дескрипция – оценка» определяется форматом фрейма знания. Дескрипция является классифицирующим механизмом, то есть относит объект к классу однопорядковых ему объектов. Оценка представляет собой механизм дифференциации или протрузии объекта (явления, признака) в ряду ему подобных. Сочетание “*Olympic runner*” в предложениях (3) и (4) становится оценочным в силу контекстуального выдвижения в интенционал значения не референтных сем, а как раз дескриптивных – «быть натренированным; идти – необычно для ситуации – быстро; не так, как это бывает в норме». Импликация или указание на отклонение от нормы определяет изменение статуса словосочетания, переход из разряда дескриптивных в разряд оценочных.

Аналогичные процессы происходят при метафоризации:

(5) *Eight feet under the deck of the pier, an iron cross brace was attached to two of the thick concrete columns that disappeared into the water* (Grisham: www).

(6) *It was an iron will that gave Nelson command of the British fleet, a title, and a statue at Trafalgar Square* (Marden: www).

Если в (5) *iron* является единицей лексико-грамматического класса прилагательных, подкласс «относительное», то в (6) квалификация «относительное» размывается, поскольку *iron* уже обозначает не материал, из которого сделан объект, а признаки этого материала:

- *iron* – **hard metal**
- *hard* – **firm**;
 - **not easily bent or broken**;
 - **requiring a lot of strength or mental effort**;
 - **showing a lot of effort and energy**.

Используемый для интерпретации смысла слова прием семантического расширения наглядно демонстрирует, как меняется семантика слова в зависимости от сочетаемостной комбинаторики. Здесь также в интенционал значения выходят признаковые семы, которые в условиях контекста приобретают оценочный статус. Изменение статуса происходит потому, что *firm* может быть применимо к описанию характера. Происходит непрямая номинация, то есть, когда говоря *iron*, подразумевают один из признаков металла – твердый, негибкий (*firm*) таким образом, признак одного объекта переносится на новый объект, который изначально этим признаком не определяется.

Явление изменения статуса слова отмечается Е.М. Вольф, которая утверждает, что «в большинстве случаев оценочный смысл имплицитивно связан с соответствующим дескриптивным. В естественном языке оба аспекта обычно совмещаются. Это совмещение реализуется как в семантике самих оценочных слов, так и в высказываниях, содержащих оценку, причем именно в высказывании обнаруживается ряд характерных свойств оценочной семантики» (Вольф 1985: 30).

Субъективный и объективный компоненты оценочного значения в языке представляют собой диалектическое единство со сложными и меняющимися

соотношениями в пределах каждого отдельного словоупотребления. Связь дескриптивного и собственно оценочного (эмотивного) смысла в значениях слов наиболее очевидно проявляется в системе прилагательных, для которых основной является признаковая семантика. В рамках этого лексико-грамматического класса можно выделить дескриптивные слова, которые не содержат оценочных сем, например: *Japanese, iron, evening* (к этому типу принадлежит большинство относительных прилагательных) и собственно оценочные (*gorgeous, charming, brilliant, fabulous, bad, awful, filthy, terrible, disgusting*), которые обозначают только оценку со знаком «+» («хороший») или «-» («плохой»), с той или иной мерой интенсификации и/или аффективности (Вольф 1985: 29).

Оценочный статус прилагательного определяется приравнением его к одному из абсолютных оценочных предикатов «хорошо» / «плохо». В дифференциации оценочного и дескриптивного смыслов и степени их связи большую роль играет характер коммуникативной установки высказывания. В том случае, если целью является передача информации, то смысл высказывания дескриптивен. Если говорящий ставит задачу выразить мнение о фактивной информации, высказывание приобретает оценочный смысл.

Проблема соотношения дескрипции и оценки имеет еще один аспект – это вопрос о первичности или вторичности оценочных и дескриптивных признаков, который рассматривается в логических теориях оценки. Отмечается, что дескриптивные признаки оказываются первичными, если идет речь об оценочных выводах. Оценочные предложения передают то, «что человек считает ценным, что он считает плохим и что безразличным», а также выражают убеждения людей в том, что есть добро и что есть зло» (Ивин 1970: 11). На этом основывается весьма спорная точка зрения в трактовке оценочного высказывания как абсолютно субъективного, поскольку характер оценки зависит от ее продуцента.

Существующие лингвистические концепции оценки формулируются с учетом ее логического представления. Уместно отметить, однако, необходимость избегать простого механического переноса логических формализованных категорий в язык без учета специфических особенностей последнего, поскольку логика и язык связаны «не прямыми, а сложно опосредованными и диалектически противоречивыми отношениями» (Блох 1986: 5).

В лингвистическом толковании оценка есть «вербализованный (отраженный, зарегистрированный в речевом акте) результат квалифицирующей деятельности сознания или деятельности сенсорной (чувственной, эмотивной) сферы человеческой психики (Ляпон 1989: 24). Данное определение охватывает два типа оценки, выделяемых М.В. Ляпон – динамический (оценка-процесс, или оценивание) и статический (оценка как результат). В нем также эксплицируется неформализованный характер оценки.

Вербализованное оценочное значение характеризуется некоторой «размытостью» ввиду смежности оценки и дескрипции (в отличие от логического оценочного суждения, которое является однозначным). Отмечается, что дескриптивное значение в высказывании переменное, в то время как оценочное – более постоянно, так как связывается с существованием стандартов хороших вещей («хорошести» (Елизарова 1987)) как в онтологии фактов, так и в артефактных объектах (Ивин 1987: 236).

Вместе с тем, поскольку разграничение дескриптивного и оценочного обозначено как в логике, так и в лингвистике, язык в своей репрезентативной функции должен обладать некоторым арсеналом языковых средств передачи оценочного значения. Это могут быть описательные, номинативные единицы, морфологические и лексические интенсификаторы, инвертированные синтаксические конструкции (Трунова 1991: 86).

В случаях выражения эпистемических оценочных значений (в частности, когда речь идет об употреблении глаголов ментального действия), возникает необходимость разграничения их дескриптивного употребления в плане обозначения ментального действия (эпистемическая оценка):

(7) *Well, I am thinking about it now* (Shaw: www).

и случаев передачи ими модального значения «полагания»:

(8) *I think, it was a mistake* (I. Shaw: www).

в так называемых конструкциях с пропозициональными актантами (Сильницкий 1987) или в парентетическом употреблении (Урмсон 1985: 210). Употребляемые в первом лице настоящего времени в модусной позиции, надпропозиционально, эти глаголы не имеют дескриптивного смысла, не описывают психологических состояний и выступают в качестве сигнала, ориентирующего слушающего на правильную оценку высказывания.

Базовая структура оценки заимствована в лингвистический аппарат ее описания из логики, что представляется совершенно правомерным, в силу того, что экспонентом суждения (в том числе и оценочного), как логической структуры мысли, является предложение. Структура оценки определяется наличием субъекта и объекта оценки, основания (или критерия) и характера.

Структура оценочной ситуации несколько расширяется Г.Г. Сильницким, который определяет ее наличием следующих компонентов: а) автора оценки, б) оценочной пропозиции или суждения («способ представленности» оценки), в) предмета оценки, г) адресата (объекта оценочной пропозиции), д) критериев оценки, е) характера (позитивный или негативный) (Сильницкий 1987). Расширение структуры оценочной ситуации, как представляется, осуществляется за счет введения некоторых необлигаторных компонентов, например, мотива, объясняющего характер оценки, и шкалы оценок. При этом мотив может быть эксплицирован, а шкала – это всегда имплицитная конвенциональная сущность. Возможность такой импликации (как подразумеваемого, невыраженного, немаркированного (Власова 1973: 63) предопределяется системой (фреймом) фоновых знаний, общих для продуцента и реципиента речи (“shared knowledge”), что позволяет реструктурировать импликатуры и восстановить пресуппозиции оценочного (в принципе, любого) высказывания. Считается, что такая организация работы сознания является энергосберегающей и предполагает существование принципа экономии в актуализации языковой системы (Слышкин 1999).

Анализ языковой фактологии позволяет сделать вывод о том, что не все компоненты структуры оценочного действия облигаторны в вербальной оценочной ситуации. В импликации остается оценочная шкала и, чаще всего, основание оценки. Может остаться невыраженным и субъект оценочного высказывания.

Изучение оценки требует обращения к природе человека и его мироощущения. Воспринимая мир вокруг себя, человек формирует определенное отношение к этому миру. В формировании представления о мире участвует не только рациональное мышление, но возникающая прежде всего эмоциональная реакция.

Библиографический список

1. Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1986. – 160 с.
2. Власова, Н. С. К вопросу об имплицитности предложно-падежных сочетаний // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 63.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
4. Елизарова, Г. В. Сложноподчиненное предложение с главной частью типа *it is said ; it is hoped* (семантический, номинативный и прагматический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук / Галина Васильевна Елизарова. – Л., 1987. – 16 с.
5. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
6. Ивин, А. А. Ценности в научном познании / А. А. Ивин // Логика научного познания. Актуальные проблемы. – М. : Наука, 1987. – С. 230–258.
7. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование / М. В. Ляпон // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 24–34.
8. Сильницкий, Г. Г. Семантическая структура оценочных глаголов / Г. Г. Сильницкий // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте / Тезисы докл. рабочего совещания. – М. : Наука, 1987. – С. 105–109.
9. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : дис. ... канд. филол. наук / Геннадий Геннадиевич Слышкин. – Волгоград, 1999. – 18 с.
10. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности на материале английского языка: учебное пособие / О. В. Трунова. – Барнаул–Новосибирск : Барнаульский государственный педагогический институт, 1991. – 130 с.
11. Урмсон, Дж. О. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – № 16. – С. 196–216.
12. Хэар, Р. М. Дескрипция и оценка / Р. М. Хэар // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. XVI, Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 183–195.

Список источников иллюстративного материала

1. Grisham, J. The Firm [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/author/grisham_john/the_firm/grisham_the_firm.html
2. Marden, O. S. An Iron Will [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://thelib.ru/books/marden_o/iron_will.html
3. Shaw, I. Lucy Crown [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://thelib.ru/books/shaw_j/lucy_crown.html

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАСШИРЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Развитие концепции «интернационализации» в системе высшего образования сопряжено с исследованием процессов глобализации и представляет собой достаточно новое явление. Ещё полвека назад эти понятия трудно было найти в научной литературе, связанной с системой высшей профессиональной школы. Сегодня сотни книг и статей сконцентрированы именно на этих социально значимых процессах, и, тем не менее, новые перспективы их проявления раздвигают границы научного поиска.

Многие специалисты в области высшего образования отмечают, что интернационализация является неотъемлемой частью глобализации. Так, А. Гидденс в начале 90-х годов определял глобализацию как интенсификацию мировых социальных отношений, связывающих отдалённые друг от друга территории, при которых события регионального характера начинают формироваться под воздействием социальных явлений, происходящих за многие километры от данного региона, и наоборот (Giddens 1990: 64). Т. Спайбей отмечает, что процессы глобализации, функционируя в широком масштабе, глубоко влияют на самые значимые, повседневные и глубоко личные аспекты жизни (Spybey 1996: 5). Д. Данкерлей и В.С. Вонг в предисловии к книге “Global Perspectives on Quality in Higher Education” исследуют глобализацию с позиций своих американских коллег А. Гидденс и Т. Спайбей. Своё понимание этого явления они отразили в идее о том, что глобальное – это некий феноменологический аспект слияния регионального и глобального в единое целое (Dunkerley, Wong 2001: 1).

Значение термина «интернационализация» в высшем образовании подверглось глубокому исследованию такими учёными, как П.Г. Альтбах и Ю. Тайхлер, которые проанализировали процессы интеграции, происходящие в академической среде, причиной которым послужила необходимость адаптации университетов к новым глобализационно-ориентированным условиям третьего тысячелетия. П.Г. Альтбах и Ю. Тайхлер считают, что интернационализация – это неизбежный процесс, обязательный сопутствующий элемент глобальной экономики, растущего рынка труда для высококвалифицированных специалистов, интеллектуальной системы общения основанной на Интернете (Altbach, Teichler 2001: 5).

Исследователи перечисляют явления, которые, как они полагают, ускоряют процесс интернационализации, к ним относятся:

3. поиск общепринятой модели высшего образования;
4. растущая глобализация академического рынка труда студентов и преподавателей;
5. использование английского языка в качестве международного языка для проведения научных исследований и в учебных целях;

6. дистанционное образование;
7. использование Интернета для проведения научных исследований и в учебных целях;
8. создание партнёрских отношений с высшими учебными заведениями других стран;
9. гармонизация структуры степеней, дисциплин, кредитной системы перезачёта учебной нагрузки, механизмов оценки и измерения академического прогресса (Altbach, Teichler 2001: 6).

Ю. Тайхлер отмечает, что исходным материалом интернационализации высшего образования послужил некий комплект неоднородных явлений, и такие явления не просто распространились за пределы государственных границ, интернационализация по своей сути стала переходом:

а) от преимущественно вертикального уклада международного сотрудничества и мобильности к доминированию международных отношений на равных условиях;

б) от казуистических (случайных) действий к систематизированной политике по интернационализации;

в) от несвязанной специфически международной деятельности к интегрированной интернационализации высшего образования (Teichler 1999: 5).

Дж. Найт отмечает, что глобализация это выход технологий, экономики, знаний, людей, ценностей, идей за пределы государственной границы. Влияние глобализации на каждую страну различно и зависит от особенностей исторического развития, традиций, культуры, приоритетов этой нации, а интернационализация в высшем образовании – это один из способов реагирования страны на глобализацию при сохранении уважения к уникальности собственного народа (Knight 1999: 14).

Под воздействием процессов глобализации существенные изменения происходят и в российской системе высшего образования. Для российских вузов участие в интернационализации в первую очередь связано с Болонским процессом, наиболее значимым и широкомасштабным движением Европы по объединению всех мероприятий, направленных на формирование единого европейского образовательного и исследовательского пространства континента. В сентябре 2003 г. решением Берлинской конференции министров образования Европы Россия включена в состав стран-участниц Болонской Декларации (JDEM 2003). Считается, что выполнение положений Болонской декларации поможет разрешить актуальные экономические, политические и социальные проблемы Европы, а также повысить конкурентоспособность и усилить позиции европейской системы высшего образования на международном уровне. Основной декларации служит предложение о выработке единых требований для европейских систем высшего образования и начале их применения с 2010 г. Такие мероприятия смогут обеспечить академическую мобильность студентов, что позволит им продолжать обучение в других вузах, как внутри страны, так и за рубежом. Гармонизация и синхронизация структур европейского высшего образования, предполагается, приведёт к более эффективным методам обучения, и будет гарантировать взаимопризнание дипломов,

квалификаций, степеней, и титулов, присуждаемых европейскими университетами-участниками Болонского процесса, основными направлениями которого считается:

- 2 (3) уровневая система высшего образования, с присуждением степеней Бакалавра, Магистра, Доктора;
- европейская система перезачёта кредитов;
- приложение к диплому;
- мобильность студентов,
- интеграция науки;
- система управления качеством образования;
- участие студентов в управлении;
- содействие европейским воззрениям;
- открытость Европы миру;
- привлекательность европейских систем высшего образования;
- обучение в течение жизни;
- содействие выпускникам при устройстве на работу (Козырев, Шубина 2005: 12-60)

Отечественные исследователи по-разному рассматривают роль глобализации в высшем образовании: «вузы вовлечены в процесс глобализации и как объекты, и как субъекты, посредники» (Желтоножко 2002: 225). Необходимость изменения основ функционирования высшей школы определяет вуз как объект глобализации, и это отражается в его коммерциализации, переходе на рыночные условия, росте влияния практики бизнеса, обострении на рынке образовательных услуг. В качестве субъектов (посредников) глобализационных процессов вузы становятся активными участниками международной деятельности и, более того, их заинтересованность в этом неуклонно возрастает, и как следствие, повышается уровень интернационализации образования.

Обратимся к опыту региональных педагогических вузов, которые, включившись в модернизацию образовательной деятельности в соответствии с европейскими тенденциями развития высшей школы, пытаются осуществить переоценку своих возможностей и выйти на международный рынок образовательных услуг. Однако участие таких вузов в интернационализации означает необходимость инициации международной деятельности и переход к координальным организационным изменениям. Педагогические высшие учебные заведения имеют ряд факторов, препятствующих их успешной интеграции в мировое образовательное сообщество. К таким факторам можно отнести традиционное доминирование педагогических образовательных программ, направленность исключительно на внутренний рынок своего региона, невысокий уровень развития международного сотрудничества, слабую техническую базу, быстро устаревающие корпуса и оборудование. Всё это указывает на потенциальный риск привлекательности педагогических вузов, мобильности их студентов и преподавателей, созданию партнёрских отношений с высшими учебными заведениями других стран, обеспечению открытости мировому сообществу. Выявленные препятствия требуют их внимательного рассмотрения и решительных действий, как со стороны самих учебных

заведений, так и со стороны государственных органов, занимающихся проблемами высшего профессионального образования.

Одним из таких действий можно рассматривать проект Национального фонда подготовки кадров (НФПК) «Разработка комплексной стратегии экспорта российского высшего образования и повышения его конкурентоспособности на мировом образовательном рынке», проводимого в рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2006 – 2010 г.г. В данном проекте предложено три уровня интернационализации высшего образования: национальный, секторальный и институциональный. Интернационализация образования это «процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение» (РКС 2009), и включает в себя два аспекта: «внутреннюю» (внутри страны) и «внешнюю» (образование за границей) интернационализацию со следующими формами международного сотрудничества:

1. индивидуальная мобильность: мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;
2. мобильность образовательных программ и институциональная мобильность: формирование новых международных стандартов образовательных программ;
3. интеграция в программы международного измерения и образовательных стандартов;
4. институциональное партнёрство: создание стратегических образовательных альянсов (РКС 2009).

В ходе проекта был обобщён опыт трёх педагогических вузов (Томского государственного педагогического университета, Вятского государственного гуманитарного университета, Алтайской государственной педагогической академии (АлтГПА)) по использованию механизмов модернизации образовательной деятельности, имеющей отношение к экспорту образовательных услуг высшего профессионального образования. Анализ осуществлялся по пяти направлениям:

1. планирование внутривузовских процессов, направленных на интернационализацию;
2. организационные решения, направленные на интернационализацию и повышение конкурентоспособности вуза в международном и европейском образовательном пространстве;
3. организационная структура по управлению международной деятельностью в вузе;
4. система обеспечения качества образовательных программ и процессов, направленная на развитие интернационализации и экспорта образовательных услуг;
5. динамика изменений внутривузовских процессов и полученных результатов за период 2005-2009 гг.

Для Алтайской государственной педагогической академии участие в таком проекте дало возможность сравнить свои позиции по состоянию международной деятельности с

другими педагогическими вузами страны. Там, например, анализ показал, что в АлтГПА нет отдельной программы интернационализации, а международное сотрудничество лишь учитывается при разработке плана развития вуза. Примером организационных решений, непосредственно обеспечивающих интернационализацию деятельности в АлтГПА, может служить недавно созданный Совет по международному сотрудничеству в области образования и науки. В задачи Совета входит обобщение и распространение опыта, установление академических и научных контактов с учебными заведениями и организациями в странах ближнего и дальнего зарубежья. В АлтГПА ведётся работа по внедрению и реализации совместных с зарубежными вузами программ на основе двухсторонних договоров об обмене студентами и преподавателями.

В целях развития международной деятельности представляется несомненно полезным обращение к опыту вузов-участников проекта по разработке комплексной стратегии экспорта российского высшего образования и повышения его конкурентоспособности на мировом образовательном рынке. На основе таких материалов возможна выработка ключевых положений плана мероприятий по интернационализации образования любого педагогического вуза, заинтересованного в расширении способов поставки образовательных услуг на международный рынок, таких как обучение иностранных студентов в российском вузе, открытие филиалов, представительств вуза за рубежом, реализация за рубежом специальных образовательных программ и многое другое.

Библиографический список

1. Желтоножко, Е. А. Глобализация в образовании: «pro» и «contra» / Е. А. Желтоножко // Материалы международной научной конференции «Национальная экономика в условиях глобализации и региональное развитие». – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 225–229.
2. Козырев, В. А., Шубина, Н. Л. Высшее образование в России в зеркале Болонского процесса: Научно-методическое пособие / В. А. Козырев, Н. Л. Шубина. – С-Пб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 12–60.
3. [PKC] Разработка комплексной стратегии экспорта российского высшего образования и повышения его конкурентоспособности на мировом образовательном рынке [Электронный ресурс]. – М., 2009. – Режим доступа: <http://portal.ntf.ru>
4. Altbach, P. G., Teichler, U. Internationalization and Exchanges in a Globalized University / P. G. Altbach, U. Teichler // Journal of Studies in International Education. – 2001. – Vol. 5. – No.1. – P.P. 5–25.
5. Dunkerley, D., Wong, W. S. Global Perspectives on Quality in Higher Education / D. Dunkerley, W. S. Wong. – Burlington, VT: Ashgate Publishing Company, 2001. – P. 1
6. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge : Polity, 1990. – P. 64
7. Knight, J. Internationalisation of Higher Education / J. Knight // Quality and Internationalisation in Higher Education. – Paris : Organisation for Economic Co-operation and Development, 1999. – P. 14
8. Spybey, T. Globalization and World Society / T. Spybey. – Cambridge : Polity, 1996. – P. 5
9. Teichler, U. Internationalization as a Challenge for Higher Education in Europe / U. Teichler // Tertiary Education and Management. – 1999. – No. 5. – P.P. 5–23.
10. [JDEM] The European Higher Education Area : Joint Declaration of the European Ministers of Education. Bologna, 18 – 19 June 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bologna-berlin2003.de>

СРАВНЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ В НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

«Все люди от природы стремятся к знанию».

Аристотель «Метафизика»

Трансформация когнитивных способностей индивида и вопросы, связанные с проблемами приобретения, накопления и трансляции знаний, а так же их истинности и объективности, традиционно ассоциировались с предметом философской мысли. Однако, в последнее время в сфере гуманитарного (психология, культурология, литературоведение, лингвистика) и естественнонаучного знания возрос интерес к вопросу о хранении, обработке и мобилизации информации накопленных человеком знаний.

Одной из основных и важных составляющих характеристик жизнедеятельности человека является его взаимодействие с окружающим миром, со средой обитания, направленное на адаптацию и приспособления homo sapiens к внешним условиям жизни. В данном процессе познавательные устремления изначально ограничивались простым наблюдением и восприятием, что было вполне достаточно для наивного сознания. Сенсорные каналы со временем теряли остроту и не были уже подобны зрительному или слуховому аппарату представителей животного мира, но сознание еще было свободно от строгости понятий и аналитических процедур точных наук и более сложных ментальных операций форм мышления, таких как суждение и умозаключение. Согласно эволюционной теории познания, приспособление индивида к внешним условиям существования детерминирует развитие его познавательных способностей (Фоллмер: www).

Современный человек, соприкасаясь с миром и взаимодействуя с окружающей действительностью, получает большие объемы информации посредством чувственно-перцептуальных каналов. Полученные сенсорные данные, трансформируясь, перерабатываются центральной нервной системой и мозгом. Новая информация, в свою очередь, изменяясь, приспособливается к ранее существующим в сознании «интеллектуальным схемам» и параллельно происходит процесс объединения, адаптации и изменения данных схем (КСКТ 1997: 195). Эффективность степени принятия «новой ситуации» полностью зависит от умения и способности переработать полученную информацию, от форматов уже освоенного знания и возможности использования предшествующего, ранее приобретенного опыта. Подобная операция производится посредством сравнения, позволяя человеку быстрее усвоить и постичь новый и неизученный объект, соотнося его с ранее полученными знаниями и известным материалом (Лекторский 2008: 25).

Результаты познания отражаются и закрепляются в сознании человека в виде знаний, умений, навыков, стилей поведения и типов общения; иными словами, образуется

определённая модель или картина мира человека. Сопоставление познанного, таким образом, приводит к обобщениям, концептуализации и категоризации, формируя знания о мире в определенные структурированные образования. Человек может быть обладателем (носителем) нескольких картин мира (языковой, культурной, научной), которые сосуществуют в его сознании и определяют внутренний потенциал индивида и подчеркивают неповторимость его мировосприятия. Формирование достоверных знаний об окружающем мире достигается преимущественно посредством научных поисков и достижений (Wikipedia: www). Совокупность полученных научных, точных и объективных знаний об окружающей действительности формирует научную картину мира, которая отображается в сознании человека и закрепляется в языке.

Традиционная аналитическая философия рассматривает научную картину мира как «целостную систему представлений о мире, его общих свойствах и закономерностях, возникающих в результате обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов» (ФЭС 1989: 396). В основе данной формулировки лежит идея о совокупности мыслительных процессов, множестве научных теорий и систематизации научного знания, где наука выступает в форме общественного сознания и претендует на объективность в отражении мира.

Научная картина мира выражена в строгих теоретических законах и понятиях, и как отдельный способ содержания структурированных, научных знаний согласуется с установленными этапами ее эволюции и функционирования, где неоспоримо присутствует взаимодействие различных областей «научного поиска» (Степин, Кузнецова 2003: 665).

Достижения и открытия в научной сфере почти всегда находятся в отношениях зависимости с радикальной модификацией методов анализа исследования, позволяющих постичь объекты исследования в их многообразии и недискретности, а также значительными изменениями в эталонах научности.

Исторически принято выделять несколько этапов в смене НКМ, обычно их отождествляют с именами крупных научных деятелей и мыслителей, сыгравших значительную роль в смене научных парадигм знания. Очевидно, что познание окружающего мира и последующий этап в развитии научной мысли опирался на предшествующую ступень научных достижений общества, что предполагало детальное изучение полученного ранее материала, его анализ, сопоставление и сравнение научных концепций. Ученые-исследователи не могли игнорировать научный опыт предшественников, сопоставляя и сравнивая, они создавали свое «новое» в науке, не отрицая старых законов, которые работали до определенного момента, пока теория не начинала «плыть» и становилось очевидным, что эти законы уже не соответствуют современной картине мира и положению вещей в ней.

Наиболее значимыми являются следующие этапы в развитии научной картины мира:

1. Аристотелевский (VI-IV в до н. э.) этап ознаменован отделением науки от других форм познания и освоения мира, созданием определенных норм и требований к

научному знанию. Создается понятийный аппарат, пронизывающий научное мышление представителей сферы гуманитарных и общественных наук. Возможно, данный этап следует считать отправной точкой создания «нормы» научного знания, по которой сверяются степень познанности объекта или степень достоверности познанного.

2. Классическая картина мира (И. Ньютон и Р. Декарт) – это система мышления, противопоставляющая материю и ум, постулирующая наличие мира как мира твердой материи и «невключение» человека и Бога в представленную рационально-механистическую картину.

3. Неклассическая картина мира и ее появление связано с именами великих ученых (А. Эйнштейн, Э. Резерфорд, Н. Бор), которые создали квантовую механику и в корне изменили видение мира и представление о нем. Они доказали, что мир гораздо сложнее и разнообразнее, а время, пространство и материя взаимосвязаны и взаимопроникаемы, что отвергала классическая физика (Губбеева и др.: www)..

4. Постнеклассическая научная картина мира связана с именем основателя науки синергетика И.Р. Пригожина. В узком смысле – это наука о нестабильных, неустойчивых состояниях бытия, переходах от хаоса к порядку и снова к упорядочиванию систем (природных, социальных, когнитивных). И.Р. Пригожин развивает мысль о том, что хаос может разрушать (что чаще ассоциируется с нашим сознанием), но в тоже время может быть конструктивным и созидательным в своей разрушительной силе.

Эффективность процесса постижения и приобретения знаний зависит от методов, которые использует субъект в процессе восприятия и фиксации информации. Философская наука оперирует диалектическим, аналитическим, индуктивным и другими методами. К логическим же методам познания относят анализ, синтез, индукцию, дедукцию, сравнение.

В сфере логических конструкций процесс сравнения представляет собой сопоставление объектов реального мира и их признаков и является достаточно простым, понятным и эффективным способом перцепции мира, который способствует выявлению отношения тождества и различия объектов, восприятию их однородных или разнородных качеств. Посредством процедуры сравнения можно проанализировать, как эволюционируют и трансформируются объекты и явления окружающего мира. При помощи данного метода происходит классификация, категоризация и систематизация предметов и явлений и совершается опосредованное познание объективной действительности. Таким образом, сравнение – это «общезначимый фактор процесса отражения объективной действительности» (Бартон 1978: 3-7).

Сравнение, являясь одним из важнейших познавательных средств, лежит в основе суждений о тождестве или различии объектов, с помощью которых осуществляется качественное и количественное исследование формы и функций объектов и представляется возможным установление закономерностей, общих для разных явлений или объектов окружающей действительности (Сен-Симон 1948: 254, Бартон 1978: 9).

Становится очевидным, что сравнительный подход пронизывает любую научную деятельность, а также классифицирует и систематизирует полученные данные.

Сравнительное действие, возможно, не представляется особо весомым и независимым критерием в обработке информации и, скорее всего, занимает второстепенно-подчинительную позицию по отношению к другим научным методам, однако является при этом обязательной составляющей логико-философских, естественнонаучных и лингвистических концепций (Шохин 1998: 67-71).

Сравнение, являясь способом научного познания окружающей действительности, присутствует в различных отраслях научного знания, в том числе и в лингвистике. В лингвистических исследованиях сравнение помогает установить однородные и отличительные черты одного или нескольких языков. Метод сравнения как «общенаучная операция мышления» широко представлен в методах лингвистического анализа (Кодухов 1974: 252-256).

Первоначально метод сравнения использовался в работах ученых Древней Индии, где акцент ставился больше на филологической стороне данной мыслительной операции, а логический фон находился на второстепенном плане. Первые попытки логического сопоставления и формирования принципов сравнительной операции приписываются античным классическим философам, в работах которых сравнение репрезентируется не только как фигура речи, но и метод познания действительности (Подхлмутников 2002: 10). Аристотель применил метод исторического сравнения, анализируя политические формы правления того времени, и более того, высказал мысль о том, что единственный путь познать материю и получить знание и понимание о ней возможно через операцию сравнения материальных объектов данного мира (Аристотель 1983: 8-12).

Увеличение и степень усиления интереса к методу сравнения формируется с 16 в., что продиктовано событиями того времени, а именно великими географическими открытиями, которые побудили ученых подвергнуть анализу, сопоставлению, структурированию и систематизации, полученные как собственно научные, так и эмпирические данные (Шохин 1998: 14-15).

В рамках лингвистической аргументации языковые наблюдения требовали детального изучения и систематизации, и метод сравнения играл в обработке научного материала не последнюю роль, являясь вполне самостоятельным научным приемом в сравнительном языкознании. Исследователи пытались обработать полученную информацию о разных языковых и культурологических социумах и определить степень родства и близости определенных языковых систем, а также сходства нравственных традиций и общие черты их происхождения у некоторых народностей (И. Скалигер, Г. Лейбниц, М.В. Ломоносов, А. Шлейхер, Ж. Лафито, И. Аделунг и др.).

Возможно, первые попытки категоризации языков были не столь последовательны и фундаментальны, но все же они сыграли определенную роль в репрезентации многообразия языков, их сходных черт и различий. Начало сравнительному языковедению было положено В. Джонсом в ходе изучения и сопоставления санскритских рукописей и современных индийских языков (Реформатский 2007: 392-393).

Одной из не менее значительных фигур, стоящих у истоков лингвистического компаративизма, был Ф. Шлегель. В 1808 г. он формулирует постулаты сравнительно-

исторической грамматики индоевропейских языков и вводит сам термин сравнительная грамматика (Реформатский 2007: 398).

Методы сравнительного изучения родственных языков были подхвачены учеными-исследователями, занимающимися вопросами мифологии. Например, немецкие сказки сопоставлялись с другими родственными культурологическими традициями единой древнегерманской мифологии, что помогало выявить параллельность явлений в фольклоре и культуре индоевропейских народов и подчеркнуть общие черты «прамифологии» (Шохин 1998: 16-18).

В тот же период швейцарец Я.Д. Вегелен предпринял попытку логического исследования и осмысления функций и оснований исторического сравнения. Он отрицал тождественность исторических фактов, однако отмечал, что процесс сравнения раскрывает элементы однородности и сходства между определенными видами исторических фактов, что дает возможность формировать исторические понятия, выявлять однозначно действующие причинные связи, приводить в систему исторические события и факты и ступени социального развития (СИЭ: www).

Признание и широкое использование сравнительный метод получает с 19 века в различных научных дисциплинах: в социальных науках, правоприменении, литературоведении (сравнительно-историческое литературоведение), сравнительной мифологии, сравнительном изучении религиозных учений, культуроведении, философии, лингвистике (сравнительно-историческая лексикология, сравнительно-историческое языкознание).

Изначально сравнительный метод трактовался достаточно в широком плане. Позднее появляется тенденция к его ограничению и более узкой специализации. Сравнение можно рассматривать, например, как категорию стилистики (тропы) и категорию философской мысли (акт мышления), а также категорию области логических операций. В современных условиях метод сравнения нельзя оппозиционировать как автономный, самодостаточный и универсальный. Скорее всего, он выступает в качестве составного звена в эмпирико-теоретических методологических принципах научного познания действительности и формировании объективной модели мира в сознании человека. Принимая во внимание частотность использования указанного метода и его задействованность в решении научных задач, можно охарактеризовать процесс сравнения как общедисциплинарный метод научных поисков и предположений, метод, с помощью которого классифицируются, систематизируются и оцениваются однопорядковые и разнопорядковые объекты окружающего мира и постигается сущность как самих объектов, так и их взаимоотношений. По существу сравнивающая (сопоставительная) деятельность может претендовать на роль одного из базисных факторов в процессе отражения предметного мира и познании объективной действительности. Важность сравнительной операции в исследовательской научной деятельности неоспорима и очевидна, что подтверждается частными высказываниями и фундаментальными трудами известных мыслителей, политиков и ученых различных областей знаний.

Библиографический список

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – Т. 1: [Метафизика; О душе] / Ред. В. Ф. Асмус; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, Б.г., 1975. – 550 с.
2. Бартон, В. И. Сравнение как средство познания / В. И. Бартон. – Минск. : Изд-во БГУ, 1978. – 127 с.
3. Губбыева, З. О. Типы картин мира / З. О. Губбыева, А. Ю. Каширин, Н. А. Шлапакова [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tspu.tula.ru/res/other/kse/lec3>
4. Когнитивный подход : научная монография / отв. ред. Академик РАН В. А. Лекторский. – М. : РООИ Реабилитация, 2008. – 464 с.
5. Кодухов, В. И. Общее языкознание: учеб. для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / В. И. Кодухов. – М. : Высш. шк., 1974. – 302 с.
6. Подхлмутников, В. Г. Лингвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английском языках (на примере идеографического поля) «Внешность». : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Подхлмутников Виталий Геннадьевич. – Омск, 2002. – 149 с.
7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. –Изд. 5-е , испр. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
8. Сен-Симон, А. Избранные сочинения / Пер. с фр. под ред. и с коммент. Л. С. Цетлина; АН СССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Б.г., 1948. – 468 с.
9. Степин, В. С., Кузнецова, Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации [Электрон. ресурс] / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/step1.html>
10. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки [Электрон. ресурс] / Г. Фоллмер. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/.vollmer/05>
11. Шохин, В. К. Щербатской Ф. И. и его компаративистская философия / В. К. Шохин. – Рос. АН, Ин-т философии. – М. : Б.и., 1998. – 248 с.
12. [КСКТ] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др. ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
13. [СИЭ] Историческая энциклопедия. – М. : Изд-во Советская энциклопедия, 1973. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic>
14. [ФЭС] Философский энциклопедический словарь. / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Ю.С. Жолобова

Барнаул

МЕТАТЕКСТ И СОПРЯЖЕННЫЕ С НИМ ПОНЯТИЯ

В различных областях лингвистики, прежде всего – в исследованиях языка науки, в терминоведении, лексикографии, текстологии и смежных областях часто используются термины с приставкой «мета», в том числе такие, как метаязык, метатекст, метатекстуальность, метаязыковая функция, метаязыковое сознание. Поскольку исходным для осуществляемого нами исследования является понятие «метатекст», попытаемся установить корреляции между обозначенными выше понятиями и выявить степень их сопряженности.

Интерпретация терминов метаязык, метатекст, метатекстуальность, метаязыковая функция и метаязыковое сознание в большинстве концепций имеет своим исходом анализ значений составляющих их компонентов. Являющийся общим для всех данных терминов компонент «мета-» представляет собой заимствование из греческого языка, которое в переводе означает «после», «за», «между», «через». В связи с этим, согласно данным современного словаря иностранных слов, слова, образованные с помощью данного компонента, используются для обозначения таких систем, которые служат для исследования или описания других систем (ССИС 1993: 373).

Так, понятие «метаязык» первоначально возникло в математике и логике в значении формализованного языка, средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий. В классической философии метаязык используется как понятие, фиксирующее процесс рефлексии над языком. По мнению философов, человек, наряду с осмыслением всего материального и идеального мира и своего места в нём, непроизвольно рефлексиирует над языком. Постмодернистская трактовка понятия «метаязык» восходит к работе Р. Барта «Литература и метаязык» (1957), где автор разграничивает понятия «метаязык» и «язык-объект». Под языком-объектом Р. Барт понимает реальный язык как предмет логического исследования. Метаязык в его концепции – это искусственный язык, на котором ведётся исследование языка-объекта (Барт 1989: 131). Данные понятия употребляются Р. Бартом в связи с изучением проблем современной литературы. Согласно точке зрения автора, литература представляет собой одновременно «предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литературу-объект и металитературу» (Барт 1989: 131). При таком подходе литература-объект соотносится с рядом «предмет» и «речь», а металитература, соответственно, с рядом «взгляд на предмет» и «речь об этой речи». Разграничение объектного уровня и метауровня внутри самой литературы обуславливает её двойственную природу. Впоследствии, по мнению Р. Барта, взаимодействие двух уровней приводит к разрушению одного из них. В частности, происходит разрушение литературы-объекта и сохранение её лишь в качестве металитературы, то есть в виде литературы для литературы, или, как писал Р. Барт, литература становится «маской, указывающей на себя пальцем» (Барт 1989: 132).

В лингвистике изучению метаязыка также посвящено немалое количество работ отечественных и зарубежных исследователей (О.С. Ахманова, Д.М. Гвишиани, М.А. Караулов, Р. Вульманн). Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике понятие «метаязык» традиционно используется при исследовании и/или описании естественных языков. В большинстве концепций также указывается на разграничение языка-объекта и метаязыка. Язык-объект (Objektsprache) рассматривается как естественный человеческий язык, являющийся предметом исследования. Метаязык (Metasprache) определяется как язык второго порядка по отношению к языку-объекту, то есть как язык, средствами которого описывается какой-то другой язык. Поэтому в концепциях немецких учёных в качестве синонима термина «метаязык» употребляется термин „Beschreibungssprache“ (Вульманн: www).

Способность к осмыслению элементов и закономерностей языка и речи рассматривается учёными как естественное, заложенное в сознании человека свойство. Область рационально-логического, рефлексивного языкового сознания, направленная на отражение языка-объекта как элемента действительного мира, получила название метаязыкового сознания. В работах отечественных исследователей метаязыковое сознание определяется как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии и т. д.» (Ростова 2000: 45).

В работах некоторых исследователей понимание метаязыка было расширено. Например, в концепции Н.К. Рябцевой указывается на то, что посредством метаязыка осуществляется не только представление и описание объектов коммуникативно-вербального пространства, но и происходит процесс «идентификации и интерпретации коммуникативного намерения говорящего и всех связанных с ним субъектно-ориентированных явлений» (Рябцева 2005: 416). Таким образом, метаязык обнаруживает способность служить не только средством описания языка-объекта, но и выступать в комментирующей функции.

Производным от понятия «метаязык» является понятие «метаязыковая функция», введённое в научный обиход Р. Jakobsonом. Как известно, Р. Jakobson в своей классификации функций языка помимо референтивной, эмотивной, аппеллятивной, фатической и поэтической функций, выделяет также и метаязыковую функцию как функцию, связанную с толкованием сказанного, интерпретацией сообщаемого с помощью синонимов и перифраз (Jakobson 1985: 294). По мнению Р. Jakobsonа, метаязыковая функция лежит в основе развития и использования языка и позволяет обеспечить «полноту и точность общения между собеседниками» (Jakobson 1985: 163).

Метаязыковая функция реализуется в тексте в особых фрагментах, для обозначения которых используется термин «метатекст». Метатекст традиционно определяется как текст о тексте, то есть как вторичный текст, который внедряется в имманентный мир базового текста с целью его толкования, пояснения и уточнения. Наличие метатекста в тексте предопределяет сложную многоуровневую организацию текста. Идея выделения метатекста в тексте принадлежит А. Вежбицкой, которая указывает на то, что говорящий часто комментирует собственное сообщение, так что «высказывание о предмете может быть переплетено нитями о самом высказывании» (Вежбицкая 1978: 403). При этом метатекст, по мнению А. Вежбицкой, являются «инородным телом», так как нарушает однородность текста, поскольку «становится не только сообщением о своей референтной ситуации, но и сообщением о самом себе как еще об одном референте» (Вежбицкая 1978: 403).

Несколько иная интерпретация понятия «метатекст» возникает в рамках теории интертекстуальности. Как известно, термин «интертекстуальность» был введён Ю. Кристевой в конце 60-х годов прошлого столетия для обозначения следов более ранних текстов в каком-то тексте. Рассматривая различные типы взаимодействия отдельных текстов в плане содержания и выражения, исследователи, наряду с интертекстуальностью,

паратекстуальностью, гипертекстуальностью и архитектуреальностью выделяют метатекстуальность (Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро). В рамках этой теории метатекстуальность и соотносимый с ней термин «метатекст» определяется как «комментирующая и часто критическая ссылка» на предшествующий текст, текст-источник (Женетт 1998: 328). Очевидно, что метатекст в таком случае является производным текстом, так как возникает лишь при наличии текстов-предшественников и при появлении потребности их осмысления.

Схожий взгляд на проблему метатекстуальности предлагает Н.А. Фатеева. Под метатекстуальностью автор понимает создание «текста, представленного какой-либо своей частью в другом тексте» и описывающего исходный текст (Фатеева 2000: 115). При этом Н.А. Фатеева выделяет имплицитную и эксплицитную метатекстуальность. Имплицитная метатекстуальность, то есть конструкция текст о тексте, выполняет функцию представления собственного текста в узком контексте. Примерами имплицитной метатекстуальности могут быть цитата, аллюзия, заглавие или эпитафия. Эксплицитная метатекстуальность определяется как «текст в тексте о тексте», то есть это эксплицитные высказывания о тексте-предшественнике. В качестве примеров эксплицитной метатекстуальности исследователь рассматривает пересказ, вариацию, дописывание чужого текста, интертекстуальную игру с текстами-предшественниками (Фатеева 2000: 115).

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы: если исходить из того, что метаязыковое сознание предполагает воплощение в метаязыке и предписывает наличие метаязыковой функции, то под метатекстом следует понимать результат актуализации метаязыкового сознания и метаязыковой функции в конкретном речевом произведении. Метатекст рассматривается в этом случае как текст о тексте либо как текст в тексте о тексте, основными функциями которого, как указывают исследователи, являются комментирующая функция, функция организации повествования и контактоустанавливающая функция.

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы / Р. Барт // Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – 616 с.
2. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8, Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–424.
3. Женетт, Ж. Фигуры / Ж. Женетт. – В 2-х тт. – Т. 2. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.
4. Пьеге-Гро, Н. Введение в интертекстуальность / Н. Пьеге-Гро. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240с.
5. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск : Издательство Томского ун-та, 2000. – 194с.
6. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева // РАН. Институт языкознания. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
6. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
7. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 456 с.
8. Вуфманн, Р. – Режим доступа: <http://culturitalia.uibk.ac.at/hispanoteca/lexikon.htm>
9. [ССИС] Современный словарь иностранных слов. – М. : Рус. яз., 1993. – 740 с.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

Семантика средств выражения интенциональности (здесь «интенциональность» следует понимать как философскую и психологическую категорию, в состав которой входят такие феномены, как «желание», «намерение», «принятие решения», «планирование», «попытка», направленные на совершение действия и достижение определенного результата) отличается сложностью и многоплановостью. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, во всех ли сочетаниях с другими средствами возможно выражение интенциональности, и если не во всех, то какая дистрибуция возможна для данных средств при приобретении дополнительных оттенков значения без потери основного (интенционального) значения.

Семантика данных средств обуславливает их толерантность к своей лексической дистрибуции. Это проявляется в их способности, с одной стороны, сочетаться в некоторых случаях с модальными и фазовыми глаголами, выражающими другие типы отношения к действию, а с другой – с глаголами различных лексических групп, отображающими самые разнообразные действия.

Говоря о действии, необходимо охарактеризовать его как движение в пространстве и во времени по гипотетической (теоретически представляемой траектории), в различных точках которой действие проходит ту или иную стадию (фазу) своего развития. Традиционно представление о процессе связывается с тремя фазами: начало, срединная фаза, конец (Богданов 1977: 78, Падучева 2001: 29, Рянская 2002: 86). Между тем, говоря о намерении совершить действие, мы можем выделить еще одну фазу – фазу «предначинательности» (термин В.П. Недалкова), «предначальную» фазу, когда говорящий выражает намерение или готовность к вступлению в действие, совершения действия (Теория функциональной грамматики 1987: 182). Графически можно обозначить это следующим образом:

Схема 1

Так как обдумывание и оформление намерения также является процессом, то у него также возможно выделить фазы развития: начало предначальной фазы – появление мыслей о том или ином намерении до оформления их в конкретное желание и намерение:

(1) *He began to wish to tell her about the Hilberys in order to abuse them ...* (Woolf: www).

Говорящий не вполне готов к осуществлению задуманного, это лишь стадия, на которой мысль, желание зарождается в человеке, за которой последует рассмотрение и взвешивание всех «за» и «против».

Серединная фаза совпадает с процессом формирования намерения (самой предначальной фазой действия) и тем самым употребление средств выражения интенциональности с глаголами, характеризующими продолжение действия (*to continue*), можно считать избыточным, хотя такие случаи иногда встречаются в статьях, где необходимо избежать сверхэмоциональной окраски, но в тоже время подчеркнуть твердость желания, намерения, позиции:

(2) *The US trade representative's office said the US continued to want a negotiated settlement* (The Financial Times: www).

В данном случае *to want a negotiated settlement* (имплицитное намерение совершить действие) имеет значение *'to intend to reach a settlement after discussion'*.

Как правило, в художественной литературе такое значение, где необходимо подчеркнуть процесс с наложением эмоционального компонента, эксплицируется длительным видом данных средств:

(3) ... *she seemed to throw herself so entirely into her new functions, working with a grave steadiness which was new in her, that Mr. Poyser often told Adam she was wanting to show him what a good housekeeper he would have ...* (Eliot: www).

Что касается окончания, завершающей стадии формирования намерения (предначальной фазы), то она совпадает с началом осуществления задуманного, и поэтому глаголы, характеризующие стадию окончания действия (*to cease, to finish, to end*), как правило, не используются в конструкциях со средствами выражения интенциональности. В случае, когда говорящий отказывается от своего желания, намерения на стадии его формировании, этот отказ не является результатом формирования намерения (конец ПФ) для начала осуществления самого действия – то есть в этом случае можно говорить о том, что нет намерения, а, следовательно, нет самого действия: такое значение (отказ от желания, намерения) передается другими средствами, а именно, наречиями *no more* и *any more* (в отрицательных конструкциях):

(4) *Little Tommy Barnes was asleep now, and when they waked him up he was scared, and cried, and said he wanted to go home to his ma, and didn't want to be a robber any more* (Twain (c), 254).

В данном случае *'didn't want to be a robber any more'* употребляется со значением *'didn't intend to rob any more'*.

Но не все средства выражения интенциональности сочетаются с фазовыми глаголами. Причиной является то, что фазовые глаголы связаны с процессом, протекающим во времени, а такие интенциональные глаголы, как собственно интенциональные и глаголы подгруппы «решения выполнить действие» с этой точки зрения нельзя охарактеризовать, так как их значение «твердое решение» по степени решительности совершить действие не несет на себе характер процессуальности. То же самое можно отметить в отношении такого грамматического средства выражения интенциональности, как конструкция *to be going to*, которая лишь констатирует наличие у субъекта намерения как фактора, необходимого для реализации того или иного действия.

Несколько другое значение при употреблении с фазовыми глаголами имеют интенциональные глаголы подгруппы «попытки». Это связано с тем, что они находятся как раз на границе предначальной фазы и самого действия, т. е. эти глаголы включают в свою семантику окончание предначальной фазы формирования намерения и начало самого действия. Таким образом, данные глаголы могут употребляться с глаголами, характеризующими стадии действия. Так, с глаголами, характеризующими окончание действия, данные глаголы могут передавать результат действия, указывающий на фактическую завершенность действия без достижения желаемого результата, соответствующего намерению субъекта:

(5) *My mother wanted to catch me, for she was very angry, but I ran past her and gave the gourd to the boy. Then my mother **ceased trying to interfere** ...* (Haggard: www).

С глаголами, характеризующими начало действия, глаголы подгруппы «попытки», также обладающие в своем значении семой [начинательность], употребляются в том случае, когда субъект намерения медлит, сомневается в возможности выполнения задуманного:

(6) *... she tried to comfort him, but that was not possible. These intimacies quickly became horrible to him, and within the hour **began to try to get up courage enough to tell her so** < ... > **But he was afraid of her** ...* (Twain (b): www).

Семы [начинательность] накладываются друг на друга и тем самым создают эффект сомнения в результате данного действия.

Возможность для интенциональных глаголов сочетаться с модальными также объясняется особенностями их семантики: модальные глаголы передают потенциальную обусловленность действия, а интенциональные глаголы обозначают факторы, определяющие его реализацию. Модальные глаголы в конструкциях со средствами выражения интенциональности придают речи эмоциональность, передают тонкие оттенки намерения совершить действие: сомнение в возможности/невозможности достигнуть задуманного, необходимость, уверенность, предчувствие события, способность/неспособность осуществить желаемое действие и т. д.:

(7) *“Follow me as far as the passage,” he whispered in my ear; “**I may want to speak to you at the last moment.**”* (Collins (a), 542)

Модальный глагол *may* подчеркивает в данном случае не внешнюю возможность (когда реализация возможности зависит от состояния мира, то есть от внешних факторов), а внутреннюю (когда реализация возможности зависит от внутренних свойств субъекта). Дело в том, что модальные глаголы также как и интенциональные могут отражать целенаправленную деятельность от замысла до осуществления замысла, но в разных точках на оси времени осуществления действия: могу захотеть → захочу/не захочу (интенциональные глаголы – хочу → выполню/не выполню задуманное). Из этого следует, что модальные глаголы служат для передачи не предначальной фазы (формирование намерения), а для характеристики намерения и субъекта намерения в допредначальной фазе:

нечто устойчивое, что не может быть навязано и спланировано заранее. Что же касается остальных подгрупп, то здесь характерна такая цепочка: за средством выражения интенциональности в качестве инфинитива выступают последующие глаголы, расположенные на шкале степени решительности совершить действия: решение-мечтание → решение-задумка → твердое решение → бескомпромиссное решение (Заюкова 2005: 202), что приближает говорящего к достижению задуманного:

(13) *I wanted to try and think out how it was that rational or even half-rational men could ever have learned to wear armor, considering its inconveniences* (Twain (a): www).

(14) ... *today I determined to make an effort to return to my duty* (A. Bronte, 94).

Глаголы подгруппы «попытки» могут сочетаться со всеми интенциональными глаголами, способными функционировать в роли инфинитива (глаголы планирования и глаголы решения), в силу того, что действия, выражаемые данными глаголами, как и любые другие, способны характеризоваться с точки зрения начального этапа и попытки:

(15) *So we talked it over all one night, drifting along down the river, trying to make up our minds whether to drop the watermelons, ... or the muskmelons, or what* (Twain (c), 311).

В случае употребления в сочетании двух интенциональных глаголов из одной подгруппы может выражаться особый интерес к эмоциональному состоянию говорящего: радости, волнения, беспокойства и др.:

(16) *“He’s rather upset about something,” I remarked feebly. I really did not know how much Poirot would wish me to disclose. As I saw a faint smile gather on Mrs. Cavendish’s expressive mouth, I endeavoured to try and turn the conversation by saying: “They haven’t met yet, have they?”* (Christie: www)

Подобная “редупликация” подчеркивает волнение говорящего по поводу того, чтобы не проговориться и не упомянуть лишнего.

Из вышеизложенного следует, что своеобразие семантики средств выражения интенциональности определяет необходимость их связи с элементами обязательного для них окружения. Во-первых, их связь с подлежащим, которое семантически соответствует носителю состояния, намерения. В случае употребления средства выражения интенциональности с подлежащим, выраженным неодушевленным лицом, значение намерения стирается, и на передний план выступает другое значение (например, значение возможности):

(17) *“Darling, don’t cry. I wouldn’t have told you if I’d thought it < the story > was going to upset you ...”* (Maugham, 173).

Во-вторых, необходимо говорить о связи данных средств с дополнением, синтаксическим выражением объекта, поскольку передача идеи намерения совершить действие, предполагает указание не только на само действие, но и объект. Но, как показывает анализ, встречаются случаи, когда употребление средств выражения намерения возможно и без указания на объект. Этим характеризуются некоторые непереходные глаголы, специфика семантики которых – намерение совершить действие – раскрывается в контексте:

(18) *“What is the matter?” he asked, with the greatest surprise. “Are you ill?” She made no reply; she hardly seemed to hear him. “Are you getting alarmed about Mrs. Lecount?” he*

inquired next. < ... > He waited again for an answer, and again she remained silent. The captain tried for the third time in another direction (Collins (b): www).

Здесь, даже в отсутствие облигаторного окружения для выражения значения интенциональности, имплицитно подразумевается значение *'The captain intended to get answers to his questions'*.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что, несмотря на то, что выведение общей структуры синтаксической дистрибуции представляется достаточно сложной задачей, есть все основания говорить о жестких тенденциях, которые представлены в Таблице 1 – Синтаксическая сочетаемость интенциональных глаголов.

Библиографический список

1. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : 1977. – 204 с.
2. Заюкова Е.В. Содержательный анализ глаголов с семей-доминантой [намерение] / Заюкова Е.В. // Дополнительное профессиональное образование в условия модернизации: теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2005. – Ч. 1. – С. 198–203.
3. Падучева Е. В. Фазовые глаголы и семантика начинательности / Е. В. Падучева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 4. – С. 29–39.
4. Рянская Э. М. Проекция как часть аспектуальности / Э. М. Рянская // Филологические науки. – 2002. – №4. – С. 86–92.
5. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 348 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Austen, J. *Pride and Prejudice* / J. Austen. – London : Penguin Books, 1994. – 299 p.
2. Bronte, A. *Agnes Grey* [Электрон. ресурс] / J. Austen. – Режим доступа: <http://www.literature.org/authors/bronte-anne/agnes-grey>
3. Bronte, E. *Wuthering Heights* / E. Bronte. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 366 p.
4. Christie, A. *The Mysterious Affair at Styles* [Электрон. ресурс] / A. Christie. – Режим доступа: <http://christie.thefreelibrary.com/The-Mysterious-Affair-at-Styles>
5. Collins, W. (a) *The Woman in White* / W. Collins. – England : Penguin books, 1994. – 569 p.
6. Collins, W. (b) *No Name* [Электрон. ресурс] / W. Collins. – Режим доступа: <http://collins.thefreelibrary.com/No-Name>
7. Eliot, G. *Adam Bede* [Электрон. ресурс] / G. Eliot. – Режим доступа: <http://eliot.thefreelibrary.com/Adam-Bede>
8. Haggard, R. *Nada The Lily* [Электрон. ресурс] / R. Haggard. – Режим доступа: <http://haggard.thefreelibrary.com/Nada-The-Lil>
9. Maugham, W.S. *Theatre* / W.S. Maugham. – М. : Международные отношения, 1979. – 288 p.
10. *The Financial Times* [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://news.ft.com>
11. Twain, M. (a) *A Connecticut Yankee* [Электрон. ресурс] / M. Twain. – Режим доступа: <http://www.literature.org/authors/twain-mark/connecticut>
12. Twain, M. (b) *Pudd'n'head Wilson* [Электрон. ресурс] / M. Twain. – Режим доступа: <http://twain.thefreelibrary.com/Puddnhead-Wilson>
13. Twain, M. (c) *The Adventures of Tom Sawyer. The Adventures of Huckleberry Finn* / M. Twain. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1960. – 589 p.
14. Wilde, O. *The Picture of Dorian Gray* / O. Wilde. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 288 p.
15. Woolf, V. *Night and Day* [Электрон. ресурс] / V. Woolf. – Режим доступа: <http://woolf.thefreelibrary.com/Night-and-Day>

Таблица 1

Синтаксическая сочетаемость интенциональных глаголов

Структура	Намерение как интенционал высказывания						Намерение как импликационал высказывания						
	S + Vint or Str.+ to inf.	S + Vint + and to inf.	S + Vint or Str.+ Gerund	S + Vint + Gerund (cannot be replaced by to inf.)	S + Vint + preposition + Ving	S + Vint or Str.+ DO (direct object)	S + Vint + interrogative pronoun/ adverb + to inf.	S + Vint or Str.+ that-clause	S + Vint + noun/ pronoun + to inf.	S + Vint + prep. + noun/ pronoun + to inf.	S + Vint	S + Vint + adverbial adjunct	S + Vint or Str. + preposition + noun/ pronoun
Средство выражения интенциональности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
intend	+		+			+		+	+				
mean	+					+			+	+			
aim	+				+								+
propose	+		+										
purpose	+		+			+		+					
resolve	+				+								
determine	+				+		+	+					
decide	+						+	+					+
plan	+				+	+							
arrange	+					+	+			+			
contemplate				+		+							

Продолжение таблицы 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
scheme	+				+						+		+
want	+					+			+				
desire	+					+		+	+				
wish	+							+	+				+
covet	+					+							
crave	+					+							
long	+									+			+
yearn	+									+			+
pine	+												+
dream													+
hanker	+				+			+					+
try	+	+	+			+	+				+	+	+
attempt	+		+			+							
endeavour	+												
strive	+										+		+
struggle	+										+	+	+
essay	+					+							

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Языковая или словесная игра, получившая широкое освещение в лингвистической литературе (Гридина 1996, Санников 1999, Урнов 1989 и др.), может рассматриваться как разновидность игровой деятельности человека, протекающей «в рамках вербальной коммуникации» (Курганова 2004: 25). Согласно одному из современных определений языковой игры, обобщающему ранее данные дефиниции и подходы, это игра «с формой речи для усиления её выразительности или создания комического эффекта» (Курганова 2004: 39).

В широкий круг средств и приёмов языковой игры входит весь арсенал изобразительных и выразительных средств языка, порождая исключительное разнообразие её видов и форм. Языковая или словесная игра, с одной стороны, демонстрирует отклонение от нормы, с другой стороны, она неизбежно опирается на имеющиеся в языке закономерности. Объектом настоящего исследования явились случаи языковой игры, основанные на таких базовых отношениях в лексико-семантической системе английского языка как полисемия, омонимия и паронимия, а также на использовании словообразовательных инноваций, построенных на основе моделей продуктивного словообразования в современном английском языке. Языковая или словесная игра в различных своих проявлениях является одним из ведущих элементов повышения выразительности и создания комического в текстах британских периодических изданий, в частности в популярных массовых газетах и журналах и воскресных приложениях к ним, таких как *The Independent*, *The Independent on Sunday*, *The Guardian*, *The Guardian Weekend*, *Newsweek*, *Time*, *Intelligent Life*, etc., которые и были использованы в качестве источника материала исследования.

Реализация целого ряда функций языковой игры в тексте периодического издания: эстетической, гедонистической, гностической, выразительной и других, способствует решению одной из ведущих задач, стоящих перед автором текста СМИ – привлечь внимание читателя к описываемому предмету, вовлекая его в игровую деятельность. Словесная игра предполагает активного участника языковой игры, реципиента речи, готового к определённом интеллектуальному усилию, направленному на разгадку двусмысленности, заложенной в словесной игре. Важно, чтобы исход языковой игры был удачным для читателя, доставляющим удовольствие от преодоления трудности и, соответственно, от общения с автором. Для обеспечения успешности читателя в игровой деятельности предлагаемые семантические ассоциации должны быть достаточно прозрачными, так как целевая аудитория СМИ – массовый читатель, которого могут отпугнуть слишком сложные речевые построения или же они могут остаться незамеченными, не выполнив предназначенной роли. В связи с этим словесные игры, построенные на базе системных языковых явлений полисемии, омонимии и паронимии, а

также словообразовательные инновации с использованием продуктивного словообразования занимают одно из ведущих мест в текстах британской прессы. Наряду с типичными для газеты текстами новостей, редакционными статьями, политическими комментариями, очерками, интервью и т. д., неотъемлемой частью газеты стали рекламные тексты, во многих случаях опирающиеся на языковую игру, что в значительной степени расширяет возможности участия читателя газеты в словесной игре.

Сходство явлений лексической полисемии и омонимии обеспечивается тождеством формы при разнице в содержании языковых знаков, обладающих связанными (полисемия) и абсолютно несвязанными (омонимия) значениями. Очевидно, что именно это свойство активно эксплуатируется пользователем языка в процессе коммуникации с самыми разнообразными целями, в частности для воздействия на реципиента речи посредством языковой или словесной игры. Словесная игра, основанная на использовании полисемии и омонимии, состоит в актуализации нескольких смыслов в одном языковом выражении в речи, что неизбежно повышает выразительность речи и, как правило, производит комический эффект. Более того, словесная игра подобного рода повсеместно сопровождается актуализацией прагматической информации, заложенной в лексических единицах, которая, «высвобождаясь» в контексте речевой коммуникации, усиливает и расширяет производимое воздействие на адресата речи. По-видимому, широкие возможности использования указанных явлений как базы для языковой игры заложены в природе самой лексической системы английского языка, которая характеризуется большим количеством разнообразных омонимов (омофонов, омографов, полных или собственно омонимов), а также развитой лексической полисемией.

Любимый приём популярных британских газет и журналов – использование в языковой игре омофонов, составляющих большинство английских омонимов. Например, в журнале *The Guardian Weekend* рубрика Паскаля Вайза (Pascal Wyse), специализирующегося на полных юмора определениях значений современных слов в форме словарных, точнее псевдо-словарных, статей, называется *Wyse Words* (*The Guardian Weekend*, 5). Языковая игра основывается на отношении омонимии фамилии автора и соответствующего омофона, прилагательного *wise* ‘мудрый’.

Одним из распространённых приёмов языковой игры в текстах британских газет является неоднократное использование многозначного слова в одном абзаце в разных значениях. Повтор слова, но в другом значении или фактически повтор одной формы с общим концептуальным стержнем, характерным для семантической структуры полисеманта, акцентирует разницу в содержании его лексико-семантических вариантов в данном контексте, привлекая внимание и развлекая читателя. Ярким примером подобного употребления является рекламный слоган, призывающий купить новое постельное бельё, помещённый в журнале *The Guardian Weekend*: “Don’t just **make** the bed. **Make** the bed *beautiful*.” (*The Guardian Weekend*, 11) В данном контексте фразеологически связанное значение глагола *make* в первом предложении в составе устойчивого словосочетания *make the bed* ‘prepare it so that it is neat and tidy and ready for someone to sleep in’ (CCELD, 878)

противопоставлено его значению во втором предложении ‘to cause you (or something/somebody – Г.Н.) to have or acquire the quality or feeling mentioned’ (CCELD, p.878), обусловленному синтаксическим контекстом V + O +A. Фактически, лексическая полисемия выступает как ведущий фактор создания образной выразительности этого короткого речевого произведения, способного произвести необходимый прагматический эффект.

В ряде случаев повтор полисеманта предполагает более сложную игру смыслов. В статье “How to ... be free” Гай Браунинг (Guy Browning) рассуждает о свободе общения: “Freedom of **association** means meeting anyone you want. That’s why it’s called **association football**, because it’s about men being free to meet up in large groups to watch the more athletic among them chase a leather bladder.” (The Guardian Weekend, 10) Полисемантическое существительное *association* в первом предложении выступает в своём основном значении ‘companionship’ (OALDCE, 47). В следующем предложении в словосочетании *association football* (soccer) в существительном *association* актуализируется наряду с его узуальным значением ‘group of persons joined together for some common purpose’ (OALDCE, 47) также значение ‘companionship’ в трактовке автора. Совмещение содержания двух лексико-семантических вариантов в значении существительного *association* при его повторном употреблении с выдвиганием на первый план контекстуального значения служит основой создания комического эффекта, производимого рассуждением автора, согласно которому “association football” приравнивается по значимости и восходит к “freedom of association”.

К типичным случаям актуализации нескольких смыслов в значении многозначного слова в речи можно отнести использование прилагательного *green* в материале, посвящённом высокому качеству модных джинсов и озаглавленному “Luxe jeans go **green**” (The Independent on Sunday (a), 8). Уже в заголовке в значении прилагательного *green* актуализируются два значения: основное ‘the colour of grass and leaves’ (CCELD, 637) – ‘цвет травы и листьев’, ‘зелёный цвет’, и относительно новое значение ‘concerned about protecting the environment’ (CCELD, 637), ‘eco-friendly’. В отношении описываемой производимой продукции “eco-friendly” расшифровывается в тексте как “100 per cent organic, ethically produced, fairly traded”. Заключительное предложение представляет собой кульминацию в словесной игре цветом: “And whether you opt for lotus, indigo or Bengal blue, you can be assured that these are as **green** as jeans get.” (The Independent on Sunday (a), 8) В семантике прилагательного *green* значение ‘зелёный цвет’, контрастируя с предлагаемыми цветами джинсов, акцентирует его значение ‘экологически чистый, произведённый и продаваемый в соответствии с этическими и экологическими нормами’.

Проведённый анализ примеров словесной игры в британской прессе, построенной на основе лексической полисемии и омонимии в английском языке, свидетельствует о высоком потенциале лексико-семантической системы языка в условиях речевой реализации и широком разнообразии форм актуализации смыслов, заложенных в содержании языковых знаков.

Паронимия, стержнем которой является сходство звучания слов при разнице значений, также выступает как одно из оснований языковой игры. Если в устной разговорной речи смешение паронимов является, как правило, случайным, то в словесной

игре на печатной странице оно является намеренным, неизбежно порождая комический эффект. Данный эффект успешно достигается Ником Дуерденом (Nick Duerden) в заметке под заголовком “*Stars go a Brit too far*”, посвящённой описанию церемонии награждения звёзд шоу-бизнеса, именуемой “Brit Awards”, и последующих развлечений по этому поводу (The Independent on Sunday (a), 7). Слово *Brit*, в данном случае эллиптическое образование от “Brit Awards”, используемое намеренно как пароним слова *bit* в устойчивом выражении *to go a bit too far*, создаёт двусмысленность и комизм заголовка, контрастируя со значением *a bit* и намекая на довольно широкий масштаб празднеств.

Инкорпорирование паронимов в структуру устойчивых словосочетаний разной степени фразеологической стабильности один из излюбленных приёмов словесной игры на страницах британской прессы. Короткий материал, посвященный вытеснению мини-юбок шортами разнообразных фасонов, не остаётся незамеченным, в первую очередь, благодаря своему заголовку: “*On the street. Shorts story*”, а также шуточной концовке: “*That’s the long and the shorts of it*” (The Independent on Sunday (b), 30). В обоих случаях словесная игра построена на замене прилагательного *short* ‘короткий’ в устойчивых словосочетаниях его паронимом *shorts* ‘шорты’.

Языковая игра в тексте популярных британских периодических изданий часто основывается на словотворчестве автора, использующего практически необозримые ресурсы словообразовательной системы английского языка. Закономерно, что наиболее активными и популярными способами создания авторских новообразований в рамках языковой игры являются самые высокопродуктивные способы словообразования в современном английском языке: аффиксация, в частности суффиксация, конверсия и словосложение, а также синтетическое словообразование как способ комбинации нескольких словообразовательных средств для создания нового слова.

Тонкая ирония автора в статье Пола Джонсона (Paul Johnson) “Are you sophisticated? Here’s how to find out” находит выражение в последовательном использовании элементов научного, точнее псевдо-научного, стиля в освещении бытовых ситуаций. Комический эффект усиливается, когда «научное» повествование перемежается разговорной лексикой. Например: “*A sophisticated person knows all, or a very great deal, but rarely chooses to display knowledge. A know-all is horribly unsophisticated.*” (The Spectator, 24) Данный приём языковой игры также опирается на системные отношения стилистической дифференциации английской лексики. С учётом того, что специальная терминология составляет неотъемлемый элемент научного стиля, автор успешно создаёт псевдо-термины путём суффиксации. Например: “*Fourthly, and relating to this last, comes the question of anecdotalage. A sophisticated person ought to be able to make you laugh. But an anecdotalist can so easily tip over into the pit of boredom.*” (The Spectator, 24) Наиболее продуктивные полу-аффиксы широко используются в словотворчестве авторов периодических изданий. В частности, мировой экономический кризис привёл к появлению полусуффиксального деривата шуточного характера *recession-proof*, например: “*Next I went to recession-proof exhibit B: the Apple store in Regent Street.*” (The Spectator, 7)

Образование окказионализмов конверсионных производных на страницах британской прессы идёт в большей степени по линии создания потенциальных слов, понимание которых не вызывает затруднений. Однако в сочетании с усечением результат конверсии требует расшифровки. В большой статье, посвящённой актрисе Эмили Мортимер, героиня употребляет глагол *to pap*, образованный при помощи конверсии и усечения от существительного *paparazzi*, который она сразу же поясняет: “*Hey, I was papped – paparazzi’d – in Paris, while we were shooting Pink Panther 2. Sort of by mistake.*” (The Independent on Sunday (a), 15)

Появление потенциальных слов конверсионных производных более предсказуемо по сравнению с «уникальными» авторскими творениями на базе других словообразовательных способов, в числе которых одно из ведущих мест принадлежит словосложению. Рассказывая о своей любви к деревьям и их значении для человека в динамичной и увлекательной форме, Феликс Деннис (Felix Dennis) легко изобретает название для своего увлечения или скорее страсти, композит *tree-hugging* (The Independent on Sunday (a), 8). Выразительность, образность, привлекательная сила подобной инновации такова, что читателю хочется немедленно последовать примеру автора.

Обращение к менее продуктивным способам словообразования в создании авторских речевых окказионализмов опирается на использование оригинальных словообразовательных моделей. Так, одним из популярных способов построения авторских новообразований является телескопия, образование слов-слитков. Например, реклама нового ноутбука в *The Guardian Weekend* идёт под девизом: “**Thinnovation**”, речевым телескопическим образованием от слияния *thin* и *innovation* (The Guardian Weekend, 2). Использование словообразовательных инноваций в рамках языковой игры заслуживает отдельного описания в силу их разнообразия, высокой частотности, выразительности и действенного воздействия на читателя, реципиента текста периодических изданий и участника словесной игры.

Как показывает проведённое исследование, факт того, что в основе значительного числа случаев словесной игры в тексте британской прессы лежат системные отношения в лексике английского языка и его словообразовании, в высокой степени способствует успешности участия читателя в предлагаемой словесной игре. Новые, неожиданные речевые комбинации на базе таких основных лексико-семантических отношений как омонимия, полисемия, паронимия, а также словообразовательные инновации в рамках словообразовательной системы английского языка способствуют созданию продуцентом речи, автором текста, необычного, яркого, привлекательного для читателя образа. С другой стороны, успешность игровой деятельности реципиента речи, читателя, приносящая ему удовлетворение, обеспечивается системной базой речевых игровых построений. Таким образом, главные, наиболее значимые отношения в лексико-семантической системе английского языка и его словообразовательной системе составляют основу развития потенциала речевой коммуникации, в частности в форме языковой или словесной игры, одной из сфер действия которой является британская пресса.

Библиографический список

1. Гридина, Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал ГПИ, 1996. – 215 с.
2. Курганова, Е. Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте / Е. Б. Курганова. – Воронеж : Воронеж. гос. унив-т, 2004. – 122 с.
3. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 544 с.
4. Урнов, Д. М. Как возникла «Страна Чудес» / Д. М. Урнов. – М. : Книга, 1989. – 148 с.
5. [CCELD] Collins Cobuild English Language Dictionary. – London : HarperCollins Publishers, 1993. – 1703 p.
6. [OALDCE] Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford : Oxford University Press, 1978. – 1055 p.

Список источников иллюстративного материала

1. The Guardian Weekend. – 8 March, 2009.
2. The Independent on Sunday (a). – 2 March, 2008.
3. The Independent on Sunday (b). – 14 August, 2005.
4. The Spectator. – 10 January, 2009.

*Д.В. Казаева
Барнаул*

ПОНЯТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКОГО СТРАТУМА

Большая значимость эмоций в проявлении отношений человека с окружающим миром и с самим собой отражается в широкой репрезентативности этого свойства единицами языка. Эмоции, будучи психологической категорией, в процессе вербализации трансформируются в языковую категорию эмотивности. Под эмотивностью понимается имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц эмоции (Шаховский 1987: 13-24). Таким образом, эмоциональное состояние (собственно чувство и явление действительности, вызвавшее данное переживание) передается при помощи различных языковых, речевых, фонационных и кинетических средств. Наличие ряда общих признаков позволяет свести их к двум группам: вербальным и невербальным (Стародубцева 2004: 25-26).

Вербальные средства, в свою очередь, могут быть подразделены на лексические единицы эмоциональной оценки (Вольф 2002, Арутюнова 1988), синтаксические (инверсия, эллипсис, парцелляция, тавтологический повтор, восклицательные предложения, и в том числе междометия), стилистические, а также лексические средства именующие, описывающие и выражающие эмоциональные состояния (Шаховский 1987: 90-91). Таким образом, представляется возможным говорить о существовании в языке определенного эмоционально-лексического стратума – своего рода фонда эмотивных лексических средств языка.

Термин «стратум» (от лат. “stratum” – слой, пласт) имеет широкое значение и используется в области философии, социологии, медицины, физики, геологии и строительства. Применительно к лингвистике, речь идет об определенном упорядоченном и структурированном уровне лексических единиц (эмотивов), обладающих рядом признаков, отличающихся от единиц других уровней языковой системы: в частности, «семантической иррадиацией» (способностью эмотива придавать эмоциональность всему высказыванию). Дифференциальным признаком единиц эмоционально-лексического стратума является наличие в их семантической структуре эмоционального значения и способности быть актуализированным на уровне аффективного и коннотативного значения, включающего, в свою очередь, эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты. Эмоциональный компонент коннотативного значения характеризуется способностью вытеснять предметно-логическое значение, на базе которого он формируется, или изменять его в значительной степени (Арнольд (б) 2002: 108, Елисеева 2003: 9). В отличие от предметно-логического значения эмоциональное значение реализует в слове выражение самих эмоций, ощущений, вызванных предметами, фактами, явлениями объективной действительности (Гальперин 1958: 114). Таким образом, в эмоциональном значении выражается субъективно-оценочное отношение говорящего к фактам объективной действительности.

Необходимо отметить, что не все единицы эмоционально-лексического стратума изоморфны. Таковыми являются междометия, не имеющие собственного лексического значения, отличающиеся «синтаксической факультативностью» (возможностью опущения без нарушения смысла высказывания) и отсутствием связи с другими членами предложения. Характерной чертой междометий является способность выражать эмоцию в самом общем виде, не указывая на знак эмоционального реагирования (Арнольд (а) 1959: 50, Арнольд (б) 2002: 108). Положительная или отрицательная значимость испытываемых эмоций зависит от общей ситуации:

(1) *A huge headline across the front page: Tragic Death of Foreign Minister. “My God!” cried Dr. Audlin. For once he was wrenched out of his wanted calm. He was shocked, horribly shocked* (Maugham, 187).

Сила проявления эмоции передается в данной ситуации не столько при помощи восклицания, сколько описательно: “*cried Dr. Audlin*”. Причем, “*cry*” противопоставляется общей характеристике человека “*calm*”. Усиленный повтор “*shocked, horribly shocked*” демонстрирует высшую точку переживания.

(2) *Danny stood in the wings, watching with mounting anxiety as the hall continued to fill with intimidating personalities <...> ‘My God, even John Finley was there.’* (Segal, 46)

Междометием отмечена наивысшая степень волнения, переживаемого героем перед началом концерта. Состояние нарастающего беспокойства поддерживается контекстуально лексемами “*anxiety, intimidating*”.

(3) *She stood...unable to believe the vision. ‘Ro ... bert?’ <...> Vittoria felt the tears coming. ‘Oh, God ... oh, thank God ...’* (Brown, 570)

Героиня, потерявшая близкого человека, внезапно видит его живым. Чувства радости и неожиданности настолько сильны, что она не в силах выразить их словами. Эмоциональное переживание в данном случае передается не только при помощи лексических средств (“*unable to believe the vision*”, “*felt the tears coming*”, “*Oh, God*”), значение которых раскрывается в контексте, но и при помощи синтаксиса (многоточие и умолчание).

Репрезентированная в речи эмоция может быть и формой отражения и предметом отражения. Лексическая единица, номинирующая эмоцию-форму отражения, не входит в состав эмоционально-лексического стратума, так как не является эмотивной единицей (не вызывает эмоционального отношения к названному явлению) (Шаховский 1987: 91-92).

(4) *Complete **terror** had possession of him now* (Conrad, 29).

(5) ***Fury** heated her blood. White-hot **rage** <...> raced through her veins* (Jackson, 53).

В данных примерах эмоция просто называется и ситуация относительно переживания героя не развивается автором далее, оставаясь эпизодической вставкой в повествовании событий.

Следует отметить, что в семантике собственно эмотивной лексической единицы содержится указание (выражение) на характер эмоционального состояния героя, а сама эмотивная единица является знаком-индексом, так как выражает и указывает на эмоцию другого человека. Таким образом, эмоция является скорее выраженной, а не обозначенной (названной) (Стародубцева 2004: 28). Наряду с эмотивной лексикой для выражения эмоционального переживания употребляются стилистические и синтаксические средства. Приведем пример репрезентации одного того же эмоционального состояния героя, переданного различными способами:

(6) *Andrew was **stunned** <...> He stood up **shyly**, lost in the unfamiliarity of public appreciation. **Pleased. Surprised.** And overcome by this display of public **affection*** (Segal, 349).

В данном случае эмоциональное состояние героя передается посредством описания “*stunned, pleased, surprised, shyly, overcome*” и номинации “*affection*”. Однако наибольшая эмоциональность достигается не столько лексически, сколько стилистически: употреблением синонимических рядов лексических единиц “*stunned, surprised, overcome*” и обособления “*Pleased. Surprised*”.

Автор также может обращаться к описанию функционального состояния и вегетативных реакций организма, сопровождающих состояние глубокого шока, не обозначая само эмоциональное состояние:

(7) *He [Ricky] stared once more at the man on the car with the gun still in his mouth. The eyes were **half-open** and the feet twitched at the heels <...> Ricky was **zombie-like**, with **pale skin** and **glazed eyes**. He **breathed hard** and **rapidly**, and emitted a **dull, aching moan**. He **couldn't talk** <...> He seemed to be crying, but there were **no tears**. He **curled his knees to his stomach** as if he were cold, then very slowly, **placed his right thumbs in his mouth*** (Grisham, 19-20).

В следующем примере именно описанное автором поведение героини “*she flew, her arms outstretched*” и ее эмоциональная реакция “*her face went whiter, her eyes dilated*”

enormously” выражают переживаемое удивление и чувство радости при встрече с любимым человеком:

(8) *Her face [Melanie’s] went whiter and her brown eyes dilated enormously <...> Down the graveled path she flew <...> her arms outstretched <...> Melly with incoherent cries threw herself into the dirty soldier’s arms and his head bent down toward hers* (Mitchell, 270).

В состоянии крайнего волнения и шока человек способен совершать произвольные и нехарактерные для него действия, говорящие о его эмоциональном переживании, как в ситуации:

(9) *Dianne Sway had called the children’s clinic and was sitting on the edge of Ricky’s bed, biting her nails and waiting for a doctor to call* (Grisham, 21).

В большинстве случаев описание определенных кинем и наиболее стереотипных паттернов поведенческой реакции однозначно указывает на то или иное эмоциональное состояние. Обратимся к примерам описания автором одинакового эмоционального реагирования героя на различные явления. Номинация эмоций в данных ситуациях представляется необходимой во избежание двусмысленности:

(10) *Lord Mountdrago took his handkerchief out of his pocket and whipped the palms of his hands. He was making no attempt to conceal his perturbation* (Maugham, 175).

(11) *Her palms sweated <...> in anticipation* (Jackson, 52).

(12) *Melanie reached out and took Scarlett’s hand in a gentle confiding clasp. ‘If I should die, will you take my baby?’ Scarlett jerked away her hand as fear swamped her* (Mitchell, 181).

Анализ языкового материала показывает, что для выражения и описания одной и той же эмоции используются разнообразные лексические, стилистические и синтаксические средства. С другой стороны, описание некой эмоциональной кинемы указывает на различные эмоциональные состояния, что, возможно, обусловлено онтологической близостью некоторых эмоциональных переживаний.

Наибольшей экспрессивностью обладают единицы эмоционально-лексического стратума, в семантической структуре которых содержится семантический признак внешнего проявления чувства, импликационная сема эмотивного плана (Никитин 1983). В следующей ситуации представлена крайне эмоциональная реакция героя на неожиданное известие о смерти возлюбленной “*sat up, his heart pounding frantically*”, а нерешительность собеседника выражена лексически “*his voice quavering*”, “*I’m afraid*”, “*Well, not exactly*”, “*he stammered*”.

(13) *‘Jason,’ he said, his voice quavering, ‘I’m afraid I’ve some terrible news about Fanny.’ ‘Has she been in an accident?’ ‘Yes. Well, not exactly. She’s been killed.’ Jason sat up, his heart pounding frantically. ‘How?’ <...> ‘I don’t know all the details,’ he stammered* (Segal, 156).

В интенционале лексического значения эмотивных единиц “*to quaver, to stammer*” содержится характер, внешняя характеристика производимого действия, в то время как в импликационном компоненте находится указание на эмоциональное переживание,

вызвавшее подобную реакцию: ‘*if your voice quavers, it is **not steady**, because you are **feeling nervous or afraid***’ (MEDAL 2002: 1154), глагол “*to stammer*” означает ‘*to keep repeating a sound or **have difficulty in saying certain words because of a speech problem, nervousness, excitement, etc.***’ (MEDAL 2002: 1392).

Таким образом, в системе языка существует особый стратум эмотивной лексики, способной передавать все разнообразие испытываемых эмоциональных состояний посредством номинации, выражения и дескрипции эмоционального переживания. Наибольшим потенциалом в выражении эмоций обладают лексические единицы эмотивного плана, содержащих в семантике импликационал причины испытываемого эмоционального состояния.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. (а) Лексикология современного английского языка : учеб. пособие для студентов вузов / И. В. Арнольд. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 328 с.
2. Арнольд, И. В. (б) Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухаркин. 5-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта-наука, 2002. – 383 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
4. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
5. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка : учеб. пособие для студентов вузов / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 456 с.
6. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка : учеб. пособие для вузов / В. В. Елисеева. – М. : Высшая школа, 2003. – 399 с.
7. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие для пед. вузов / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
8. Стародубцева, А. В. Исследования концептуального пространства «эмоция» в тексте на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Стародубцева Анна Викторовна. – Барнаул, 2004. – 147 с.
9. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / Ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1987. – 190 с.
10. [MEDAL] Macmillan English for Advanced Learners. – Oxford, 2003. – 1692 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Brown, D. Angels and Demons / D. Brown. – London : Corgi Books, 2001. – 620 p.
2. Conrad, J. The Inn of Two Witches / J. Conrad // Английская новелла первой половины XX века / Сост. В. А. Скороденко. – М. : Радуга, 1988. – С. 21–37.
3. Grisham, J. The Client / J. Grisham. – NY : Island, 1994. – 556 p.
4. Jackson, L. Most Likely to Die / L. Jackson. – NY : Zebra Books, 2007. – 479 p.
5. Maugham, W. S. Lord Mountdrago / W. S. Maugham // Английская новелла первой половины XX века / Сост. В. А. Скороденко. – М. : Радуга, 1988. – С. 183–195.
6. Mitchell, M. Gone with the Wind / M. Mitchel. – NY : Avon, 1973. – 1024 p.
7. Segal, E. The Class / E. Segal. – NY: A Bantam Book, 1985. – 358 p.

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК КАК НОМИНАТИВНАЯ ЕДИНИЦА

Естественный язык представляет собой семиотическую систему. Вследствие этого единицы языка, употребляющиеся в качестве имён окружающих человека существностей, представляют собой, с одной стороны, языковые знаки, с другой – номинативные единицы.

Терминологическое определение базового понятия семиотики – знака – затруднено в силу разных причин. Во-первых, понятие знака является одним из основных в ряде наук. Будучи таковым, оно относится к понятиям фундаментальным, предельно общим, иначе говоря, представляет собой категорию (Кравченко 1999, Агеев 2002). Во-вторых, существуют различные определения знака и трактовки его природы и сущности в той или иной науке или области человеческой деятельности (семиотике, информатике, лингвистике, философии).

Одним из классических, наиболее широко используемых специалистами, занимающимися исследованием знаков, является определение американского философа-основоположника теории знаковых систем (семиотики) Ч.С. Пирса. Согласно данному определению, «знак, или репрезентамен, есть нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве» (Пирс 2000: 48). Иными словами, знак, согласно Ч. Пирсу, представляет собой сущность, выступающую для кого-либо (интерпретатора) в роли представителя чего-либо (объекта) в силу некоторой особенности или свойства (интерпретанты). Хорошо известна также классификация знаков, предложенная Ч.С. Пирсом в соответствии с данным им общим определением и базирующаяся на анализе отношений знак – объект. Согласно данной классификации, знаки подразделяются на знаки-индексы, знаки-иконы (иконические знаки, или знаки-образы) и знаки-символы. Главная особенность первых состоит в том, что они находятся в отношении фактической смежности с обозначаемым объектом, т. е. предполагают обязательное его присутствие в момент передачи информации. Иконические знаки обладают отношением фактического подобия или естественного сходства со своим объектом и подразделяются далее на образы, диаграммы и метафоры. Знаки-символы представляют собой конвенциональные знаки, связанные с обозначаемым отношением произвольной (установленной по соглашению) смежности (Васильев 1990, Пирс 2000).

Данная классификация представляет собой общую типологию знаков и распространяется, в соответствии с лежащим в её основе исходным определением знака, на широкий круг явлений: звуки, жесты, эмоции, мысли и т. п. (Бенвенист 1974: 69-70, Васильев 1990: 11). Знаки естественного языка относятся преимущественно к символам.

В лингвистической традиции предпринимались попытки рассмотрения языковых знаков с позиции данной типологии. Принимая во внимание положение о том, что указанные типы знаков в чистом виде встречаются достаточно редко, между ними нет жёстких границ, а существуют лишь различия в относительной иерархии, среди знаков

языка, помимо чистых символов, можно выделить знаки, объединяющие символические признаки с индексальными и иконическими. Таким образом, в языке встречаются индексальные элементы («шифтеры», «индексные символы», как их называет Р.О. Якобсон) – знаки, совмещающие функции индексов и символов, примером которых являются личные местоимения (Якобсон 1972, Кравченко 1999).

Кроме того, в системе языка обнаруживаются и иконические знаки. В современном языкознании свойство иконичности (в её диаграмматическом варианте) связывается не только с языковыми знаками, но и со структурой языка в целом и различными её аспектами.

Метафора с этой точки зрения выступает как особого рода языковой транспонированный знак и состоит «в приписывании некоторого означающего вторичному означаемому, ассоциируемому с первичным означаемым по сходству» (Якобсон 2001: 122). Таким образом, частичное сходство означаемых может быть выражено полным тождеством означающих. Например, в лексических тропах широко распространена метафоризация именованья людей по сходству с животными: *fox* – хитрец, *hare* – трус, *shark* – хищник, вымогатель, *elephant* – неуклюжий человек и т. д.

Помимо применения к языковым знакам приведённой выше общей классификации, в лингвистической науке также разрабатывались и различные типологии собственно языковых знаков.

Решение вопроса о внутреннем устройстве языка и типах языковых знаков зависит в первую очередь от того, как понимается природа языкового знака. В этом отношении существует несколько теорий. Одной из наиболее распространённых, в частности, в отечественном языкознании, является билатеральная теория языкового знака, берущая начало в концепции Ф. де Соссюра, впервые детально исследовавшего проблематику собственно языковых знаков и определившего язык как семиотическую систему. Как известно, в трактовке Ф. де Соссюра языковой знак является двусторонней психической сущностью, представляющей собой единство означаемого и означающего, а именно понятия и акустического образа (Соссюр 1977: 99-100). Эта концепция послужила источником представленного в современном языкознании понимания языкового знака как материально-идеального образования (двусторонней единицы языка), представляющей собой единство определённого мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчленённых звуков (означающего). Таким образом, знак трактуется как состоящий в единстве чувственно воспринимаемой, звуковой формы и значения. При таком понимании природы и сущности языковых знаков к ним могут быть отнесены лишь двусторонние единицы языка: морфемы, слова, словосочетания и предложения.

Существует также унилатеральная концепция знака, восходящая к концепции Ч.С. Пирса, рассматривавшего в качестве знаков в том числе и односторонние физические и психические сущности, способные к взаимной интерпретации. В одной из современных трактовок языкового знака как односторонней единицы значение исключается из его состава и считается функцией знака, тогда как собственно знаком признаётся только

материальная, звуковая сторона языковой единицы, выполняющая функцию обозначения (Солнцев 1971). Согласно ещё одной интерпретации, самостоятельными знаками следует признать как материальную, так и идеальную сторону языковых единиц, т. е. и «звуковые оболочки слов», и их значения – единицы фонетической и семантической областей (Курилович 1962).

Унилатеральная концепция знака представляется достаточно спорной. В пользу билатеральной концепции свидетельствует то, что значение (содержание) вряд ли может восприниматься в отрыве от формы, в которую оно всегда облечено, поэтому можно согласиться с утверждением Э. Бенвениста о том, что «форма и значение выступают ... как совмещённые свойства, обязательно и одновременно данные, неразделимые в процессе функционирования языка» (Бенвенист 1974: 137).

Принимая во внимание приведённые выше доводы в пользу трактовки знака как двусторонней материально-идеальной сущности, выступающей как единство означающего и означаемого, представляется обоснованным придерживаться выделяемых с позиции билатеральной теории типов языковых знаков, названных выше.

Основным и наиболее типичным языковым знаком, как и основной значимой единицей языка, традиционно признаётся слово (Смирницкий 1956, Кравченко 1999). Это объясняется тем, что оно «имеет семиологическую ценность в нескольких планах: слово обобщает (сигнификативная функция), даёт наименование, обозначает (номинативная функция), слово сообщает (выполняет коммуникативную функцию) и выражает определённое чувство, переживание говорящего, слушающего (прагматическая функция)», охватывая, таким образом, фактически весь объём языковых функций. При этом в качестве собственно знаковых функций слова выделяются номинативная и сигнификативная функции, т. е. способность слов служить средством обобщённого представления и замещения, обозначения предметов и явлений окружающей действительности (Уфимцева 2004: 39-41).

Слова рассматриваются как номинативные языковые знаки. К таковым относятся также словосочетания, тогда как предложения представляют собой предикативные знаки. Такое разграничение языковых знаков связано с тем, что естественный язык является знаковой системой особого рода, обладающей свойством двукратной репрезентации внеязыковой действительности – в языковой системе и в речи.

Словесный знак характеризуется такой важной особенностью, как отсутствие однозначного соответствия между его формой и содержанием, т. е. способностью одной знаковой формы (звуковой или графической последовательности) вмещать несколько означаемых (Карцевский 1965). Таким образом, слова в силу своей семантики могут вступать в разные лексические связи в синтагматическом ряду, т. е. обладают способностью актуализироваться – из виртуальных языковых знаков становиться актуальными в речи.

Благодаря значительной численности слов в естественном языке, различию в их семантике, свойствах в системах отдельных языков и многообразию выполняемых ими

знаковых функций, возможно построение различных классификаций словесных знаков. Традиционно выделяются и противопоставляются друг другу два больших их разряда – полнозначные (знаменательные, «называющие»), отражающие в своей семантике свойства и отношения предметов окружающего мира, и неполнозначные (полузнаменательные, служебные, «неназывающие»), являющиеся заместителями и связками первых.

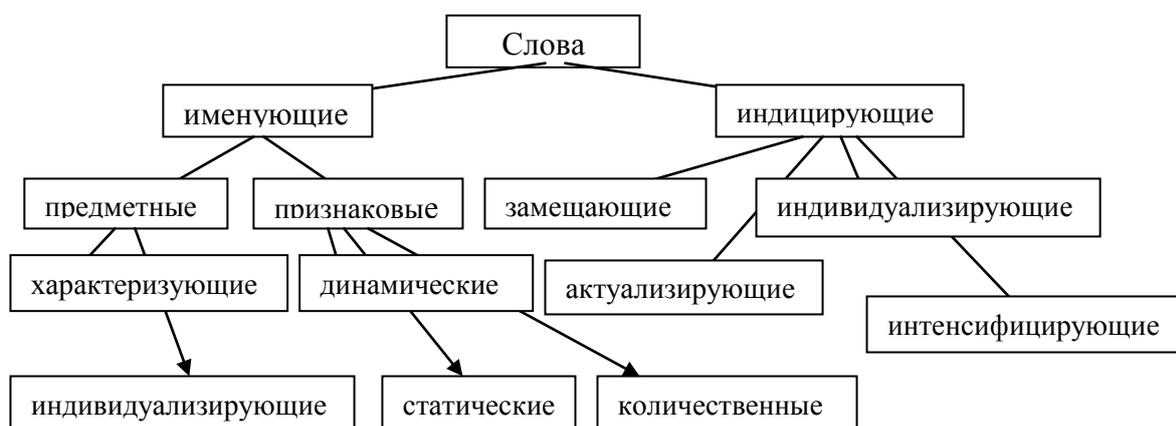
Полнозначные слова обслуживают классификационно-номинативную деятельность человека, и основной их функцией является номинативная. К этому разряду относятся имена существительные (предметные имена), глаголы и прилагательные (предикатные, или признаковые, имена) и наречия, обозначающие признак признака. Кроме того, в него можно включить также числительные – знаки количественной характеристики предметов. В число неполнозначных, обслуживающих сферу коммуникативно-речевой деятельности, входят разные по функциям знаки: актуализаторы, выполняющие функции индивидуализации, конкретизации полнозначных слов (некоторые местоимения, артикли и т. п.), знаки, являющиеся заместителями полнозначных слов (указательные, вопросительные и другие местоимения), проверки (например, *do* в вопросительных и отрицательных конструкциях в английском языке) и др.

Согласно классификации, предложенной А.А. Уфимцевой, по набору семиологических признаков, присущих словесным знакам любого языка, выделяется несколько основных семиологических классов слов. В разряде называющих словесных знаков можно выделить три класса: характеризующие (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные) и квантитативные (количественные числительные). Среди неназывающих слов следует разграничивать следующие четыре класса: дейктические знаки (указатели координат речевого акта), заместительные знаки (провербы, прономиналы, проадъективы), связочные словесные знаки (союзы, предлоги, послелогии) и знаки-актуализаторы (артикли, некоторые местоимения, прилагательные, частицы) (Уфимцева 2004: 90).

Обобщая существующие классификации словесных языковых знаков, представляется возможным предложить следующую схему:

Схема 1

Возможная классификация словесных знаков по семиологическим функциям

В качестве номинативных знаков языка выступают также словосочетания. В аспекте номинативной функции они считаются эквивалентными слову. В структурном отношении, однако, словосочетания представляют собой сложные, или комплексные, знаки, интегрирующие в своей структуре два или несколько простых (полных и неполных) знака.

Можно выделить следующие типы словосочетаний, состоящих из двух полнозначных слов:

- объект – признак
 - ← статический
(*angry man,*
rude smile,
dark sky;
my family;
closed window)
 - динамический
(*swimming girl,*
running water)
 - количественный
(*five stars, ten people*)
- признак – признак
 - интенсифицирующий
(*too grave, very fluent*)
 - специфицирующий
(*dark green; look spectacular, run fast*)

В состав словосочетаний помимо полнозначного компонента/компонентов может входить и один «полузначный» (*grow old*) либо функциональный (*do the ironing*) компонент.

В лингвистике не существует однозначного мнения относительно того, являются ли предложения знаками. В этом вопросе прослеживаются три принципиально различные точки зрения. Согласно первой из них, предложение содержит в себе знаки, но само не является знаком, поскольку относится целиком и полностью к речи: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» (Бенвенист 1974: 139). Согласно второму мнению, предложения, напротив, представляют собой полноценные, «полные», собственно знаки, тогда как слова относятся к «частичным», неполным знакам (Гак 1967: 15). Третья, наиболее распространённая и, как представляется, наиболее верная точка зрения на эту проблему состоит в том, что предложения, выступающие в речи как высказывания, как и слова, по определению относятся к знакам, поскольку предложение также представляет собой двустороннюю материально-идеальную единицу, т. е. единство означающего (материальной формы – комбинации слов) и означаемого, в роли которого для предложения выступает денотат (референт), т. е. единичное событие. И слова, и предложения имеют собственную семиологическую значимость и взаимодействуют друг с

другом в языковой структуре. Именно эти два типа знаков могут быть противопоставлены друг другу как номинативные и предикативные, знаки-именования и знаки-сообщения, языковые и речевые и соотносятся как виртуальные и актуализованные, воспроизводимые и создаваемые (Уфимцева 2004: 14, 33).

Процесс, в котором объект функционирует как знак, получил терминологическое определение как семиозис (от др.-греч. σημείωσις «обозначение», греч. sema «знак»). В общей семиотике семиозис рассматривается как процесс, включающий четыре составляющих: 1) то, что выступает как знак (знаковое средство, законоситель, тело знака); 2) то, на что указывает знак, или то, к чему он отсылает (собственно объект или понятие – десигнат); 3) воздействие, в силу которого объект оказывается для субъекта знаком (интерпретанту); 4) интерпретатора. По определению американского философа Ч.У. Морриса, семиозис представляет собой «опосредованное учитывание», поскольку в нём «нечто учитывает нечто другое опосредованно, т. е. через посредство чего-то третьего» (Моррис 2001: 47). В качестве посредников выступают знаковые средства, учитывание – это интерпретанта, действующие лица процесса – интерпретаторы, а то, что учитывается, – десигнаты. В качестве фактора, обуславливающего процесс семиозиса, может быть назван контекст, в котором встречается знак, т. е. определённые обстоятельства, в которых протекает процесс означивания (Моррис 2001: 130).

Это означает, что определённый объект лишь потому выступает как знак десигната, что он интерпретируется как таковой некоторым интерпретатором, т. е. имеет некую интерпретанту. Сам процесс семиозиса характеризуется поэтому как процесс порождения знакового значения.

Акт семиозиса состоит в том, что, благодаря наличию и взаимосвязи указанных факторов, некоторый материальный объект становится способным представлять нечто за его пределами, т. е. становится знаком. Таким образом, знаки возникают в актах семиозиса и приобретают в них своё строение и внутреннее устройство – в зависимости от того, как соотносятся их означаемые с означающими. Модус этого соотношения – иконический, индексальный или символический – и определяет их дальнейшее функционирование.

В формировании знакового значения находят определённое отражение все три взаимосвязанных элемента семиозиса: интерпретатор, десигнат и знаковое средство. Исходя из этого, выделяются три его измерения: семантическое (отношение знаков к тем объектам, которые они обозначают или могут обозначать), синтаксическое (отношение знаков друг к другу) и прагматическое (отношение знаков к интерпретаторам). Знак не существует не только без своего означаемого, но и вне системы знаков, т. е. знаки не существуют изолированно, а фактически или потенциально взаимосвязаны с другими знаками, принадлежащими к данной семиотической системе (Степанов 1971: 81, Моррис 2001: 50). С другой стороны, поскольку эта система создана людьми и функционирует в качестве посредника для передачи информации между ними, знаки не существуют без интерпретаторов. Этим объясняется важная роль прагматических факторов в семиозисе.

Особенностью и основой естественного языка как семиотической системы является его репрезентативная функция, которая заключается в том, что знаки языка являются носителями обобщённого отражения действительности и выступают заместителями вещей в сознании человека. В знаковом значении языковых элементов сознанием закрепляются определённые результаты познавательной деятельности, поэтому в основе значения языковых знаков лежат понятия. Таким образом, отношение между тремя составляющими семиозиса можно определить как опосредованное человеческим сознанием отношение в рамках триады познаваемый объект – познающий субъект – знак-репрезентант, или, шире, «мир – человек – язык». Поэтому по отношению к языку одним из классических представлений сущности семиозиса стал «семантический треугольник» К. Огдена и Дж. Ричардса, в котором отражается взаимосвязь между обозначаемым языковым знаком объектом внеязыковой действительности, называемым в лингвистике денотатом, существующим в сознании человека понятием о нём (сигнификатом) и самим знаком языка (десигнатом).

«Семантический треугольник», наглядно представляющий сущность семиозиса, отражает структуру актов номинации, а именно отношение между именем (номинатом), его денотатом и сигнификатом. Номинативный акт, следовательно, представляет собой акт семиозиса. Поскольку процесс семиозиса состоит в становлении единства означаемого с означающим, в актах номинации языковые номинативные знаки органически соединяются с соответствующими понятиями, становясь обозначениями как предметов объективной действительности, так и понятий о них. Кроме того, поскольку акт номинации входит в структуру коммуникативного акта, в процесс семиозиса включаются также говорящий и слушающий как его участники, выступающие в роли интерпретаторов.

Таким образом, языковой знак, одной из основных функций которого является номинативная, структурно представляет собой нелинейное полимерное образование. Полимерность составляет основу одного из его главных квалификационных признаков – асимметричность. Асимметричность может проявляться в двунаправленном формате: а) одно означающее – “n” означаемых; б) одно означаемое – “n” означающих. Номинативный процесс, по существу, представляет собой процесс семиозиса, поскольку в ходе него возникают и функционируют языковые знаки как сущности, характеризующиеся тройственной связью между денотатом, сигнификатом и десигнатом. Характер этой связи определяет форму и значение языкового знака как номинативной единицы.

Библиографический список

1. Агеев, В. Н. Семиотика / В. Н. Агеев. – М. : Изд-во «Весь мир», 2002. – 256 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Васильев, Л. М. Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : Башкирский ун-т, 1990. – 60 с.
4. Гак, В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово) / В. Г. Гак // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». – М. : Наука, 1967. – С. 14–18.

5. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. II. – М. : Просвещение, 1965. – С. 85–90.
6. Кравченко, А. В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания / А. В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3–12.
7. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной лит., 1962. – 456 с.
8. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков : пер. с англ. / Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 129–143.
9. Пирс, Ч. С. Логические основания теории знаков : пер. с англ. / Ч. С. Пирс. – СПб. : Лаб. метафизических исслед. филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000. – Т. 2. – 352 с.
10. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий; под ред. В. В. Пассека. – М. : Изд-во лит. на иностранных языках, 1956. – 260 с.
11. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 292 с.
12. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–284.
13. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1971. – 167 с.
14. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
15. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М. : Наука, 1972. – С. 95–113.
16. Якобсон, Р. О. В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 111–126.

*О.А. Козлова
Барнаул*

КАТЕГОРИЯ НОРМЫ В ТЕРМИНАХ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ Г. ГИЙОМА

В основу данной статьи заложены три положения, опираясь на которые, можно получить представление о норме.

1. Язык как система представляет собой комплекс языковых обозначений обобщенных понятий в сознании человека (Гийом 1992).

2. Представление о конвенциональной по природе норме общественного бытия является виртуальным и, как таковое, находит свое выражение в языке.

3. В системе языка существует знаковое обозначение (номинативная функция) имеющейся у человека информации о конвенциях, правилах, эталонах, традициях, санкциях и т. д. Конкретизация значения, порождение актуального смысла знака происходит в речи. Поскольку характер, тип, форма референта изменяются в каждой отдельной актуализации, изменяется и характер представления о том, что есть норма, что есть отклонение от нормы, насколько оно сильно и значимо.

Процесс формирования нормативности и актуализации нормы начинается с мыслительного акта и заканчивается речевым высказыванием, в котором субъект нормативного дискурсного выражения использует разноуровневые языковые экспоненты посредством выбора определенной стратегии поведения и соответствующих поступков, действий, вписывающихся в рамки этой стратегии.

В соответствии с принципом преемственности культур человек усваивает и накапливает конвенциональные знания и ценности, на основе которых формулируются социальные законы, складываются национальные обычаи, традиции и так далее. В процессе социализации знания, дающие общее представление о норме, интериоризируются, присваиваются человеком.

Будучи отправной точкой, общее представление о норме осмысливается и конкретизируется по-разному в зависимости от ситуации, от характеристик самого субъекта нормативного дискурсного выражения (пол, возраст, социальное положение, доходы, образование, расовая принадлежность, политические убеждения и др.), а также – от его индивидуально-личностных представлений.

(1) *The nipple was ... so varied with spots, pimples, and freckles, that **nothing could appear more nauseous**: for I had a near sight of her... This made me reflect upon the fair skins of our English ladies, who appear so **beautiful** to us, only because they are of our own size... I remember when I was at Lilliput the complexion of those diminutive people appeared to me **the fairest in the world*** (Swift: www).

Данный пример иллюстрирует разницу в восприятии человеческого облика одним и тем же реципиентом (Гулливером) в зависимости от того, каковы соотношения пропорций наблюдающего субъекта и наблюдаемых объектов. Здесь характер отступления от нормы обусловлен привычным «усредненным» мировидением человека, оказавшегося сначала в «Лилипутии», жители которой были крошечными по сравнению с ним, а затем – в стране гигантов. Равным образом, приезжая с континента в островное государство, человек будет удивлен, увидев Мерседесы и лимузины половинного от их обычного на континенте размера. Следует, правда, заметить, что с течением времени к этой необычной норме привыкаешь, и она перестает казаться странной.

В зависимости от того, какой объем (общих) социальных ценностей, конвенций, договоренностей присвоен субъектом актуализации нормы, какие критерии и стандартные дескриптивные свойства, составляющие норму для конкретного объекта или явления окружающего мира, являются для него наиболее значимыми, будет меняться его собственное восприятие нормы, объем содержания его интерпретации, трактовка и оценка. Так, «хорошие ножницы» для простого потребителя, кройщика, парикмахера, левши и маленького ребенка будут обладать разными наборами дескриптивных свойств и актуализировать различный объем содержания понятия нормы.

Выбор необходимого объема значения является результатом мыслительной операции, в ходе которой происходит движение мысли от неопределенного к определенному, от конкретного к абстрактному. «Остановка» происходит в том месте,

которое соответствует объему значения выбранного референта. Согласно интенции говорящего сознание останавливает движение мысли в фазе либо социального, либо индивидуально-личностного значения.

(2) *He didn't care whether the students learned or not, made **outrageous demands**, and talked about subjects that were either irrelevant or **far too advanced*** (Nasar: www).

В примере дается оценка преподавательской деятельности относительно нужд первокурсников, только поступивших в университет. Как отклонение оценивается стремление преподавателя подать материал не так, как принято в работе с новичками, в наиболее доступной форме, напротив, лектор предлагает им пуститься в рассуждения, дает информацию, не вызывающую у учащихся никакого интереса, либо пока просто недоступную их пониманию.

В следующем примере отправной точкой нормирования являются скорее личные вкусы и предпочтения субъекта, разделяемые отчасти его семьей, но не обществом в целом:

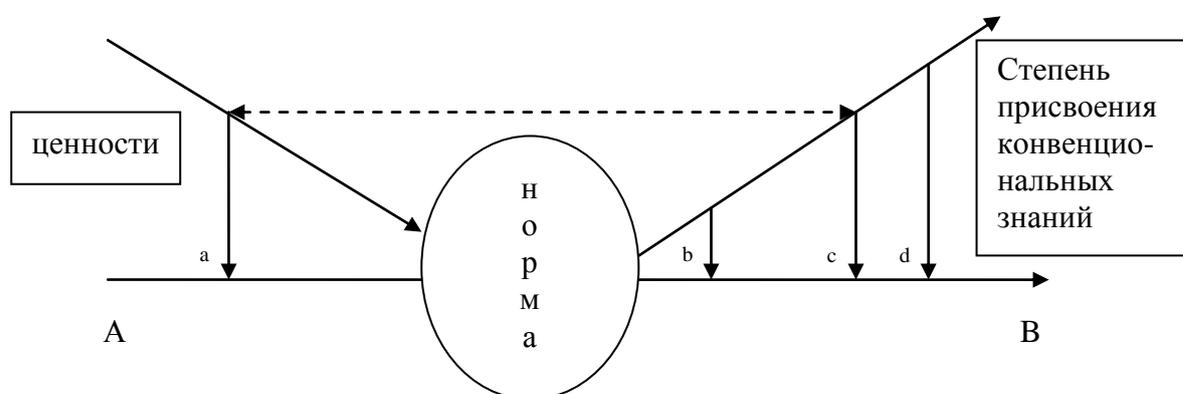
(3) *It was indeed, to Forsyte eyes, an **odd house**. 'There's a lot of room cut to waste,' pursued Soames* (Galsworthy: www).

Мысль может двигаться от общего к частному или от частного к общему, от неопределенного к определенному или от определенного к неопределенному, от неизвестного к известному и в обратном порядке. Человек усваивает информацию о мире, накопленную социумом, использует этот багаж в конкретных жизненных ситуациях, оценивая незнакомое, непознанное на основе имеющихся знаний, и, наконец, делает обобщение и вывод.

Участок, пройденный мыслью при ее движении от общего к частному (от неопределенного к определенному), в концепции Г. Гийома называется тензором (Гийом 1992: 56). Согласно этой концепции, чем ближе к норме находится референт, чем меньше в нем индивидуально-личностного, тем уже объем значения, тем короче тензор. Использование тензорной записи позволяет представить категорию нормативности следующей схемой:

Схема 1

Понятийное поле нормативности в концепции психосистематики

В центре находится набор конкретных критериев, перечень стандартных дескриптивных свойств, составляющих норму.

Объем значения обусловлен с одной стороны теми ценностями, которые составляют абстрактную генерализованную основу формулирования понятия нормы, с другой стороны – степенью присвоения (интериоризации) социальных установок, конвенций и правил конкретным субъектом нормы.

Вектор АВ охватывает понятийное пространство нормативности/ненормативности, включающее все языковые средства актуализации этих значений.

Векторы a, b, c, d представляют собой тензоры, отображающие «остановку» мысли.

Двунаправленный вектор иллюстрирует процесс, когда субъект нормы для ее реализации не столько обращается к собственным знаниям, сколько полагается на знания априорные (такое чаще всего происходит при столкновении с абсолютно неизвестными явлениями окружающего мира).

(4) *I had known the minute I stepped on the Runway floor that I **didn't belong**. My clothes and hair **were wrong** for sure, but more glaringly **out of place** was my attitude. I didn't know anything about fashion and I didn't care* (Weisberger, 21).

В данном примере отклонение от нормы актуализируется лексически (*didn't belong, wrong, out of place*). Журналист, пришедший на собеседование в журнал мод, по всеобщему предположению должен многое знать о моде, интересоваться ею. Этими соображениями и руководствуется автор высказывания, однако ее собственная позиция далека от общественной, что иллюстрируется предикатом *didn't care*.

Все средства актуализации значений нормы и отклонения от нее в языке составляют пространство нормативности/ненормативности. Каждая языковая единица в этом пространстве обладает своим объемом, который трактуется как общий, системный. Данные единицы получают свою реализацию в речи. Однако число возможных частных выражений общего значения не ограничено, поскольку референт, соотносимый с языковым знаком, каждый раз меняется. Объем значения и длина тензора могут варьироваться исходя из поставленной коммуникативной задачи, а также в зависимости от интенций говорящего.

Библиографический список

1. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Galsworthy, J. The Man of Property [Электрон. ресурс] / J. Galsworthy. – Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/g/galsworthy/john/man>
2. Nasar, S. A Beautiful Mind [Электрон. ресурс] / S. Nasar. – Режим доступа: http://www.online-literature.com/nasar/beautiful_mind
3. Swift, J. Gulliver's Travels [Электрон. ресурс] / J. Swift. – Режим доступа: <http://www.online-literature.com/swift/gulliver>
4. Weisberger, L. The Devil Wears Prada / L. Weisberger. – New York : Broadway Books, 2003. – 360 p.

КОММЕНТАРИЙ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В начале всякого слова всегда было какое-то чужое слово.

А.К. Жолковский

Л. Витгенштейн предлагал рассматривать язык как «старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами» (Витгенштейн 1994: 86). С этой позиции вся наша языковая деятельность предстает как итог настоящего и прошедшего опыта, как пересечение разных текстов в физическом пространстве одного речевого произведения, их переключки, «диалог», единое одномоментное существование текстов разных эпох, культур, сред. Языковая деятельность человека «пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» (Гаспаров 1996), она – интертекстуальна. «Все носители языка говорят текстами» (Хартман П., цит. по (Шмидт 1978: 95)), причем текстами, под которыми понимаются сложные знаковые системы, включающие не только «чистую» семантику, но и всю ассоциируемую с ними семиотику. Одной из функций текста является функция памяти: здесь имеется в виду как память текста о всех контекстах своего употребления, так и семантическая память носителей языка о других текстах. Единый фонд знаний, сходный запас семантической памяти, актуализация общих текстов являются необходимыми условиями организации адекватного понимания текста. Исследование вопросов семантической памяти текста, оптимизации процессов понимания семиотически нагруженных текстов связано с феноменом *интертекстуальности*.

В качестве своего предмета теория интертекстуальности имеет тексты и межтекстовое взаимодействие, однако трактовки как самого термина, так и концепции интертекстуальности разнообразны и зависят от научных взглядов исследователя. В данной статье под интертекстуальностью мы понимаем *онтологическое свойство текста, представляющее этот текст как открытую структуру, в которой событийствуют другие тексты, дискурсы и семиотические системы*. Здесь мы придерживаемся точки зрения И.П. Смирнова об интертекстуальности как слагаемом широкого родового порядка «интер <...> альности»: «Смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе» (Смирнов 1995: 11). Таким образом, собственно интертекстуальность, предполагающую отсылки к другим текстам, мы дополняем предложенными О. Хансен-Леве и развиваемыми в работах И.П. Смирнова, И.П. Ильина и других ученых понятиями интердискурсивности – связи текста с другими дискурсами, и интермедальности – связи текста с другими семиотическими системами.

Истоки интертекстуальности связывают с анаграммами Ф. де Соссюра, исторической поэтикой А.Н. Веселовского, учением о пародии Ю.Н. Тынянова, концепцией диалогичности и полифоничности М.М. Бахтина. Важными для всех последующих школ интертекстуальности стали идеи М.М. Бахтина о «чужом слове», его амбивалентности и о диалогичности как основе текстопорождения: «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом) <...>, этот контакт есть диалогический контакт» (Бахтин 1979: 364). Диалогичный характер существует не только между автором и оцененной им действительностью, но также между автором и предшествующей и современной ему культурой, автором и героем произведения. Диалогом, в понимании М.М. Бахтина, является также полифоничность, многоязычие самого текста. Подчеркивая особую роль диалога в литературоведении и жизни в целом, Д.С. Лихачев отмечал, что «всякое бытие знаменуется диалогом, а диалог – свободой» (Лихачев 1999: 167).

В отличие от идеи интерсубъективности М.М. Бахтина, где особая роль отводится автору как единственной активной формирующей энергии, более точное выражение диалектики существования литературы было предложено и введено Ю. Кристевой с помощью термина «интертекстуальность». Любой текст «строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному* прочтению» (Кристева 1995: 99).

Мысль о растворении сознания субъекта в текстовой практике, без которой его существование немислимо, получило развитие в идеях М. Фуко о «смерти субъекта» (Фуко 1996) и Р. Барта о «смерти автора» (Барт 1989). Кульминацией этих идей стало провозглашение каждого текста интертекстом, интертекстуальности – сущностью существования литературы и открытости текста в бесконечность.

Многообразие теоретических подходов, стимулированных идеями М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Бартом, в целях упорядочивания представляют в виде трех крупных «семей»: 1) *параграмматической*, объединяющей все модели интертекстуальности, которые восходят к идеям Ф. де Соссюра (Ю. Кристева, М. Риффатер); 2) *диалогической*, которая объединяет исследования, связанные с бахтинской традицией (Р. Барт, Ю.М. Лотман, Ю. Кристева); 3) *эволюционной*, которая отсылает к теориям Ю. Тынянова, к Пражской семиологической школе и школе Ж. Женетта (Денисова 2003: 56).

Названные выше подходы выражают расширительное толкование интертекстуальности, понимаемой в некотором философском ключе как фактор «коллективного бессознательного, определяющего деятельность художника вне зависимости от его воли, желания и сознания» (Ильин 1996). Интертекст рассматривается как вечно развивающаяся совокупность текстов («сопрога»), существующих на уровне подсознания и сознания (Белозерова 1999: 34); «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» (Кузьмина 1998: 28).

Широкое толкование интертекстуальности и текста, по замечанию И.В. Арнольд, позволяет соотносить эти понятия с понятием ноосферы В.И. Вернадского, когда доминирующее значение в процессах *биосферы* приобретает разум человека, и понятием *семиосферы* Ю.М. Лотмана, согласно которому общечеловеческая культура читается как текст (Арнольд 1999: 351).

Широкому подходу противопоставляется более специализированное толкование интертекстуальности как литературного приема, сознательно используемого писателями для создания разного рода воздействий и эффектов (Р. Лахман, М. Пфистер, У. Бройх, И.В. Арнольд). Интертекстуальность рассматривается как один из приемов выдвижения, маркирующий узловые моменты содержания, увеличивающий энергию произведения за счет повышения экспрессивности повествования.

В каждом конкретном исследовании понятие интертекстуальности уточняется в разных аспектах. Так, в свете теории референции интертекстуальность определяется как полиреферентность по отношению к действительности и к другим текстам. С позиции теории информации интертекстуальность – это способность текста накапливать информацию. В рамках семиотики интертекстуальность определяется через типы отношений с другими элементами системы и может быть интерпретирована как деривационная история текста. В семантическом плане интертекстуальность – способность текста формировать свой собственный смысл посредством ссылки на другие тексты. В культурологическом – она соотносима с понятием семиотической памяти культуры (см. об этом (Кузьмина 1998: 31)).

Применительно к изучению комментария как лингвистического объекта вопросы интертекстуальности рассматриваются с позиций нескольких исследовательских направлений:

- *теории прецедентности*: изучение комментария как герменевтического приема толкования прецедентных интертекстов;
- *дериватологии текстов*: комментарий изучается с позиции межтекстовых отношений по линии прототекст – метатекст;
- *теории гипертекстов*: изучение гипертекстовости как свойства, которое мультисеквенциальная организация комментария сообщает исходному тексту.

Появление комментария – это сигнал об интертекстуальности исходного текста. Уже самим своим присутствием комментарий свидетельствует о том, что текст содержит некоторые интер<...>альные включения: отсылки к другим текстам, дискурсам, событиям, персоналиям и т. д., т. е. все то, что принято называть прецедентными феноменами. Семиотическое окружение текста создается разными типами интертекстуальности: другими литературными произведениями (собственно интертекстуальность), музыкальными, религиозными, изобразительными, архитектурными и другими семиотическими системами (интермедийность), другими типами дискурса (интердискурсивность). В этом случае комментарий служит приемом делакунизации, выполняет функцию «герменевтического инструмента», формируя

компетенцию читателя и обеспечивая понимание исходного текста. Прецедентность предполагает наличие в языковом опыте коммуниканта сведений и представлений культурно-исторического характера, входящих в общий фонд знаний носителей языка (Иванова 2004: 58). Прецедентные феномены – это часть концептуальной системы носителей языка, это «интертекстуальные фреймы, структуры, которые, активизируясь в сознании читателя в процессе восприятия текста, способствуют адекватному пониманию его смысла или, по крайней мере, задают направление понимания» (Кремнева 1999: 9).

Возможность понимания сообщения организуется при условии общности концептуальных систем носителей языка, т. е. знание о прецедентных феноменах должно быть разделенным. К прецедентным феноменам относят прецедентную ситуацию, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное выражение (см. подробней (Красных 1998: 50-77, Гудков 2003: 104-110)). Объем и характер прецедентных феноменов в тексте создают *прецедентную плотность текста* (термин Ю.А. Сорокина). Соответственно, чем выше прецедентная плотность текста, тем он сложнее для интерпретатора, и тем более востребованным оказывается введение вспомогательного текста, растолковывающего прецедентные явления основного текста.

В свете теории интертекстуальности такой дополнительный текст (комментарий) может быть рассмотрен как один из типов межтекстового взаимодействия. Следуя классификации форм текстуальных отношений, разработанной в теории интертекстуальности Ж. Женетта и позже дополненной и переосмысленной Н.А. Фатеевой, Г.В. Денисовой и другими, отношения «текст комментария» – «прототекст» относятся к *аспекту метатекстуальности*, а сам комментарий как текст, примыкающий к прототексту, является продуктом, результатом вторичной, метатекстуальной коммуникации – *метатекстом*. Однако, несмотря на то, что классификация Ж. Женетта была заимствована другими учеными почти в исходной форме, она стала интерпретироваться несколько по-иному. Если для Ж. Женетта важны *отношения* между текстами (собственно интертекстуальность и гипертекстуальность), между функционально гетерогенными фрагментами внутри одного текста (метатекстуальность и паратекстуальность), между жанрами (архитекстуальность), то, например, в центре внимания терминологически схожей классификации Н.А. Фатеевой находятся непосредственно *интертекстуальные включения*, функционирование которых изучается на указанных пяти уровнях (Фатеева 2000).

Комментарий представляет собой метатекст – «текст в тексте о тексте», текст, примыкающий к прототексту и повествующий о нем, расширяющий его информационную структуру. Ориентированность на текст, или точнее на ключевые слова, фрагменты текста, представляющие доминантные смыслы, а не на реальность, позволяет относить комментарий к прототипическому примеру метатекстов. Термин «метатекст» был впервые введен в лингвистику А. Вежбицкой в 1978 г. в значении «описание и одновременно инструкция по пониманию текста» (Вежбицка 1978). Метатекст в семиотике и теории интертекстуальности понимается как текст «второго порядка», по отношению к которому

первичный текст (прототекст) выступает как предмет описания. При этом «внутреннее и внешнее динамично взаимодействуют, пространство выворачивается «наизнанку» (Имаева 2002: 70). Основной функцией метатекста является не референтная (описать действительности с помощью языка), а метареферентная – «интерпретировать и эксплицировать референтный смысл другого текста», прототекста (Смирнов 1995: 8). Термин «метатекст» в этом смысле является синонимом терминов «вторичный текст» и «производный текст». А. Попович типологизирует метатексты по их *связи* с прототекстами, которая (связь) может быть четырех видов: имитативная, комплементарная, ликвидирующая, редуцирующая. Комментарий организует межтекстовые отношения за счет образования *комплементарной связи*, которая развивает особенности прототекста при помощи текстовых дополнений (Попович 1980: 191). Ж.Ф. Лиотер называл метатекст «объяснительной системой». Основной функцией комментария поэтому является интерпретативная. Метатексты формируют целый пласт литературной культуры, образуя систему дополнительного чтения (Тороп 1981: 38).

При широком толковании интертекстуальности присутствие любого текста в другом тексте (в данном случае комментарий эксплицирован как вспомогательный текст) есть *интертекст*. Мы используем термин метатекст по отношению к комментарию, имея при этом в виду, что он (комментарий) также может быть назван интертекстом.

В аспекте метатекстуальности нельзя обойти вниманием вопрос о месте, которое комментарий занимает в структурной организации произведения. Речь идет о позиционных особенностях комментария (его расположении в произведении). Однако важен не столько формальный характер тех изменений, который вносит комментарий, сколько функциональная значимость усложнения текста. Ведь само присутствие комментария свидетельствует об усложнении архитектоники текста. В этом смысле интерес представляет вопрос о распределении информации в произведении. Теория распределения информации в тексте разрабатывается в концепции Л.Г. Лузиной (Лузина 1996). Согласно данной концепции, информация упакована в тексте особым образом, и знание стратегий ее распределения способствует оптимизации процессов чтения и понимания. Распределение информации рассматривается как динамический процесс, для которого важными оказываются следующие факторы: общий принцип иконичности (порядок упоминания); распределение информации на выделенную и фоновую; последовательное усложнение информации в перспективе текста за счет включения помимо текстуальной информации элементов общего знания, намерений участников. Важной идеей концепции является представление о тексте как континууме места, времени, участников, действия, темы, нарушение единства которого заставляет искать помощь в дополнительном тексте. Признание присутствия в тексте не только выраженной, но и имплицитной, подтекстовой, выводной информации, пресуппозиций, позволяет условно представить текст как структурированную иерархию информаций. Читатель, имеющий представление о стратегиях распределения информации, руководствуется идеей о том, что текст принципиально не полон и предполагает актуализацию читательских

индивидуальных фоновых знаний. При оптимальных условиях коммуникации и выстроенной композиции текста, понимание текста, осуществляемое при актуализации разных видов информации, самоорганизуется. Однако при возникновении сбоев в коммуникации необходимо обращение к более низким уровням структурной иерархии текста – комментарию, объяснению, иллюстративному материалу и другим частям текста, представляющим фоновую информацию (там же: 121).

Итак, изучение комментария в русле теории интертекстуальности позволяет рассмотреть его как метатекст, основной функцией которого служит опознавание и интерпретация прецедентных текстов в основном тексте.

Заканчивая обзор теории интертекстуальности, хотелось бы обратить внимание на перспективность еще одного направления исследования комментария в аспекте интертекстуальности: интертекстуальность как этап эволюции текста на пути к *гипертекстуальности* (см., например, (Галушко: [www](#), Дементьева: [www](#))). Интертекстуальность как возможность одномоментного выхода из одного текста во множество других текстов и контекстов представляет собой фактор преодоления линейности текста. Термин «гипертекст», введенный в 1965 г. Т. Нельсоном, изначально ассоциировался с компьютерными технологиями обучения и определялся как способ организации и вид текста, который позволяет читателю получить на экран другой (чаще всего поясняющий текст), а затем вернуться к чтению основного текста (Рябов: [www](#)). Каждый текст оказывается включенным во всю систему созданных до него или параллельно с ним текстов, приобретает визуальное многомерное представление и становится «мультисеквенциальным», т. е. читается в любой последовательности (Фатеева 2000: 10). В литературоведении гипертекст – это такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Текст, устроенный таким образом, превращается в иерархию, систему текстов (Руднев 1999: 69-72). Считается, что гипертекстовость свойственна постмодернистской литературе, однако, принимая в качестве исходной мысль о том, что языковые единицы, составляющие текст, суть знаки, означаемое которых динамично, и неядерная часть значения имеет индивидуальное или культурно-обусловленное наполнение, смеем предположить, что гипертекстуальность характерна для любого текста.

Простейшим примером гипертекста является любой словарь или энциклопедия, а также книжный комментарий, в основе которого лежит лексикографическая структура. Эксплицируя возможные значения языковых единиц исходного текста, фиксируя фрагменты разного рода знаний, которые могут стоять за телом знака, комментарий сообщает этому тексту свойство гипертекстуальности. Речь идет об ином способе чтения – текст с учетом гипертекстуальности превращается в нелинейный лабиринт, в котором бесконечно взаимодействуют разные тексты, контексты, опыты его предыдущих прочтений, индивидуальные и общие знания автора и читателя.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Интертекстуальность – поэтика чужого слова / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 350–371.
2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 361–373.
4. Белозерова, Н. Н. Интегративная поэтика / Н. Н. Белозерова. – Тюмень : Изд-во ТГУ, 1999. – 208 с.
5. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 : Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–425.
6. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. I. – 612 с.
7. Галушко, Т. Г. Текст, контекст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма // Вестник АмГУ [Электрон. ресурс]. – 2001. – Вып. 10. – Режим доступа: <http://www.amursu.ru/vestnik/10/r1s1.pdf>
8. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
9. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : «Гнозис», 2003. – 288 с.
10. Дементьева, И. Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста [Электрон. ресурс] / Тюменский гос. ун-т. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm>
11. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
12. Иванова, С. В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: учеб. пособие / С. В. Иванова. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 134 с.
13. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
14. Имаева, Е. З. Метатекст как средство понимания текста / Е. З. Имаева // Филологические науки. – 2002. – № 6. – С. 70–77.
15. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
16. Кремнева, А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на мат-ле произведений Джона Стейнбека) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кремнева Анна Валерьевна. – Барнаул, 1999. – 26 с.
17. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник Московского университета. Сер. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
18. Кузьмина, Н. А. Интертекст и интертекстуальность: к определению понятий / Н. А. Кузьмина // Текст как объект многоаспектного исследования: сб. ст. научно-методического семинара “Textus”. / под ред. К. Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 1998. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 27–34.
19. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – 191 с.
20. Лузина, Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматилистический аспекты) / Л. Г. Лузина. – М. : ИНОН РАН, 1996. – 139 с.
21. Попович, А. Проблемы художественного перевода : учеб. пособие / А. Попович. – М. : Высшая школа, 1980. – 199 с.
22. Руднев, В. П. Гипертекст / В. П. Руднев // Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф, 1999. – С. 69–72.
23. Рябов, Г. Сете- или -тура? Псевдонаучное псевдоисследование [Электрон. ресурс] / Лаборатория сетевой литературы. – 2001. – Режим доступа: <http://www.litera.ru/slova/ryabov/setetura.html>
24. Смирнов, И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 191 с.

25. Тороп, П. Х. Проблема интекста / П. Х. Тороп // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV : ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту. – 1981. – Вып. 567. – С. 33–44.
26. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М., 2000. – 280 с.
27. Фуко, М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
28. Шмидт, З. И. «Текст» и «история» как базовые категории / З. И. Шмидт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8 : Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 89–108.

А.В. Кочкинекова
Барнаул

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Антропоцентризм, ставший одним из ведущих направлений лингвистических исследований на рубеже XX-XXI веков, представляет собой одно из наиболее последовательных выражений точки зрения теологии. В античной философии антропоцентризм сформулировал древнегреческий философ Сократ; этого воззрения придерживались позднее представители патристики, схоластики и некоторые философы нового времени (например, немецкий философ К. Вольф). Существенные элементы антропоцентризма имеются и в радикальном гуманизме, истолковывающим мир в терминах человеческого существования.

В науке о языке антропоцентрический принцип занимает особое место. По мнению И.В. Харитоновой, реализация этого принципа предполагает соединение языка и бытия человека в одном поле познания (Харитонова 2004: 11). В.М. Алпатов выражает свое собственное понимание антропоцентрического подхода к языку, при котором основное внимание исследователя уделяется проблеме свойств единиц языка (Алпатов 1993: 16).

Несмотря на существующие разные трактовки принципов антропоцентризма, совершенно очевидно, что в лингвистике закрепился новый антропоцентрический подход к изучению языка. Исследователи называют этот поворот «антропоцентрическим сдвигом» (Ворожбитова 2003: 43), что объясняется определенным переходом от позитивного знания к глубинному на путях постижения языка как антропоцентрического феномена.

Описание человека является одной из основных задач антропоцентрической лингвистики. Человек является объектом лингвистического исследования как единство духовного, телесного и психического. Следует отметить, что человек топологически и физиологически тождественен, но, несмотря на это, в общей трактовке человеческого тела в разных культурах имеются определенные различия, что является результатом адаптации и культуры.

В лингвистическом ракурсе находится человеческое тело как сложная сущность, способная осмысливаться с различных точек зрения. В настоящее время существуют различные определения понятия «тело». В.Н. Топоров признает тело той моделью, по

которой мифологическое сознание первоначально строит описание Вселенной (Топоров 1983: 244). Согласно Э. Кассиреру, тело – это первичная сетка координат, которой человек пользуется как моделью, строя по его подобию весь мир (Кассирер 2002: 140). Другое определение, которое приводит Э. Кассирер, звучит так: «тело – это параметр, согласно которому осуществляется концептуальное и языковое конструирование мира» (Кассирер 2002: 160). На основе подобного восприятия своего тела человек конструирует мир, а также воспринимает многие вещи. Тело задает определенный вектор, согласно которому происходит постижение некоторых природных и социальных явлений.

По мнению Ю.Д. Апресяна, при описании образа человека в русском языке необходимо использование системного подхода. Ученый считает, что существует восемь основных систем человека: физическое восприятие; физиологическое состояние; физиологическая реакция на воздействия; физические действия и деятельность; желания; мышление; интеллектуальная деятельность; эмоции; речь. Указанные системы локализируются в определенных частях тела. Например, физические действия концентрируются в конечностях и в теле; глаз, уши, нос, кожа служат локализаторами физических восприятий (Апресян 1995: 37).

Человек и части его тела представляются и осмысливаются как **вместилище** (термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона), то есть пространство, способное вмещать в себя другие реальные признаки. Термин **вместилище** может заменяться термином **контейнер**.

Следует отметить, что понятие «контейнер» впервые было введено М. Джонсоном «для иллюстрации значимости образных схем (image scheme) в обработке человеческого опыта, происходящей еще до формирования им ясно осознаваемых концептов» (Кубрякова 2004: 486). Джонсон полагает, что то, что находится внутри чего-то (in), противопоставлено тому, что находится вовне или же вне чего-то (out). Данная схема возникает «на уровне передвижения человека в пространстве, манипулирования вещами» (Johnson 1987: 29). Эту схему он называет далее схемой контейнера, хотя понятие контейнера как таковое им не определено. По мнению Дж. Лакоффа, с помощью данной схемы прежде всего осмысливается тело человека (Lakoff 1987: 56).

В одной из своих статей Е.С. Кубрякова отмечает, что «понятие контейнера особенно важным выступает в так называемой экологической теории зрительного восприятия, согласно которой весь мир следует рассматривать как нечто похожее на русскую матрешку, складывающуюся из фигурок разного размера, помещаемых одна в другую» (Кубрякова 2004: 483).

Представление тела человека в качестве контейнера раскрывает определенные закономерности анатомического строения человеческого тела, что позволяет говорить о человеке как об объекте с внутренним пространством, внутри которого встроены по принципу матрешки другие меньшего размера объекты.

Слово шея (neck) в следующем английском предложении может выступать в качестве контейнера, внутри которого расположены другие части тела, здесь происходит физиологическая акцентуация расположения кадыка (adam's apple) внутри шеи:

(1) *The young man blushed again and his adam's apple moved in his thin neck* (Kipling, 78) – *Юноша опять покраснел, кадык на его тонкой шее судорожно дернулся* (Киплинг, 85).

В данном случае возможно говорить о так называемом «рентгене», когда говоря о месторасположении определенной невидимой нам части тела, для уточнения расположения данного компонента человек как бы рентгенизирует все тело, сосредоточивая свое внимание на определенных анатомических закономерностях, в данном случае – это нахождение кадыка именно внутри шеи.

Колени (lap) могут также выступать в качестве контейнера, способного вмещать в себя другие объекты. В данном случае так называемым индикатором вместилища является предлог *in*:

(2) *But for all the modesty of her spreading skirts, the demureness of hair netted smoothly into a chignon and the quietness of small white hands folded in her lap, her true self was poorly concealed* (Mitchell, 12) – *Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически – стянутых тугим узлом и запрятых в сетку волос, – ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман* (Митчелл, 15).

Человеческое тело в английской культуре может также представляться как **совокупность легко вычленяемых компонентов**. Другими словами, это некий «конструктор», части которого могут «разбираться» при определенной необходимости. Данная особенность является основой для аналитического осмысления человеческого тела в англоязычной культуре:

(3) *Maisie rested her chin on her hand* (Kipling, 87) – *Мейзи подперла рукой подбородок* (Киплинг, 93).

В данном примере прослеживается мысленное «отделение» подбородка (chin) и размещение данной части тела на руке у героини, то есть происходит так называемая «разборка на части». Рука (hand) служит «местом дислокации» для подбородка (chin). Таким образом, внимание акцентируется на отдельных частях тела как на деталях конструктора.

Человеческое тело может представляться как **комплекс позиций в векторном пространстве**, центральная часть (туловище) принимается за позицию релятума и является связующим звеном, а другие части тела (конечности) могут занимать позиции перед, за ним и под ним, например:

(4) *...because his legs were trembling under him and there was cold fear at the pit of his stomach* (Kipling, 88) – *потому что у Дика от ужаса подкашивались ноги и нестерпимо саднило под ложечкой* (Киплинг, 96).

В сравнении с другими частями тела, туловище - относительно статично, поэтому в определенных языковых ситуациях может приниматься за точку отсчета, в соответствии с которой возможно определение векторной направленности других частей тела (конечностей).

В англоязычной культуре человеческое тело и лицо могут описываться и **как совокупность компонентов вертикальной диспозиции**.

А.В. Кравченко отмечает, что положение стоя является «каноническим положением» у человека, что обуславливает главенство вертикального измерения: «Благодаря особенностям анатомического строения, восприятие и концептуализация холистической предметной сущности «человеческое тело» направлено «верх-низ», поэтому человеческому телу «вертикальность» присуща как изначальное свойство, составляющее когнитивную сторону предметной сущности» (Кравченко 1996: 30).

Лицо может восприниматься как вертикальная плоскость, поэтому при его описании часто используются параметры «над» - «под» (“above” – “under”), которые подчеркивают определенную «ярусность» расположения губ, носа, глаз:

(5) *The red color of her skin, narrow high forehead, prominent cheek bones and the hawk-bridged nose which flattened at the end above thick negro lips, all showed the mixture of two races* (Mitchell, 62) – *Красноватый оттенок кожи, высокий, сдавленный у висков лоб, широкие скулы и нос с горбинкой, неожиданно расплющенный книзу, над толстыми негроидными губами, ясно указывали на смешение двух рас* (Митчелл, 77).

В следующем примере происходит осмысление головы в качестве верхней части вертикально ориентированного тела (his forearms above his head):

(6) *Winston clasped his forearms above his head* (Orwell, 176) – *Уинстон закрыл голову руками* (Оруэлл, 98).

Таким образом, антропоцентрический подход, являясь своего рода расшифровкой человеческого фактора в лингвистике, раскрывает особенности структурирования информации, связанной с представлением о человеческом теле.

Библиографический список

1. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – 16 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – 37 с.
3. Ворожбитова, А. А. Актуализация философско-лингвистического наследия как отражения «антропоцентрического сдвига» в филологии конца XX века / А. А. Ворожбитова // Антропоцентрическая парадигма в филологии. – Ставрополь, 2003. – Ч. 2 : Филология. – 43 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер // Т. 1. – М.–СПб. : Университетская книга, 2002. – 140 с., 160 с.
5. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко // Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1996. – 30 с.
6. Кубрякова, Е. С. Язык и Знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Языки славянской культуры. М., 2004. – С. 483–486.
7. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – 244 с.
8. Харитонова, И. В. Система исследования языка: философско-методологический аспект: автореф. дис...д-ра философ. наук / И. В. Харитонова // М., 2004. – 11 с.
9. Johnson, M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago, 1987. – 29 p.
10. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago; London : University of Chicago Press, 1987. – 56 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Киплинг, Р. Книги джунглей. Свет Погас. Рассказы: Сб. / Р. Киплинг. – М. : ООО «Издательство АСТ», ОАО «Люкс», 2004. – С. 85, 93, 96.
2. Митчел, М. Унесенные ветром / М. Митчел. - Т. 1 – М. : Правда, 1986. – С. 15, 77.
3. Оруэлл, Дж. 1984: роман. / Пер. Д. Иванова, В. Недошивина / Дж. Оруэлл. Проза отчаяния и надежды: Роман, сказка, эссе. – Л., 1990. – 98 с.
4. Kipling, R. The Light That Failed / R. Kipling – Moscow : Progress Publishers, 1975. – Pp. 78, 87, 88.
5. Mitchell, M. Gone with the Wind / M. Mitchel – М. : Айрис-пресс, 2004. – Pp. 12, 62.
6. Orwell, G. Nineteen Eighty-Four / G. Orwell. – Harmondsworth : Penguin Books, Ltd., 1984. – 76 p.

Е.А. Кузьмичёва
Барнаул

ИНДЕКСАЛЬНЫЕ ЭКСПОНЕНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Язык, будучи одной из форм осуществления мыслительной деятельности человека, охватывает все сферы его общественной жизни. «Общение» человека с миром, в котором он существует, осуществляется в определенных координатах социальной и естественной среды. В последнем случае наиважнейшими показателями, характеризующими любую деятельность человека, в том числе, познавательную, коммуникативную, адаптивную являются показатели пространственно-временной ориентации. Излагая основные исходные положения предпринимаемого исследования, отметим, что в общенаучной парадигме сегодняшнего дня не существует общепринятого представления о соотношенности этих параметров сущего. В философии противостоят две точки зрения. В рамках одной из них время и пространство воспринимаются как две самостоятельные, равноправные стороны единого целого (Ньютон 1936: 30-31). Согласно другой, диаметрально противоположной точке зрения, эти две данности считаются разнопорядковыми, но абсолютными величинами в существовании мира. По-видимому, первая из названных концепций заложена в основу теории М. Бахтина о хронотопе как форме организации художественного пространства (Бахтин: www). Имеющая право на существование в плане интерпретации вербального (как, впрочем, и невербального) произведения искусства, она отражает классический подход с обязательной доминантой триединства места, времени и участников ситуации.

Однако, если опираться на последние достижения в области физики (Пригожин: www) пространство и время есть разнопорядковые величины. Одна из них – пространственная – определяет статичную предметность мира, другая – темпоральная – отражает изменчивость мира в некоторый длительный промежуток, который и назван временем.

Известно, что язык обладает широким арсеналом средств передачи временных отношений. Это грамматические категории темпорального характера (*waved, was thinking, had waited*), это полнозначные лексические единицы (*yesterday, to last, old*), это словообразовательные модели (*teacher-to-be, ex-husband*), это сочетания, образованные путем внутреннего переосмысления составляющих их компонентов (*forty minutes away from the*

capital Hilton, a few books ago, seven dollars away) (Гилёва 2002: 107, 130, 144, 151). Наконец, существуют указательные единицы языка, которые не называют время некоторого события конкретно, но указывают на его размещенность на временной оси от прошедшего к будущему. Это указательные местоимения и предлоги. Арсенал языковых экспонентов пространства значительно уже, чем экспонентов времени. Достаточно сказать, что показатели пространственной локализации события не выходят на уровень формализации (грамматизации) в языке.

Особый интерес представляет феномен функционально-семантической амбивалентности предлогов английского языка, которые в дифференцированных контекстах могут передавать как значения пространственной соположенности объектов и событий, так и значения временной отнесенности происходящего. В этой связи представляется необходимым рассмотреть понятие индексальных (указательных) языковых знаков в рамках семиотики.

В этой области научного знания лингвистика сталкивается с разночтением основного понятия семиотики – знака, по-разному трактуемого в разных общенаучных традициях. В логико-философской традиции, восходящей к Ч. Моррису (Morris 1937) и Р.Карнапу (Carnap 1935), знак понимается как некий материальный носитель, представляющий другую сущность (в частном, но наиболее важном случае – информацию). В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру (Ф.де Соссюр 2006) и позднейшим работам Л.Ельмслева (Ельмслев 2006), знаком называется двусторонняя сущность, включающая материальный носитель, или означающее, и то, что он представляет, – означаемое.

Другое ключевое понятие семиотики – семиозис, или процесс становления знака. Ч.У. Моррис определяет его как «процесс, в котором нечто функционирует как знак» (Моррис: www). Описание этого процесса в традиции, восходящей к трудам древних греков, обычно рассматривался как включающий три фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает (*refers to*) знак; воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно знаковым средством (или знаконосителем) (*sign vehicle*), десигнатом, (*designatum*) и интерпретантой (*interpretant*), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор (*interpreter*). Эти термины делают эксплицитными факторы, остающиеся необозначенными в распространенном утверждении, согласно которому знак указывает на что-то для кого-то. Свойства знака, десигната, интерпретатора или интерпретанты – это свойства реляционные, приобретаемые объектами в функциональном процессе семиозиса.

Если единичный знак (например, конкретное указание жестом) может обозначать только единичный объект, он имеет статус *индекса* (курсив наш – Е.К.); если он может обозначать множество вещей (как, например, слово человек), то он способен сочетаться различным образом со знаками, которые эксплицируют или ограничивают сферу его применения; если же он может обозначать всё (как, например, слово нечто), то тогда он имеет связи со всеми знаками и тем самым имеет универсальную имплицативность, иначе говоря, имплицуется каждым знаком языка. Эти три вида знаков будут названы соответственно *индексальными* (курсив наш – Е.К.), характеризующими и универсальными.

В области языковой представленности и типологии индексальных знаков, как экспонентов пространства и времени в качестве опоры предпочтительнее взять определение индексального знака Ч. Моррисом, который понимал его означающий то, на что он направляет внимание (Моррис: [www](#)). Индексирующий знак не характеризует свой денотат (за исключением того, что приблизительно указывает его пространственно-временные координаты) и не должен быть похожим на то, что он обозначает. Для адекватного понимания чего-либо необходимо указать местонахождение и существенные признаки и поскольку необходимая степень уточнения достигается сочетанием характеризующих знаков, постольку предложение, способное быть истинным или ложным, предполагает знаки-индексы, характеризующий знак-доминанту, а возможно, и характеризующие спецификаторы, а также некоторые знаки, показывающие отношение индексальных и характеризующих знаков друг к другу и к членам своих собственных классов. Очевидно, что это описание знака с позиции его принадлежности некоторой знаковой системе. В актуализации указательность знаков оказывается зависимой от собственно языкового контекста и ситуации общения, то есть прагматики.

С прагматической точки зрения, индексальные знаки (или их заместители) в сочетании знаков направляют внимание интерпретатора на части окружения; характеризующий знак-доминанта определяет некоторую общую реакцию (ожидание) на эти части; характеризующие спецификаторы очерчивают границы общего ожидания, причем степень спецификации и выбор знака-доминанты определяются исходя из непосредственно стоящей задачи. Если осуществляются и индексальная и характеризующая функции, интерпретатор выносит суждение; сочетание знаков представляет собой суждение (соответствующее предложению в синтактике и утверждению или пропозиции в семантике). Знак подтверждается в той степени, в какой ожидаемое оказывается таким, каким оно ожидалось; ожидания обычно подтверждаются только частично; могут, кроме того, быть различные степени опосредованного подтверждения того, что указанное с помощью индексального знака действительно имеет свойства, которые от него ожидалось.

Ч.С. Пирс отмечал, что что индексальный знак – это такой знак, который привлекает внимание к означаемому им объекту каким-то безотчетным образом. Однако любые ассоциации возникают у нас на базе уже имеющегося знания (опыта), наши знания восприняты из общей информационной копилки человечества (Якобсон: [www](#)). Как пишет У. Эко, если по разливающемуся по небу свету зари мы узнаем о восходе солнца, то потому, что нас научили распознавать этот знак. Если мы не имеем представления о пожарной сирене, мы не воспримем ее звук, как сигнал опасности. Люди договорились считать некий звук знаком пожарной угрозы, и мы были поставлены в известность (Эко 1998: 79).

Пирс говорит о том, что действие индекса основано на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого; «с точки зрения психологии, действие индекса зависит от ассоциации по смежности», например, дым есть индекс огня, и подтвержденное пословицей знание того, что «нет дыма без огня», позволяет человеку, интерпретирующему появление дыма, сделать заключение о наличии огня, безотносительно к тому, был или не был огонь зажжен намеренно, чтобы привлечь чье-то внимание; то, что

обнаружил Робинзон Крузо, было индексом: его означающим был отпечаток ноги на песке, а установленным по нему означаемым – присутствие на этом острове человека; по Пирсу, индексом является ускорение пульса как возможный симптом жара, и в этих случаях его семиотика фактически сливается с исследованием симптомов болезней в медицине, которое называют семиотикой, семиологией или симптоматологией.

Одно из важнейших черт семиотической классификации Пирса является осознание того, что различие трех основных классов знаков – это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконы, индексы и символы лежит не наличие или отсутствия подобия по смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно или исключительно условный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими. В частности, он говорит об "иконических знаках, в которых сходство поддерживается конвенциональными правилами" (Якобсон: www). Можно припомнить разные правила построения перспективы, которые зрителю нужно усвоить, чтобы воспринимать произведения несходных между собой направлений в живописи. В разных изобразительных кодах имеют разное значение различия в величине фигур. В соответствии с традициями некоторых средневековых школ живописи злодеи, в отличие от других персонажей, последовательно изображались в профиль, а в древнеегипетском искусстве их изображали только анфас. Пирс заявляет, что практически невозможно привести пример абсолютно чистого индекса или пример знака, абсолютно лишённого свойства индекса. Такой типичный индекс, как указующий перст, передает не одинаковое значение в различных культурах. Например, у некоторых южноафриканских племен, показывая пальцем на какой-либо предмет, его, таким образом, проклинаят. С другой стороны, в символ всегда включается своего рода индекс, и без индексов было бы невозможно обозначить, о чем человек говорит.

Пространство как сфера бытия, познаваемого человеком через ощущения, характеризуется трёхмерностью. Трёхмерность пространства как объективное свойство действительности, в свою очередь, есть отражение когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия и познания мира человеком. В той мере, в какой это касается естественного языка, мир, по мнению А.В. Кравченко, не имеет измерений – точнее, мир существует только в человеческом измерении, ибо точкой отсчёта и мерой всего, в конечном итоге, является человек (Кравченко 1996: 160). Базовые пространственные понятия – осевые горизонтальные измерения «перед – зад», «право – лево» и осевое вертикальное измерение «верх – низ», а также понятие «вмещённости» – в большинстве языков мира носят ярко выраженный антропоморфный характер (Ли Тоан Тханг 1993, Svorou 1994). Концептуализация и языковая категоризация именно этих, а не других, теоретически возможных, координатных осей обусловлены самими условиями осознанного бытия человека.

В процессе концептуализации объектов как трёхмерных областей пространства, обладающих объёмом, абстрагирование от одного или нескольких измерений отражает особенности человеческого восприятия – в частности, зрительной перцепции.

Объективно, всякая материальная сущность, данная человеку в восприятии, должна иметь длину, ширину и высоту (глубину), или объём. Вместе с тем в языке многие предметы

представлены как двухмерные. Одномерные, либо как вообще не обладающие ни одним из измерений, то есть они концептуализируются как идеальные плоскости, линии и точки.

Разные способы концептуализации предметов связаны с двумя «взглядами» на мир, с тем, как человек видит мир пространственных свойств и отношений. В одном случае этот взгляд отражает то, что говорит человеку его совокупный чувственный опыт, в другом случае мы имеем дело с логической абстракцией, связанной с выделением топологических признаков «мерных» предметов, или геометрической концептуализацией. Дифференциация пространственных отношений на основе непосредственного восприятия предполагает чувственную систему отсчёта, для которой важны такие понятия, как «верх – низ», «перед – зад», «право – лево». Наоборот, геометризация пространства предполагает логическую классификацию предметов на обобщённом уровне различий по измерениям, когда предметы делятся на одномерные, двухмерные и трёхмерные.

Геометрическое отображение пространства заключается в создании проективных структур предметов – точек, линий, плоскостей и объёмов, отношения между которыми выражаются чаще всего посредством системы пространственных предлогов. Предлог служит показателем отношений между предметами, один из которых ориентируется относительно другого, при этом выбор предлога зависит от того, к каким топологическим классам относятся предметы-участники пространственного отношения. Один и тот же физический объект может восприниматься по-разному в зависимости от нашего «топологического взгляда» на него. Например, полка рассматривается нами а) как точка в пространстве в ситуации, описываемой высказыванием: *There was only one shelf in the room*; б) как какая-то поверхность (плоскость): *On the shelf there stood a vase and a toy*; в) как закрытое пространство: *There were a lot of books inside of the shelf* (Ли Тоан Тханг 1993: 67). Топологическая классификация предметов при выражении статичных пространственных отношений накладывает определённые ограничения на выбор ориентира при отнесённости предметов, получающих ту или иную пространственную классификацию, к разным топологическим классам. Так, точка не может, как правило, выступать в роли ориентира для предмета, концептуализированного как линия, плоскость или объём; соответственно, линия не может служить ориентиром для плоскости или объёма, а плоскость – ориентиром для объёма.

(1) *I suggested waiting through this interval on the beach, instead of on the wet and slippery surface of the rocks* (Collins, 307).

Время как единица измерения некоторых событий и отношений, может рассматриваться в трех аспектах – физическом, философском и лингвистическом.

В физике, как известно, время понимается как форма протекания природных процессов. Физический аспект времени включает проблемы соотношения времени и материи, которые сосуществуют реально, независимо от сознания человека. Но время является не только формой существования материального мира, оно также характеризует духовные процессы, поэтому в философском рассмотрении времени можно выделить два аспекта: бытийный и отражённый в индивидуальном или общественном сознании, в культуре.

Пространство и время – две противоположные, взаимосвязанные и взаимодополняющие формы бытия материи. Вещи, существуя в пространстве, существуют и во времени, и, наоборот, существуя во времени, вещи образуют пространство. Каждая из этих основных форм бытия выступает необходимым условием другой. Эта диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость была раскрыта в теории относительности Эйнштейна (Эйнштейн 1955: 28-29).

Прежде всего, необходимо разграничить количественные и качественные свойства времени. К первым относятся те свойства времени, которые можно измерить с помощью часов. К таким измерениям относятся «определение временных отрезков равной длины, определение положительности двух последовательных часов, а также определение одновременности, т. е. доказательство того, что события, прошедшие в двух удалённых друг от друга точках пространства, характеризуются одним и тем же моментом времени».

По сравнению с метрическими свойствами, качественные свойства времени более фундаментальны, в том плане, что они не зависят от способов измерения и при изменении этих способов остаются неизменными. Эти свойства времени определяют его специфику.

К основным качественным свойствам времени большинство исследователей относят:

- равномерность: время течёт в реальности не ускоряясь и не замедляясь.
- однонаправленность: время течёт из прошлого в будущее.

Прошлое никогда не возвращается. Течение времени происходит в линейном направлении, которое не пересекается с самим собой.

- необратимость: время необратимо. Процесс течения времени из будущего в прошлое исключён, т. к. эволюция есть основа всего существующего в мире.

- связь с причинностью: процессу развития присуща связь времён. Очень важен принцип историзма: познать любой факт можно лишь зная его генезис, рассматривая его в качестве результата предшествующего развития.

- прошлое всегда неизменно, но будущее может корректироваться.

Первая часть определения о неизменности прошлого представляется очевидной, однако, вторая часть определения о корректировке требует некоторого уточнения. Возможность изменять будущее сильно ограничена.

В ряду качественных характеристик времени также отмечаются:

- локальность: время всегда соотнесено с определённым моментом. Момент «теперь» есть настоящее время, отделяющее прошлое от будущего.

(2) *Between the drink and the fever, he had been (as Julius had told him) wandering in his mind, during a part of the night* (Collins, 578).

- связь с движением: время не статично, оно движется. Движение есть форма существования материи. Время не существует там, где нет движущейся материи. Время выступает перед людьми как нечто подвижное, изменяющееся, текучее.

(3) *He lay half between death and nightmare, begging for deliverance, but the pictures grew brighter in his mind* (Brown, 554).

(4) *I sat in the hotel through the whole afternoon in case she came, but I was glad she stayed away* (Greene, 324).

(5) *The long train came siding through the scattered lights of the yard, clicking gently over the points* (Тей, 1).

(6) *Between his hatred and two double whiskies he provided Grant with the most detailed account of everyone and everything* (Тей, 76).

(7) *He went back in his mind over the few moments before his first feeling of recognition* (Тей, 193).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что существуют предлоги, которые в разных контекстах могут выражать как пространственные, так и временные отношения. Мы полагаем, что это возможно в силу ряда причин, в частности, это обусловлено тем, что мировосприятие мира человеком изначально было сугубо предметным; для языковой системы характерна экономия исходных единиц, как один из основных принципов организации системы; индексальные единицы языка по определению не имеют конкретного содержания. Именно этим обусловлена возможность их употребление в отношении ситуативно отличающихся контекстах.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bahtin-hronotop.htm>
2. Гилева, Е. П. Когнитивные основы неграмматической представленности концепта времени концепта времени (на материале современного английского языка). / Е. П. Гилева. - дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. – 194 с.
3. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка. / Л. Ельмслев. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
4. Кравченко, А. В. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.
5. Ли Тоан Тханг Пространственная модель мира / Ли Тоан Тханг. – М., 1993. – 194 с.
6. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон // А. Н. Крылов. Сборник тр. т.7 М.-Л.: из-во АН СССР, 1936. – 696 с.
7. Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант. / И. Пригожин, И. Стенгерс М., 1994. – Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/vrema-haos.html>
8. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики. / Ф. де Соссюр. – М. : КомКнига, 2006. – 278 с.
9. Эйнштейн, А. Сущность теории относительности. / А. Эйнштейн., М. 1955. – 157 с.
10. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
11. Якобсон, Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М. : Радуга, 1983. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-qel.htm>
12. Carnap, R. Philosophy and Logical Syntax. / Carnap R. London, 1935.
13. Morris, Ch. W. Logical Positivism, Pragmatism, and Scientific Empiricism. / Ch. W. Morris Paris, 1937. – Режим доступа: <http://www.belb.net/obmen/Morris.htm>
14. Svorou, S. The Grammar of Space / Svorou S. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994.

Список источников иллюстративного материала

1. Brown, D. The Da Vinci Code / D. Brown. – New York : Doubleday, 2003. – 490 p.
2. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – London : Penguin Books, 1994. – 570 p.
3. Tey, J. The Singing Sands / J. Tey. – London : Arrow, 1992. – 246 p.

ИМЕННЫЕ И ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ИТЕРАТИВНОСТИ

Итеративность принадлежит к числу онтологических явлений, определяющих форму и способ существования мира во времени и пространстве. В индоевропейских языках такие сущностные показатели как время, количество, межпредметные и пространственные связи передаются в наиболее формализованном и облигаторном виде грамматических категориальных форм. Так, итеративность передается посредством временных форм группы «неопределенные», или «простые» как одно из значений этих форм, а также специальными морфологическими образованиями **would – Inf, used – to Inf**.

Система языка устроена таким образом, что в ней существуют лексические средства, которые могут служить катализатором, или триггером проявления того или иного значения грамматической формы. В иных случаях они выступают как конкретизирующие актуализационное значение грамматической формы. В рассматриваемом случае это, прежде всего, наречия (как единицы лексико-грамматического класса наиболее свободно входящие в комбинаторные отношения с глаголом). Особенность единиц именованной итеративности (именных и глагольных лексем) состоит в том, что, в отличие от грамматических форм, они не индицируют некоторые значения, а называют объект и признак (Трунова 2004: 266). В качестве единиц, конкретизирующих значения формального показателя итеративности, выступают единицы синтаксического уровня – словосочетания типа *once a month, from time to time, now and again*. В конкретизации итеративности они, прежде всего, уточняют интервальность. Если за основу определения взять критерий характера показателей итеративности, то рассматриваемые словосочетания можно отнести к следующим подгруппам:

- 1) уточнение длительности периода;
- 2) уточнение количества действий в ограниченном периоде;
- 3) уточнение количества действий в неограниченном периоде;
- 4) уточнение длительности действия в периоде.

Первую подгруппу составляют сочетания, образуемые по моделям

- 1) **Adj – N** (*every day/month/Monday*);
- 2) **Prp – N/Ns** (*at breakfast, on Sundays*);
- 3) **N – Prp – N** (*day by day*);
- 4)

Adj	\	/	Prp – N₂
	N		
Prp	/	\	Conj – Adv

Характерной особенностью лексического наполнения модели «1» является обязательное наличие в большинстве случаев прилагательных *every, each* и существительного, эксплицирующего темпоральную семантику (*second, hour, month, moment, etc.*). Это семантически избыточная конструкция, поскольку значение

итеративности в ней представлено дважды: прилагательным *every* – ‘each one (of a number of things)’, предполагающим последовательность (действий, событий, состояний), и существительным, обозначающим длительность периода.

В частности в нижеследующем примере прилагательное “every”, семантика которого предполагает исчисляемость объектов, сочетается с числительным “four”, которое определяет длительность периода повторяемости события:

(1) “*The presidency of the United States is a torch lit by the American people and passed from hand to hand every four years.*” (Sheldon, 7)

Пример (2) можно рассматривать как частный случай реализации модели «1», когда в сочетании с прилагательным *every* выступает не одно, а два существительных, обладающих темпоральной семантикой, что еще больше детализует параметры повтора:

(2) *For the next three years she used to call regularly at Mr. Ottery's every Monday morning for her pound* (Butler, 299).

Данная модель может допускать вариативность и некоторые флуктуации.

В номенклатуру лексического наполнения модели «2» входят предлоги времени (*on, in, at*) и существительные темпоральной семантики:

(3) *From morning until night, groups gathered in darkened rooms to watch slides of sea lions mating. At breakfast, they filled notebooks with drawings of Indian petroglyphs, and in the lounge at night the sportsmen listened enraptured as diaries of fishing excursions were read* (Bombeck, 214).

Следует отметить, что при реализации данной модели также возможны варианты, такие как:

- усечение структуры за счет того, что предлог опускается (в этом случае грамматическая семантика существительного берет на себя функцию выражения множественного фактора, имплицитующего повторяемость (*days and nights; weeks, months and years*)):

(4) *There was a man there talked all the time about Genesee. I went weekends with him and found a peace I'd never had* (Gibson, 305).

- расширение модели за счет ввода еще одного существительного, детализирующего интервалы между повторяющимися действиями:

(5) *He would write out the cheques, sitting at his desk, on Sunday morning, as he always did* (Crisp, 11).

Важной особенностью здесь является то, что словосочетания, образованные по модели «2», выражают цикличную итеративность с заданным интервалом.

Специфика третьей модели определяется использованием одной именной лексемы дважды (*months and months, briefing after briefing*):

(6) *Jonathan kept at it, fiercely, day after day, from before sunrise till past midnight* (Bach, www).

В силу идентичности обозначаемых данными сочетаниями сущностей они указывают на равнозначность периодов между итерациями.

Наибольшим разнообразием отличаются словосочетания, образованные по модели «4». Единицы, составляющие эту группу, выражают как цикличную итеративность, так и спорадичность повторений. Приведем несколько примеров:

(7) *"It says," Miss Tottle read, "This was Winston Churchill's favourite haunt and from his balcony he painted the Atlas sunset time and again."* (Dahl, 68)

Здесь словосочетание *time and again* выражает идею неограниченной рекуррентности, но не содержит никаких указаний на цикличность повторений, ввиду незаданности интервала между повторяющимися действиями.

(8) *"May I go on, madam? Thank you. Not long ago, I was fooling about in my Inventing Room, stirring stuff around and mixing things up the way I do every afternoon at four o'clock..."* (Dahl, www)

Данный пример представляет собой случай, когда интервал между повторяющимися действиями определен достаточно строго, с наибольшим количеством детализирующих компонентов.

(9) *Now and again, but not very often, a customer would enter the office from the shop and would hand his chosen volume to Miss Tottle...* (Dahl, 60).

Пример (9) также представляет разновидность модели «4», когда место существительного в модели **N – Conj – Adv** занимает наречие и модель принимает следующий вид: **Adv – Conj – Adv**. Данное словосочетание передает значение неограниченной рекуррентности.

Уточнение количества действий в периоде выражается в следующих моделях:

5) **Num – N – N₂** (*three times a year*);

6) **Adv – N** (*once a year, twice a year*);

Особенностью лексического наполнения модели «5» является обязательное наличие существительного *time* в форме множественного числа (в функции дейктика количественного атрибута периодичности). Позицию второго существительного в рассматриваемой модели занимает любое существительное, обозначающее отрезок времени.

(10) *Cooking was Mary Ashley's secret bête noir. She hated to cook... It was a vicious circle that had partly been solved by having Lucinda come in three times a week to cook and clean the house* (Sheldon, 98).

Прямой счет в подобных словосочетаниях может задаваться прилагательными *several, many* и *few*.

(11) *Henry waited eagerly at one end of the road Robbins took at least three times a week, and at the other end of the road, at the very edge of the town of Manchester, the county seat, was another boy, Louis, who was eight in 1840 when Henry was sixteen and an accomplished groom* (Jones, www).

Словосочетание представленное в примере (11) представляет собой вариацию модели «5». В плане счета повторяющихся действий или ситуаций данный пример можно рассматривать как промежуточный. В примерах подобных этому числительное, обозначающее точное количество повторов, может сочетаться с аппроксиматорами *about*,

around, at least, nearly, approximately, practically, в результате чего, во-первых, «размывается» степень точности периодов, во-вторых, снимается категоричность высказывания. В некоторых случаях, несмотря на использование точного порядкового числительного, счет представляется неточным:

(12) *I hear noise at the ward door, off up the hall out of my sight. That ward door starts opening at eight and opens and closes a thousand times a day...* (Keseey, www)

В данном случае числительное, входя в сочетание, образует гиперболу, акцентируя тем самым необычайную раздражающую многократность действия (прагматическая составляющая смысла).

В качестве первого элемента модели «б» могут выступать лишь три наречия – *once, twice, thrice* – которые используются для обозначения точного числа действий:

(13) *When I was younger I used to think the prayer book was wrong in requiring us to say the general confession twice a week from childhood to old age without making provision for our not being quite such great sinners at seventy as we had been at seven...* (Butler, 107).

Уточнение количества действий без ограничения периода выражается в конструкциях, образуемых по моделям:

- 7) **Num – N** (two times); **Adj – N** (several times); **N – Prp – N₂** (*a couple of times*); **PrN – N** (*this time*);
- 8) **Adv – Conj – Adv** (*again and again*);
- 9) **Adv – Adv₂** (*once again*).

Отличительной особенностью лексического наполнения модели «7» является использование при актуализации этой модели существительного *time*. Это объясняется тем, что словосочетания рассматриваемой группы выражают счет событий:

(14) *I went through recovery, came out clean, and lasted about a year. Then, rehab again. I've been through treatment three times, the last was five years ago* (Grisham, 226).

Словосочетание *three times* выражает идею прямого счета с указанием определенного количества. В качестве еще одного варианта предложенной модели можно рассматривать случай, когда вместо существительного с числительным используется наречие. Примером этого может служить словосочетание *once or twice*. Прямой счет может быть вообще не связан с точным числом повторов, как в примере (15):

(15) *It's a kind of long story what all happened nex, but anyway, I begun to play football. ...We had this thing where you sposed to block people an they were tryin to splain it all, but when we tried it a bunch of times everbody seemed to be gettin disgusted cause I couldn't remember what I was sposed to do* (Groom, www).

Модель «7» может быть представлена словосочетаниями, выражающими идею не только прямого, но и косвенного счета:

(16) *On weekends he could be seen lounging on the quad in blue jeans, discussing computer graphics or religious history with students; other times he could be spotted in Harris tweed and paisley vest, photographed in the pages of upscale art magazines at museum openings where he had been asked to lecture* (Brown, 5).

В приведенном выше примере счет событий связан с выделением одного конкретного действия из ряда ему подобных. Это значение передается также словосочетаниями *each time, that time, this time*.

Отдельно следует рассматривать порядковый счет:

(17) “*And what exactly might you be wanting?*” *Rummins asked. For the second time this morning, Mr. Boggis explained at some length the aims and ideals of the Society for the Preservation of Rare Furniture* (Dahl, 12).

Здесь имеет место фиксация очередности действий в ряду. Благодаря числительному, словосочетание в данном предложении выражает значение точного порядкового счета. Словосочетания, образованные по модели «7» передают также идею неточного порядкового счета (пример (18)):

(18) “*...And maybe I'm feeling guilty and powerless enough to keep it going, this feeling of wanting to do something, and there's this kid sitting by the cashpoint with a blanket and a dog, and I give him fifty pence, and that changes nothing either, because next time I go to the cashpoint he's still sitting there, and my fifty pence has done nothing.*” (Hornby, www)

В примере (18) прилагательное *next* не позволяет определить количество совершенных действий, но указывает на их последовательность. Неточный порядковый счет передается также выражением *(for) the last time*.

Словосочетания, образуемые по моделям «8» и «9» также связаны со счетом количества совершенных действий:

(19) *Once again the lift doors opened and four or five witches and wizards got out; at the same time, several paper aeroplanes swooped into the lift* (Rowling, www).

Здесь счет событий также является косвенным и связан с указанием на факт повтора какого-либо действия при аффектированном выделении самого действия. К данной группе также относятся словосочетания типа: *again and again, over and over, once more*.

Уточнение длительности действия в периоде выражается словосочетаниями, построенными по следующим моделям:

10) Num – N/Ns – N₂ (*one week a year*);

11) N (*her childhood summers*);

12) PrN – N – PrN₂ – N₂ (*from morning till night*).

Рассматриваемое значение актуализируется в следующих примерах:

(20) *He spoke fluent German and spent at least one month a year in that great country* (Grisham, 258).

Этот пример представляет собой случай девиации модели «10». Здесь словосочетание не только задает длительность действия в периоде (*one month a year*), но и указывает на минимальность этого срока (*at least*).

(21) *She spent all her childhood summers with them in Scotland and she just can't see that they're a bit strange* (Kinsella, www).

Пример (21) содержит словосочетание, образуемое по модели «11», когда период, в течение которого происходит действие, задается существительным темпоральной

семантики, но в данном конкретном случае модель претерпела некоторые изменения – имеет место расширение модели за счет введения местоимения *her* и существительного *childhood*, выполняющего функцию определения для существительного *summers*, и темпорально локализирующего период, во время которого происходило действие.

(22) *But I, and the rest who continued well, enjoyed fully the beauties of the scene and season: they let us ramble in the wood, like gipsies, from morning till night; we did what we liked, went where we liked: we lived better too* (Brontë, 95).

Словосочетание в приведенном примере (22) образовано по модели «12». Особенность этого словосочетания (и всех словосочетаний данной группы) заключается в том, что сам период, во время которого протекает повторяющееся действие, не называется, но указываются его границы.

Проведенный анализ языковой фактологии показывает, что словосочетания, выражающие итеративную множественность, служат уточнению, конкретизации

- длительности периодов, через которые действие повторяется (цикличность и спорадическое проявление);
- количества действий, совершаемых за определенный период (точное, приблизительное либо неточное число повторов за единицу времени);
- количества совершенных действий, повторов (либо прямой счет с указанием или без указания точного числа, либо косвенный счет с выделением одного конкретного действия из ряда ему подобных или с указанием на факт повтора какого-либо действия при аффектированном выделении самого действия, либо точный или неточный порядковый счет, фиксирующий очередность действий в ряду); а также длительности действия в периоде.

Библиографический список

1. Трунова, О. В. О категоризации, категориях и категориальном значении / О. В. Трунова // Коммуникативно-парадигматические аспекты исследования языковых единиц. Сборник статей к юбилею Марка Яковлевича Блоха. В 2-х частях. Часть I. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 261–267.

Список источников иллюстративного материала

1. Bach, R. Jonathan Livingston Seagull [Электрон. ресурс] – Режим доступа: www.azbuk.net
2. Bombeck, E. When You Look Like Your Passport Photo, It's Time to Go Home / E. Bombeck. – N.Y., 1992. – 275 p.
3. Brontë, Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – 284 p.
4. Brown, D. Angels and Demons / D. Brown. – NY, 2001 – 608 p.
5. Butler, S. Ernest Pontifex or the Way of All Flesh / S. Butler // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – 356 p.
6. Crisp, N.J. A Family Affair / N. J. Crisp. – Essex, 1979. – 252 p.
7. Dahl, R. Charlie and the Chocolate Factory [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/dahl_roald/charlie_1_charlie_and_the_chocolate_factory/
8. Dahl, R. Lamb to the Slaughter / R. Dahl – Penguin Books. – 87 p.
9. Gibson, E. Old Photographs / E. Gibson. – Oxford. – 349 p.

10. Grisham, J. The Firm / J. Grisham. – New York, 1992. – 501 p.
11. Groom, W. Forrest Gump [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/grum_uinston/forrest_gump_1_forrest_gump/
12. Hornby, N. How to Be Good [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/hornby_nick/how_to_be_good/
13. Jones, E.P. The Known World [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/jones_edward_p/the_known_world/
14. Kelsey, K. One Flew Over the Cuckoo's Nest [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/kizi_ken/one_flew_over_the_cuckoo_s_nest/
15. Kinsella, S. The Secret Dreamworld of a Shopaholic [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/kinsella_sophie/the_secret_dreamworld_of_a_shopaholic/
16. Rowling, J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://artefact.lib.ru/library/books/rowling/Harry_Potter_and_the_Order_of_the_Phoenix_US.rar
17. Sheldon, S. Windmills of the Gods / S. Sheldon – New York, 1987. – 434 p.

*С.В. Кустова
Барнаул*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ СТУДЕНТОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТ-ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Современные тенденции обучения иностранным языкам предусматривают тесную взаимосвязь прагматического и культурного аспектов содержания с решением задач воспитательного и образовательного характера в процессе развития умений иноязычного речевого общения и требуют изменений в подготовке преподавателей иностранного языка как основы реализации новой учебной парадигмы. Использование современных средств обучения, среди которых интерактивные и мультимедийные ресурсы занимают ведущее место, необходимо в том случае, если мы стремимся подготовить профессионального, стремящегося к постоянному обновлению и совершенствованию, конкурентоспособного, интересного современным школьникам педагога, преподавателя иностранного языка.

Таким образом, новый качественный уровень подготовки преподавателей иностранных языков в вузе должен характеризоваться тем, что студенты должны стремиться овладеть не только иными языковыми средствами выражения мысли, но и научиться приобщаться к иной культуре в самом широком её контексте. Это поможет им в будущем свободно интегрироваться в мировую систему общечеловеческих и профессиональных взаимоотношений, глубже осознать себя как представителя иной социокультурной общности, развить своё профессиональное сознание.

Полученные наукой данные о взаимосвязи чтения и говорения подтверждают, во-первых равнозначность целей обучения устной речи и чтению на протяжении всего учебного процесса по овладению иностранным языком и, во-вторых необходимость оптимального распределения временных затрат на чтение и говорение на уроке и вне его

(в домашней самостоятельной работе). Невыполнение этих двух требований на практике является одной из причин недостаточного развития умений иноязычного общения.

В контексте новых подходов и изменений в стратегиях обучения иностранному языку и языкового образования в целом, домашнее чтение произведений художественной литературы страны изучаемого языка становится важным и неотъемлемым аспектом процесса обучения иностранным языкам. Именно домашнее чтение может способствовать тому, чтобы чтение из учебной деятельности превратилось в увлекательное занятие, стало естественно-мотивированным, чтобы у будущих преподавателей сформировалась устойчивая потребность к самостоятельному чтению литературы на иностранном языке, такая, которую в будущем они будут формировать у своих учащихся. В процессе изучения иноязычного литературного произведения студенты получают возможность приобщиться к чтению как к реальной речевой деятельности – опосредованному общению, к литературе, а, следовательно, и к культуре народа, языком которого студенты-педагоги овладевают в рамках общего культуроведческого подхода к изучению иностранного языка.

При правильном научно обоснованном подходе к организации и методике проведения домашнего чтения в условиях лично-ориентированного обучения ИЯ студентов – будущих преподавателей иностранного языка, оно способно внести желаемые изменения в иерархическую структуру мотивационной сферы учебной деятельности по овладению иностранным языком, в развитие личностных и профессиональных качеств. Успех этой деятельности, в частности, зависит от того, насколько педагогически и методически обоснованно будут сформулированы функции и задачи домашнего чтения и выбраны способы их реализации.

В свете современных подходов к языковому образованию ведущей **образовательной** функцией домашнего чтения в педагогическом вузе может стать функция культуросозидательная, обеспечивающая сохранение, передачу и развитие общеобразовательной культуры средствами её литературно-художественного компонента, предполагающего доступ будущих педагогов к иной национальной культуре и тем самым к мировой культуре.

В качестве ведущей **развивающей** функции аспекта «домашнее чтение» в педагогическом вузе правомерно рассматривать формирование самостоятельного эстетического отношения к окружающему миру, гуманистических ценностных ориентаций, развитие когнитивных способностей студентов-педагогов в процессе знакомства с лучшими произведениями зарубежной литературы, объединённых идеей создания образа человека, личности, его неповторимости во взаимодействиях с историей, социальным миром, природой.

Ведущая **обучающая** функция домашнего чтения в педагогическом вузе заключается в развитии коммуникативных умений чтения не только как одного из видов речевой деятельности на ИЯ, но и чтения, как особого вида человеческой деятельности. Развитие умений интеллектуального чтения, которое, затрагивая личность обучаемого, его

интеллектуальную, эмоциональную и мотивационную сферы, предполагает понимание эксплицитно и имплицитно заложенной информации, интерпретацию прочитанного, соотнесение содержания произведения со своим личным опытом и умение аргументировано изложить своё понимание проблем, затронутых в художественном произведении.

Осмысление содержания художественного произведения требует активной деятельности по отбору, синтезу фактологического материала и эмоционального фона произведения. Таким образом, возрастает информационная нагрузка в процессе обучения домашнему чтению, рутинные способы передачи, хранения и обработки информации становятся всё менее эффективными, что снижает интерес студентов к обучению, не развивает их как будущих профессионалов, преподавателей. Использование же информационных технологий раскрывает значительные возможности компьютера как средства обучения. Мультимедийные обучающие программы имеют определённые преимущества перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в различных комбинациях; помогают создавать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия; способствуют реализации индивидуального подхода и интенсификации самостоятельной работы студента.

Разнообразие тем, видов деятельности, красочность, увлекательность компьютерных программ позволяет реализовать разные цели и задачи обучения, в том числе и обучение иноязычному чтению. Существующие сегодня программы предоставляют возможность выводить информацию в виде текста, звука и видеоизображения. Обучение с помощью компьютера делает возможным организовать самостоятельные действия каждого студента, группы.

Современные мультимедиа технологии рассматриваются нами как информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация и др.), реализующие интерактивный диалог с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации. На наш взгляд, обучение с помощью таких технологий даёт наибольший эффект, в том случае, когда студенты вовлекаются в активную когнитивную деятельность по осмыслению и закреплению учебного материала, применению знаний в ходе решения проблемных задач. Компьютерные обучающие программы в свою очередь предъявляют обучающемуся студенту задания тренирующих упражнений, оценивают их выполнение, оказывают оперативную помощь в виде подсказок, разъяснения типовых ошибок, предъявления соответствующего теоретического материала, что на наш взгляд определяет рациональность использования новейших технологий в обучении иностранным языкам в высшем учебном заведении. Конструктивным, для обучения иноязычному чтению, представляется использование мультимедийного ресурса объединяющего возможности мультимедиа с идеями проблемного, интерактивного обучения. При использовании интерактивной стратегии обучения роль преподавателя резко меняется – она перестаёт быть центральной. Преподаватель лишь регулирует учебно-воспитательный процесс,

занимается его общей организацией, определяет общее направление (готовит заранее необходимые задания и формулирует вопросы или темы для обсуждения), контролирует время и порядок выполнения намеченного плана работы, дает консультации, помогает в случае серьезных затруднений. При этом у учащихся появляются дополнительные источники информации – книги, словари, энциклопедии, поисковые компьютерные программы, в нашем случае – мультимедийный ресурс, специально разработанный для организации обучения домашнему чтению.

Среди основных критериев эффективности использования мультимедийных средств обучения на занятиях по иностранному языку выделяются следующие: во-первых, они должны повышать производительность труда; во-вторых, осуществлять обратную связь и контроль всех действий студентов; в-третьих, повышать интерес к изучению языка. Помимо этого, программы должны носить диалоговый характер для развития самостоятельности студентов. В целях последующей самореализации студентов как профессионалов, необходимо развитие их способностей и гармоничной индивидуальности личности будущего педагога.

С использованием мультимедийных средств обучения решается задача алгоритмизации и автоматизации процесса составления проблемных заданий средствами компьютера на основе формализации некоторых элементов этого процесса. Легко поддаются автоматизации упражнения по обучению иностранным языкам, связанные с заполнением пропуска, перестановкой, выбором, удалением лишнего элемента, упражнения, оболочки для которых широко представлены в программах и могут быть эффективно использованы в процессе организации обучения иноязычному чтению.

Исходя из вышеперечисленных возможностей, предоставляемых мультимедийными средствами обучения, и принимая во внимание требования, предъявляемые к организации обучения с применением мультимедийных ресурсов, следует подробнее остановиться на пошаговом описании методики создания такого ресурса для использования на занятиях по домашнему чтению.

Шаг первый – выбор художественного произведения. Выбор книги для чтения может быть продиктован различными причинами, но если в учебный процесс планируется включать мультимедийный ресурс, следует учитывать и эффективно использовать возможности такого ресурса. В связи с этим, важно, чтобы мультимедийная презентация была создана таким образом, чтобы она отвечала основным целям обучения, формировала устойчивый интерес, мотивацию к прочтению произведения. Максимально возможное количество информации о самом произведении, как фактологической, так и наглядной, позволяет заинтересовать студента ещё на начальном этапе работы с книгой. Важно ознакомить студентов с биографией автора, проследить возможные связи с историей общества или страны изучаемого языка, политическими, историческими личностями, деятелями искусств. Возможность использования звукового сопровождения презентации делает её ещё более эффектной и создаёт положительный эмоциональный фон в студенческой аудитории. Таким образом, максимальное использование визуализации

материала, интерактивность предлагаемого ресурса, позволяет задействовать практически все каналы восприятия, уйти от линейной подачи материала, адаптировав восприятие информации под современный процесс освоения информационного пространства.

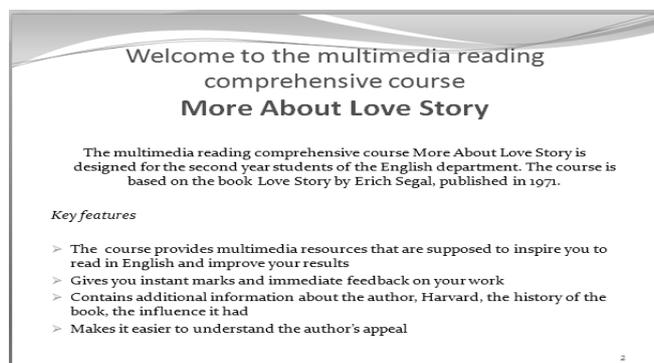
Шаг второй – создание синопсиса, подробного описания разрабатываемого ресурса. Синопсис мультимедийного проекта – дидактическое руководство к действию преподавателя. В нём отражается содержание и алгоритм освоения темы, в нашем случае – изучения произведения. В синопсис заносятся цели, задачи ресурса, определяется его предназначение и ориентация на определённую группу студентов, описываются типы упражнений, включаются лексические единицы, подлежащие обработке в этих упражнениях, описывается содержание каждого слайда презентации. На этапе написания синопсиса происходит накопление наглядного материала, звукового, видео сопровождения.

Шаг третий – создание мультимедийного ресурса. При создании ресурса, следует обращать внимание на то, что это принципиально иной способ подачи информации. Наглядность, занимательность, оригинальность представления материала – всё это облегчает работу по освоению языка, увлекает, заинтересовывает студента, позволяет ему продвигаться в удобном для него темпе, возвращаться к изучаемому, а также получать объективную оценку и повышать свой результат без участия преподавателя, то есть активизировать себя как субъекта обучения.

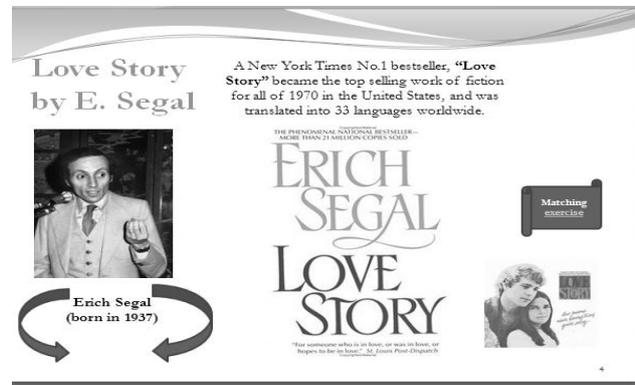
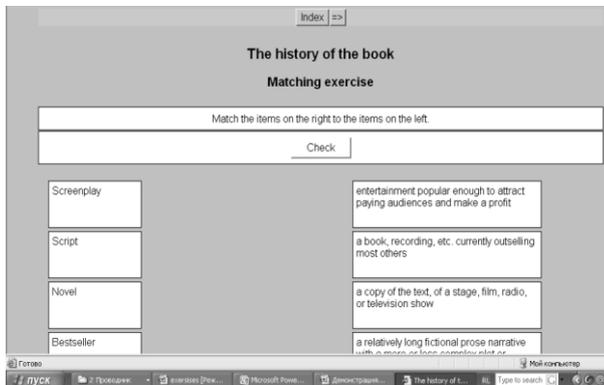
На данный момент на кафедре английского языка проходит апробацию мультимедийный ресурс “More About Love Story”, созданный для студентов заочной формы обучения. Основное средство создания ресурса – мультимедийная презентация в режиме Power Point, а также программа Hot Potatoes, демонстрационная версия которой доступна в Интернет. Цель данного ресурса – ознакомление студентов с творчеством

Эриха Сигала, современного английского писателя, с одним из его наиболее популярных произведений “Love Story”. Задачи данного ресурса – мотивировать студентов к чтению литературы на английском языке, ознакомить их с историей образования Гарварда, историей создания произведения, влиянием, оказанным данным произведением на развитие американской кинематографии.

Первый и второй слайды содержат название ресурса, аннотацию мультимедийного ресурса, обращение к студентам с уточнением преимуществ данного ресурса для ознакомления с произведением. Третий слайд – содержание ресурса. При нажатии на

заголовки слайдов открывается гиперссылка на соответствующий слайд. *Четвёртый слайд* – портрет Эриха Сигала, обложка книги, упражнение. При нажатии на обложку книги, открывается гиперссылка на историю создания произведения. Упражнение типа “Matching exercise” направлено на проверку сформированности навыка чтения с детальным пониманием прочитанного и основано на информации и лексике отрывка из гиперссылки.

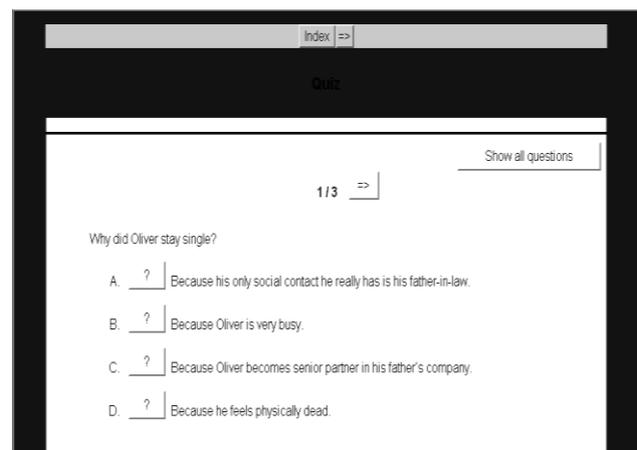
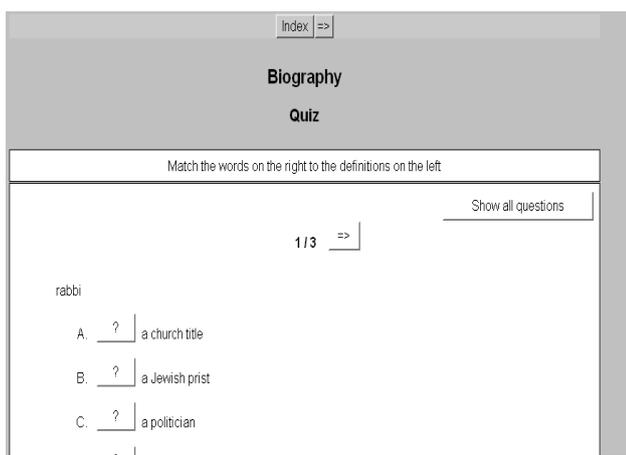
Match the items on the right to the items on the left

Screenplay – the story written for a movie

Novel – a long story

Script – short dialogues for a movie

Bestseller – the book that sells well

Упражнение Biography Quiz на расширение словарного запаса студентов.

Match the words on the right to the definitions on the left

Rabbi – a church title; a Jewish priest; a politician; a Jewish title of respect or honor for a teacher or doctor of the law. **Salutatorian** – the student reciting poems well; the student usually having the second highest rank in a graduating class; the student writing poems in Latin well; the student, who studied Latin poetry.

Упражнение Quiz контролирует понимание текстов, раскрывающих содержание двух других произведений Эриха Сигала.

Choose the best answer to the questions

Why did Oliver stay single?

- Because his only social contact he really had was his father-in-law.
- Because Oliver was very busy.

<...>

Why did Oliver and Marcie finally separate?

- They often could not see each other for a week or even more, which was not too beneficial for their love.

<...>

What is the book Doctors about?

- It's about Barney Livingston's and Laura Castellano's lives, and their entry into and settling in the medical world.

<...>

Отличительной особенностью программы Hot Potatoes является то, что программа автономно ведёт подсчёт верно и не верно выполненных заданий, выдаёт информацию студенту, по завершении упражнения, предоставляет возможность воспользоваться подсказкой, за что снимает баллы, отключить подсказку, регламентировать время выполнения упражнения.

Таким образом, мы склонны предполагать, что чёткие подходы к организации и методическому обеспечению обучения домашнему чтению позволяют достичь оптимальной соотносённости между текстовой основой и мультимедийным сопровождением. В этом случае домашнее чтение как самостоятельный аспект учебного предмета «иностранный язык» обеспечит, с одной стороны, развитие умений собственно чтения на иностранном языке, с другой стороны, будет стимулировать развитие коммуникативных и профессиональных умений будущего преподавателя иностранного языка.

*Е.М. Леденева
Барнаул*

НЕКОТОРЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ИМИТАЦИИ СКОРОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Известно, что значительную долю смысловой нагрузки художественного произведения несет его лексика – слова, форма которых не имеет ничего общего с их содержанием. Тем не менее, в художественном тексте, также как и системе языка, можно наблюдать случаи, когда именно форма выражает значение. Синтаксис художественного произведения в этом отношении обладает большим потенциалом. С его помощью можно создавать зримые картины, показывать динамику действия или же передавать ход мыслей персонажа. Это явление, способность формы передавать значение, называется иконичностью.

Иконичность есть свойство языкового знака, проявляющееся в наличии между его двумя сторонами, означающим и означаемым, некоторого материального (изобразительного, звукового и т. п.) или структурного подобия. Знак, который замещает свой объект потому, что на него похож, называется иконическим знаком, в отличие от

знаков символов, которые никакого сходства с обозначаемым объектом не имеют (Пирс 2000: 201). Важнейшим фактором, определяющим, иконичен знак или нет, является интерпретатор. Объект может быть иконическим знаком оригинала только тогда, когда интерпретатор знака интерпретирует его как знак оригинала (Morris 1974).

В языке как знаковой системе иконичность наблюдается на разных уровнях, а особенно явно проявляется на уровне синтаксиса. Например, исследователями было отмечено, что взаимодействующие в реальности объекты упоминаются в высказывании недалеко друг от друга (Bolinger 1968: 241), или, что временной порядок речевых форм отражает порядок повествуемых событий во времени (*veni, vidi, vici*) (Якобсон 2001). Возможные случаи иконичности были сведены к трем основополагающим принципам, которые отражают либо зависимость количества языкового материала от объема или степени важности закодированной информации, сложности когнитивной модели описываемого объекта (принцип количества), либо зависимость расположения языковых единиц относительно друг друга в синтагматическом ряду от отношений, существующих между описываемыми объектами (принципы близости и линейного порядка) (Givón 1991: 89-99).

В последнее время теория иконичности получила распространение в различных областях лингвистики, в том числе и в рамках стилистики. По словам Дж. Лича и М. Шорта литературное выражение имеет не только выразительную, но и изобразительную функцию. Они считают, что иконичность художественного текста проявляется в значительной степени на синтаксическом уровне. Например, синтаксический порядок может отражать порядок, в котором впечатления возникают в сознании, имитируя мыслительные процессы вымышленного рассказчика, что часто встречается в прозе, написанной техникой «поток сознания» (Leech, Short 1981: 235). Иконичность художественного текста имеет свои особенности. Она, по мнению О. Фишер и М. Нэнни, часто носит скрытый характер. Восприятие иконических черт зависит от способности читателя видеть связи между значением знака или текста и формальными средствами, использованными для их выражения. Кроме того, иконичность в литературе семантически мотивирована. Таким образом, значение знака-иконы возникает при интерпретации, и только в том случае, если с ним совместимо значение анализируемого отрывка (Fischer, Nanny: www).

Как уже было сказано, синтаксическая форма сама по себе способна передавать значение или же усиливать смысл, который передается другими средствами (например, лексикой), тем самым оказывая дополнительное воздействие на читателя и вызывая в его сознании возникновение чувственных образов. Для того, чтобы та или иная структура воспринималась, как иконичная, необходимо, чтобы ее форма соответствовала смыслу анализируемого отрывка. В данной статье будут рассмотрены некоторые из возможных способов имитации скорости действия при помощи синтаксиса. Одним из синтаксических способов имитации скорости действия (движения) является варьирование длины предложения. Быстрые внезапные действия передаются короткими

(нераспространенными, эллиптическими, номинативными) предложениями. В примере (1) описывается работа героя романа Дж. Стейнбека «Гроздь гнева» Тома, собирающего персики. Средняя длина предложения в данном примере 4,4 слова, что почти в пять раз меньше нормы (20-22 слова), установленной зарубежными лингвистами (Willams 1989: 111). Короткие предложения создают быстрый, напряженный ритм. Меньшая продолжительность звучания предложения создает впечатление меньшей продолжительности описываемого действия. Быстрая смена описаний событий имитирует быстрое чередование (протекание) этих событий в вымышленной реальности.

(1) *Tom ran at his work. One bucket full, two buckets. He dumped them in a box. Three buckets. The box was full* (Steinbeck (b), 374).

Увеличение скорости восприятия в примере (1) происходит из-за уменьшения длины предложения, что в свою очередь достигается за счет использования эллипса, номинативных предложений, асиндетона. Построение мысленного образа, создаваемого синтаксическими конструкциями, запускается семантикой глагола *run* ('to move quickly') (MED 2002: 1242).

Следует подчеркнуть, что существует прямая зависимость между временем протекания действия и количеством языкового материала, описывающего данное действие: чем короче действие, тем меньше слов используется автором для его описания. Резкое однократное (кратковременное) действие может передаваться простым нераспространенным предложением. Эффект внезапности и скорости может усиливаться за счет контраста между длиной данного предложения и длиной предложений из окружающего контекста (пример (2)).

(2) *She was brushing water through her hair with her fingers when a step sounded on the concrete floor behind her. **Ma swung around.** An elderly man stood looking at her with an expression of righteous shock* (Steinbeck (b), 310).

В примере (2) синтаксис поддерживает семантику глагола *swing* 'to turn quickly round' (LDELC 2005: 1408). Подобное соответствие лексического значения и синтаксической структуры можно наблюдать в примере (3). Семантика глаголов *dash* ('to run or go somewhere very quickly because you are in a hurry' (MED 2002: 351)) и *shoot* ('to move very suddenly and quickly' (MED 2002: 1313)) содержит сему [скорость]. Структура предложений, содержащих данные глаголы, дублирует это значение: первое предложение состоит всего из двух слов, второе – из трех.

(3) *"Allen," I said, "you tell Mr. Marullo I'm not dressed. Tell him he can come back later. But if he's in a hurry, he can come in the front door if he wants to see me alone."* **He dashed.**

"I don't know what he wants. Maybe the store's been robbed."

Allen shot back. *"He's going around front."* (Steinbeck (c), 95)

Быстрое чередование действий за единицу времени передается цепочкой однородных глаголов, как правило, объединенных асиндетоном (примеры (4), (5)).

(4) *Pa and Al and Uncle John loaded quickly, piled the blankets on top of Tom's cave, stood the buckets against the sides, spread the last mattress behind* (Steinbeck (b), 402).

(5) *The boy galloped up to the house, yanked off his hat, flung a yellow envelope on the ground, spun his horse around, and kicked up a gallop again* (Steinbeck (a), 312).

В семантике лексики примеров (4) и (5) есть указание на скорость, в первом случае *quickly*, во втором, в семантике глаголов *gallop*, *yank*, *fling*, *spin* присутствует сема [скорость] (MED 2002: 581, 1668, 537, 1377). Эффект, производимый синтаксисом, поддерживается и на фонетическом уровне: практически все глаголы в примере (5) являются односложными словами с кратким гласным.

Синтаксисом может передаваться также скорость и внезапность изменения состояния. В примере (7) неполная (эллиптическая) структура предложения подчеркивает быстрое изменение состояния героя. При помощи эллипсиса у читателя создается впечатление, что герой уснул так неожиданно, что не успел осознать это и полностью оформить свою мысль.

(6) *And darned if I didn't go to sleep. Dropped off a cliff into the dark, right there in the living room* (Steinbeck (c), 103).

Резкое, неожиданное изменение скорости может передаваться при помощи нарушения структуры предложения и внесения в нее дополнительных элементов, как в примере (6). Для описания действия (поворота головки воробья) используется междометный глагол *flick*, который вносится в предложение, нарушая ровное течение повествования. В данной языковой единице происходит синестетическая компрессия информации: одновременно имитируются и само движение, и его стремительность, и звук, который может сопровождать данное движение (шелест крыльев). Внезапность и неожиданность действия для героя подчеркивается в тексте графически, при помощи восклицательного знака в середине предложения. Более того, в семантике глагола *flick* присутствует сема скорости ('to move quickly and suddenly' (MED 2002: 536)).

(7) *A sparrow slanted across the sunlight, onto the window ledge, and cocked his head at me. His eye was round and bright. First he'd watch me with one eye, then **flick!** and it would be the other one, his throat pumping faster than any pulse* (Faulkner, 79).

В примере (8) скорость протекания действия также изменяется в рамках одного предложения. В первой его части при помощи номинативных предложений и анафорического повтора создается быстрый, резкий ритм, затем происходит смена ритма, что отражается на синтаксическом уровне. Пауза передается обособлением и обозначается графически с помощью тире, после паузы скорость замедляется при помощи цепочки однородных субстантивированных прилагательных. Следует отметить, что однородные прилагательные, перечисляющие признаки, свойства, качества субъектов или объектов, в меньшей степени способствуют созданию динамичных картин, в отличие от однородных глаголов или существительных, так как однородные прилагательные фокусируют внимание читателя на одном и том же объекте в течение некоторого времени, и смены действий не происходит. Указание на изменение скорости есть и на лексическом уровне: в первой части предложения повтор существительного *speed*, во второй – использование существительного *slowness*.

(8) *Speed but no rush, speed for the man who will not wait, and then – the casual slowness of the informed, the smart, the chic, the confident, the lady with pretty legs and immaculate white gloves* (Steinbeck (c), 175).

В данной работе были показаны некоторые возможные способы имитации скорости при помощи синтаксиса, используемые авторами при написании художественного произведения. В основном эффект скорости создается стилистическими средствами, основанными на недостатке элементов: нераспространенные, номинативные предложения, эллипсис, асиндетон. Большое значение имеет длина предложения: чем быстрее происходит действие и чем меньше времени оно занимает, тем меньше языкового материала требуется для его описания. На структуре предложения также отражается изменение скорости описываемого действия. Все это позволяет сделать вывод о том, что в художественном тексте синтаксис несет дополнительную информацию, за счет которой усиливается воздействие на читателя. Теория иконичности позволяет проследить, каким образом информация кодируется в структуре предложения, поэтому изучение иконичности синтаксиса в художественном тексте имеет большое значение для стилистики.

Библиографический список

1. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М. : Логос, 2000. – 201 с.
2. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика: Антология. Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 111–126.
3. Bolinger, D. Aspects of Language / D. Bolinger. – New York, Chicago, San Francisco, Atlanta : Harcourt, Brace & World, INC., 1968. – 326 p.
4. Fischer, O., Nänny, M. Iconicity: Literary Texts [Электрон. ресурс] / O. Fisher, M. Nänny. – Режим доступа: <http://home.medewerker.uva.nl/o.c.m.fischer/bestanden/Iconicity%20in%20literary%20texts%20final.doc>
5. Givón, T. Isomorphism in the Grammatical Code: Cognitive and Biological Considerations / T. Givón // Studies in Language. Philadelphia : John Benjamins Publishing company, Vol. 15, No.1, 1991. – P. 85–114.
6. Leech, G., Short, M. Style in Fiction. A Linguistic Introduction to English Fictional Prose / G. Leech, M. Short. – London and New York : Longman, 1981. – 402 p.
7. Morris, Ch. Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values / Ch. Morris. – The M.I.T. Press, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Massachusetts, 1974. – 254 p.
8. Willams, J. Style. Ten Lessons in Clarity and Grace / J. Willam. – Harper Collins Publishers, 1989. – 351 p.
9. [LDEL] Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Pearson Education Limited, 2005. – 1568 p.
10. [MED] Macmillan English Dictionary. – London, Macmillan Publishers Limited, Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1690 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Faulkner, W. The Sound and the Fury / W. Faulkner. – New York : Vintage International. Vintage Books. A Division of Random House, Inc, 1990. – 326 p.
2. Steinbeck, J. (a) East of Eden / J. Steinbeck. – London : Penguin Books Ltd, 2000. – 640 p.
3. Steinbeck, J. (b) The Grapes of Wrath / J. Steinbeck. – Moscow : Progress Publishers, 1978. – 530 p.
4. Steinbeck, J. (c) The Winter of Our Discontent / J. Steinbeck. – London : Penguin Books Ltd, 2000. – 276 p.

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БЛИЖНЕЙ ПЕРИФЕРИИ ФРЕЙМА «ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДПОЧТЕНИЕ»

Базовая идея операционального предпочтения (сознательного выбора), актуализуемая семантикой глаголов *prefer* и *choose*, приобретает различные оттенки в синонимичных им единицах, относящихся к ближней периферии. Критерием отнесения слова к данной группе лексических единиц является наличие в его лексикографическом толковании лексемы-идентификатора фрейма (*prefer/choose*). Применение обозначенного критерия позволило выявить следующие языковые единицы, структурно-семантическому анализу которых и посвящено настоящее исследование: *select (selection), elect (election), vote for, appoint, single out, opt for (opt out) (option), pick (out), cull, plump for, go for*.

Коннотативные признаки, позволяющие отличать данные синонимы при их актуализации в речи, можно сгруппировать по следующим параметрам:

- 1) серьезность ситуации;
- 2) тщательность выбора;
- 3) факторы, определяющие выбор;
- 4) наличие двух/множества выбираемых объектов;
- 5) взаимозаменяемость/взаимоисключаемость альтернатив.

Так, глагол *select* (и его производное существительное *selection*) наряду с денотативным значением, присущим глаголу *choose*, имеет добавочные коннотативные компоненты: 1) тщательный выбор (отбор) 2) из группы/множества 3) взаимозаменяемых альтернатив:

(1) *7:55 a.m. Open wardrobe. Stare at clothes.*

8 a.m. Select a shirt. Try to find black Lycra miniskirt (Fielding, 80).

(2) *If nature were left alone it would settle its problems before they arose – by natural selection of the fittest* (Hailey (b), 83).

В экстенционал понятия разговорного глагола *pick (out)* включаются элементы 1) тщательный отбор 2) из множества объектов, 3) отражающий личные склонности, вкусы субъекта:

(3) *We avoided Tourist Homes ... But I did surrender, now and then, to Lo's predilection for 'real' hotels. She would pick out in the book some highly recommended lake lodge which offered all sorts of things* (Nabokov, 159).

Кроме того, *pick* в комбинации с глаголом *choose* образует устойчивое сочетание *pick and choose*, используемое для интенсификации фактора личной пристрастности, придирчивости в выборе:

(4) *We had invited Spruills, this was done out of a sense of friendliness and Christian concern, though I wanted to pick and choose. Tally would be welcome; the rest could stay in the front yard for all I cared* (Grisham, 298).

Субстантив *pick* в комбинации с глаголом физического действия *take* образует устойчивое словосочетание *take one's pick of smth*, например:

(5) *This man can **take his pick of** the big city hospitals* (Hailey (b), 68).

Сфера использования разговорного глагола *opt (for, to)* – ситуации, предполагающие 1) выбор одной из альтернатив 2) преимущественно в сфере общественной жизни:

(6) *I **opted for** two scoops of chocolate over one of Mrs. Lou Kiner's fudge brownies* (Grisham, 306).

(7) *Julie went away to boarding school, but Jason **opted to** remain at home and attend Hawkins-Atwell Academy* (Segal, 15).

Семантическая структура лексемы *cull* осложняется наличием в ней наряду с базовой семой «выбор» присутствием таких сем как [придирчивость], [личная пристрастность], [аккумуляция информации о вариантах выбора]:

(8) *The lawyer **culled** the most important fact from the mass of evidence* (APCC, 93).

Существительное *cull* актуализирует негативную коннотацию и представляет собой результат выбора как отбраковку:

(9) *Those potatoes over there are **culls*** (LDELС, 314).

В экстенционале значения глагола *elect*, принадлежащего сфере официальной книжной лексики, выделяются компоненты: 1) «официальный статус» выбора, 2) взаимоисключаемость альтернатив:

(10) *A year ago O'Donnell **had been elected** president of the hospital's medical board, which made him the senior practitioner at Three Counties* (Hailey (b), 21).

3) решение серьёзных, жизненно важных вопросов:

(11) *In this vital matter of the woman with whom he **had elected** to share his life, had he not been only too conventional?* (Fowles, 114).

В значении лексемы *vote (for)* акцентируется сема [официальный статус выбора], фиксируемый либо физическим действием ('marking a piece of paper, raising one's hand'), либо речевым ('calling out'):

(12) *I shall **vote for** Benn, because I think he is the better man* (LDELС, 1493).

(13) *"I hear the captain put it to the passengers. Told them it'd take an hour to get another truck, that they had a movie and liquor abroad, and the sun was shining in California. Everybody **voted to** get the hell out of it".* (Hailey (a), 6)

Коннотативные признаки предиката *appoint* – 1) выделение лица 2) для выполнения им определённых полномочий 3) официальным представителем (тех или иных властных структур):

(14) *The King **appointed** him to be Keeper of the Crown Jewels* (ALDCE, 41).

Глагол *single out* имеет следующую коннотацию: 1) выделение возможности (факта или человека) 2) для особой цели:

(15) *But George was **singled out** from the very beginning. He was given office space – though little of it right in the White House basement* (Segal, 360).

Добавочное значение разговорного фразового глагола *plump for* – случайный выбор как следствие неспособности субъекта принять то или иное взвешенное решение:

(16) *He plumped for the Liberal candidate* (ALDCE, 744).

В значении фразового глагола *go for* на передний план выступает компонент «физическое действие» (*choose or take*):

(17) *When you offer him sweets he always goes for the biggest one* (LDELС, 561).

Исходя из вышесказанного следует отметить, что семантическая структура предикатов ближней периферии предпочтения/выбора изотипична семантическому окружению ядерных предикатов *prefer* и *choose* и может быть представлена формулой: **S** (субъект) + **предикат** + **О** (дополнение) (выбранная сущность).

Ряд рассмотренных лексем в силу специфичности своей семантики имеет ограничение на сочетаемость с дополнением. Так, при предикате *appoint* в качестве дополнения может стоять только имя лица; при предикате *cull* – предметная сущность (рекуррентно элементы информации); при фразовом глаголе *go for* – предмет.

Наиболее удаленным от центра оказывается фразовый глагол *go for*, поскольку сема [выбор] регистрируется в дефиниционной иерархии данной лексемы лишь на третьей ступени идентификации и накладывается на основное значение «атакующее действие».

Таким образом, по мере удаления от центра лексемы, в интенционале значения которых содержится сема [выбор], обрастают дополнительными семами, позволяющими акцентировать внимание на том или ином аспекте (характере) протекания акта предпочтения/выбора.

Библиографический список

1. [APCC] *Англо-русский синонимический словарь* / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова и др.; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1998. – 544 с.
2. [ALDCE] *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* / A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. – М. : Сигма-пресс, 1996. – 1200 p.
3. [LDELС] *Longman Dictionary of English Language and Culture* / A. Gadsby, M. Rundell, etc. – 2nd edition. – Great Britain : Pearson Education Limited, 1998. – 1569 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Fielding, H. *Bridget Jones's Diary* / H. Fielding. – New York : Penguin Books USA Inc., 1999. – 271 p.
2. Fowles, J. *The French Lieutenant's Woman* / J. Fowles. – Great Britain : Triad Paperbacks Ltd, 1977. – 400 p.
3. Hailey, A. (a) *Airport* / A. Hailey. – М. : Рольф, 2001. – 320 p.
4. Hailey, A. (b) *Final Diagnosis* / A. Hailey. – СПб. : Антология, 2004. – 288 p.
5. Grisham, J. *Painted House* / J. Grisham. – London : Arrow Books, 2001. – 466 p.
6. Nabokov, V. *Lolita* / V. Nabokov. – Moscow : Ikar Publisher, 2002. – 356 p.
7. Segal, E. *The Class* / E. Segal. N.-Y. : Bantam Books, 1985. – 580 p.

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТИРЕ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тире (dash) – это «знак препинания в виде длинной горизонтальной черточки, употребляющейся в простом и сложном предложениях и выполняющей многообразные функции, объединяемые инвариантным семантико-синтаксическим значением «разделения-выделения» (Ахманова 1969: 476).

Слово “dash” происходит от среднеанглийского глагола “dasshen”, впервые упомянутого в XIV веке и имеющего значение «бить, ударять» (Todd 1995: 64). К 1615 году слово “dash” приобрело значение «резкий взмах пера», а также к тому времени стало обозначать знак, используемый при письме для указания на ошибки. К началу XVIII века тире вошло в пунктуационный состав и стало обозначаться на письме в виде горизонтальной черты [-].

В английских и американских изданиях употребляется тире различной длины. В большинстве случаев употребляется тире, равное по длине одному типографскому квадрату (“an *em* dash”, т. е. равное по ширине букве *m*), или удлиненное тире, равное по длине двум типографским квадратам. В некоторых функциях используется укороченное тире, длиной в половину типографского квадрата (“an *en* dash”, т.е. равное по ширине букве *n*). На письме укороченное тире имеет пробелы с двух сторон в отличие от дефиса.

Укороченное тире (“an *en* dash”) употребляется в следующих случаях:

- а) для обозначения начала и конца какого-либо периода: *pp. 16 - 23, 1970 - 2004*;
- б) для образования композитивов в препозиции: *the Leeds - London train, the Bruno - Lewis fight*.

В последнем случае укороченное тире обладает существенной семантической значимостью, т. к. позволяет разграничить сложные слова с двумя участниками действия (Bruno и Lewis), от сложных слов, написанных через дефис, где речь идет об одном человеке с двойным именем: *the Winsor-Lewis collection*. Именно поэтому в следующем примере автор использует укороченное тире, а не дефис, т. к. речь в нем идет о фильме с участием двух ведущих актеров – Кэрри Гранта и Одри Хэпберн:

- (1) *We eat in the den and watch a Cary Grant – Audrey Hepburn movie* (Grisham, 238).

Что же касается тире обычной длины (“an *em* dash”), то необходимо заметить, что строгих правил относительно длины данного знака препинания, а также пробелов между тире и предыдущим и/или последующим словом в английской и американской типографской практике не существует, и в разных изданиях тире может оформляться по-разному. Но все же прослеживается тенденция к использованию удлиненного тире без пробелов в книгах, изданных в США, и тире, равного по длине одному типографскому квадрату и отделяемого с обеих сторон пробелами в книгах издательств Великобритании. Так, например, в книгах издательств “Penguin Books” (USA, New York), “A Bantam Book”

(USA, New York), “Vintage Books” (USA, New York), “Jove Books” (USA, New York), “Ballantine Books” (USA, New York) используется удлиненное тире, равное по длине двум типографским квадратам без пробелов между знаком и словом, в то время как в книгах издательств Великобритании “Penguin Books” (UK, Harmondsworth), “Bloomsbury Publishing” (UK, London), “Panther Books” (UK, London), “Granada Publishing” (UK, London) используется тире традиционной длины (“an *em* dash”) с пробелами по обе стороны от знака. В книгах издательств “Arrow Books” (Германия) и “Vintage Books” (Дания) также наблюдается традиционное оформление тире (длиной в один типографский квадрат, с пробелами).

Несмотря на имеющиеся различия в графическом оформлении, оба варианта тире (длиной в один типографский квадрат и удлиненное тире) характеризуются одинаковым набором функций и несут одинаковую семантико-прагматическую нагрузку, т. е. являются графической разновидностью одного и того же знака препинания – пунктуационного тире.

Согласно классификациям, основанным на позиционном принципе, пунктуационное тире относится к группе внутренних знаков препинания (Кошевая 1984: 16), в которую включены знаки, не выходящие за пределы предложения. Однако, как показывает анализ фактического материала, одной из регулярных функций тире является выражение недосказанности, прерванности речи. В таких случаях тире может завершать предложение и являться внешним знаком препинания. В соответствии с классификацией, основанной на функциональном принципе (Розенталь и др. 2002: 430-431), тире может быть включено как в группу отделяющих знаков препинания и являться одиночным по своим структурным характеристикам, так и в группу выделяющих знаков препинания и являться парным знаком препинания.

Парное тире, как выделяющий знак, выделяет парентетические вношения, которые дополняют, уточняют, поясняют, выражают субъективное отношение пишущего к содержанию.

Одиночное тире, как отделяющий знак, служит для разграничения предложений и их частей и обладает широким спектром функций, не совпадающих, как правило, с функциями тире в русском языке.

Так, в соответствии с правилами расстановки тире в русском языке данный пунктуационный знак часто употребляется для отграничения именного сказуемого от подлежащего при нулевой связке, например: *Наш сосед – инженер*. Такой функции тире в английском языке не имеет, прежде всего, потому, что предложения с нулевой связкой, как правило, отсутствуют в английском языке. Но даже в тех редких случаях, когда связки нет, при так называемом *nexus of deprecation*, тире не ставится: *He a coward!*

Также в английском языке не принято оформлять при помощи тире прямую речь героев. Для этой цели в соответствии с английскими нормами правописания принято использовать кавычки, хотя в отдельных произведениях, например Ирвинга Уэлша и Джеймса Джойса, реплики героев вводятся при помощи тире.

Тире является одним из тех знаков препинания, которые помогают читателю лучше разобраться в содержании предложения, т. е. обладает большой прагматической значимостью. Тире (an *em dash*), как внутренний пунктуационный знак, употребляется в следующих случаях.

1. Тире используется для ввода конструкций, **уточняющих**, поясняющих, конкретизирующих, детализирующих, либо обосновывающих информацию первой части предложения. Тире употребляется для отделения уточняющего слова или словосочетания от предыдущей части предложения:

(2) *“Dolo, you love only one person – yourself.”* (Susann, 42),

(3) *This is the way they were – had been* (Morrison, 7),

для ввода перечня, или списка, уточняющих слов или фраз:

(4) *More or less everyone in the waiting room was some kind of deadbeat – a vagrant, or a drunk, or a junkie, or just mad* (Hornby, 61),

а также для разделения частей сложного предложения (бессоюзного, сложносочиненного, сложноподчиненного) в том случае, если вторая часть уточняет, поясняет то, о чем речь шла в предыдущей части предложения.

(5) *We both started laughing – we’d had quite a lot of whisky by now* (Fielding, 95),

(6) *She was accustomed to the knowledge that nobody prayed for her – but this free-floating repulsion was new* (Morrison, 138).

(7) *I get twenty-five thousand a year – which I pay taxes on* (Susann, 153).

Необходимо отметить, что в литературе XX века в отличие от более ранних произведений для выражения отношений пояснения, уточнения, обоснования наряду с тире очень часто употребляется двоеточие, что свидетельствует о сближении прагматического потенциала тире и двоеточия в случае реализации пояснительно-разъяснительных отношений:

(8) *Harry told them everything: Quirrell; the Mirror; the Stone and Voldemort* (Rowling, 218).

2. Совпадая с двоеточием в функции ввода разъяснительно-уточняющей информации, тире вместе с тем обладает и рядом уникальных свойств.

Так, тире может использоваться для суммирования, **обобщения** информации, детально представленной в предыдущей части предложения. В то время как функцией ввода уточняющей информации в виде списка, перечня лиц, предметов либо событий обладает как тире, так и двоеточие, то функцией замыкания списка обладает только тире.

(9) *The sheep, the horses, and the fields – everything belonged to them, including the good family name* (Silko, 32).

3. Тире на своем позиционно-содержательном уровне способно отделять части сложного предложения

а) связанных отношениями **противопоставления**, реализуя одновременно прагматическую установку создания резкого контраста:

(10) *“I’m nothing – you’re the big star now.”* (Susann, 97);

б) в которых передается последовательность событий, либо их **следствие**, результат:

(11) *He had found what he was looking for in his inside pocket. It seemed to be a silver cigarette lighter. He flicked it open, held it up in the air and clicked it. The nearest street lamp went out with a little pop. He clicked it again – the next lamp flickered into darkness* (Rowling, 12).

В данных примерах авторы могли бы употребить не тире, а запятую, однако в таком случае понадобились бы дополнительные лексические средства в виде наречия *then* или его сочетания с союзом *and* (*and then*). Прагматический же потенциал тире позволил данному пунктуационному знаку «вобрать» в себя значения данных лексических средств и таким образом указать на последовательность событий, либо их следствие, придав динамичность событиям.

4. Тире, отделяя фрагменты текста, способствует передаче **быстрой смены событий**, что, в частности, широко используется в оформлении спортивных комментариев, где события развиваются очень стремительно и тире передает отрывистость, динамичность речи комментатора, обладая в данном случае большой просодической значимостью.

(12) *'Slytherin in possession – Flint with the Quaffle – passes Spinnet – passes Bell – hit hard in the face by a Bludger, hope it broke his nose – only joking, Professor – Slytherin score – oh no ...'* (Rowling, 139)

5. В связи с тем, что тире в устной речи соответствует довольно протяженная эмфатическая пауза, данный знак препинания обладает высокой степенью драматичности и способен выполнять функцию выделения **значимости** той части сообщения, которая следует за ним. Визуально отделяя части предложения друг от друга, тире вводит драматическую паузу и предупреждает читателя о последующей информации, которая, по мнению автора, является значимой и требует особого внимания читателя.

(13) *Three things lay on the doormat: a postcard from Uncle Vernon's sister Marge, who was holidaying on the Isle of Wight, a brown envelope that looked like a bill and – a letter for Harry* (Rowling, 30).

(14) *'Do you mean ter tell me,' he growled at the Dursleys, 'that this boy – this boy! – knows nothin' about' – about ANYTHING?'* (Rowling, 41)

В связи с тем, что при использовании тире в подобных случаях в задачу автора входит привлечение внимания читателя, а также передача эмфатической окрашенности речи героя, тире в функции выделения слов может использоваться в комбинации с восклицательным знаком, восклицательным и вопросительным знаками, а также с такими дополнительными средствами графического оформления речи, как курсив, заглавные буквы, разрядка и др.

Одним из частных случаев реализации функции создания драматической паузы и, следовательно, выделения значимой части информации, является употребление тире для **оформления обращения**. Тире в таких случаях обладает кроме своей позиционно-содержательной (отделять синтаксическую конструкцию обращения от остальной части предложения) существенной прагматической значимостью, придавая эмоциональные и экспрессивные коннотации речи героев.

(15) *He raised his voice, 'Peeves – show yourself.'* (Rowling, 96)

6. Тире, обладая функцией создания драматической паузы, способно обозначать **резкую смену тональности или направленности высказывания**, передавать неожиданный поворот мыслей автора или героев его произведений, что обычно сопровождается изменением грамматической конструкции:

(16) *Was he imagining things? Could all this have anything to do with the Potters? If it did ... if it got out that they were related to a pair of – well, he didn't think he could bear it* (Rowling, 11).

7. Тире может использоваться внутри речи героев, обозначая **паузы**, вызванные волнением, колебаниями говорящего, от чего его речь звучит сбивчиво и нечетко:

(17) *'Oh, well – I was at Hogwarts meself but I – er – got expelled, ter tell yeh the truth.'* (Rowling, 48)

Обычно подобные заминки речи героев, оформляемые на письме при помощи тире, сопровождаются лексическими повторами и наличием междометий. Также нередко данная функция тире совмещается с функцией выделения слова, т. к., как правило, заминки в речи предшествуют предъявлению важной информации, о которой герой не сразу решается сообщить. Наиболее важная информация оформляется часто при помощи курсива.

(18) *'The rumour is that Lily and James Potter are – are – that they're – dead.'* (Rowling, 14)

8. Тире может завершать незаконченное по смыслу предложение и являться средством выражения **недосказанности**:

(19) *"Jimmy once told me I shouldn't be seen smoking in public and – "*
"Shut up!" Nita hissed (Susann, 113).

В функции выражения недосказанности наряду с тире может употребляться многоточие. Несмотря на имеющиеся различия в употреблении многоточия и тире в функции оформления пропуска логически необходимых элементов высказывания (многоточие используется при прерывании речи по внутренним причинам, когда герой сознательно замолкает, в то время как тире, в основном, используется в тех случаях, когда героя перебивают и в связи с этим, по внешним причинам его речь остается незавершенной), можно констатировать определенное сближение в сфере значения данных знаков, обуславливающее их использование в сходных речевых ситуациях.

9. Тире может также функционировать в качестве парного знака препинания для **выделения парентетических внесений** в предложении. Парное тире, как выделяющий знак, выделяет парентетические внесения, которые дополняют, уточняют, поясняют, выражают субъективное отношение пишущего к содержанию. Парное тире способно выделять отрезок дополнительной информации, носящей характер уточнения или комментария субъекта высказывания на фоне общей линии повествования.

(20) *You needed money, sure – the only reason for having children, as far as Will could see, was so they could look after you when you were old and useless and skint – but he had money, which meant that he could avoid the clutter and the toilet-paper throws and the pathetic need to convince friends that they should be as miserable as you are* (Hornby, 8).

В функции выделения парантезы могут выступать и такие пунктуационные знаки, как парные запятые и круглые скобки. Использование парного тире можно объяснить высокой степенью наглядности, что особенно важно при выделении парентетических внесений, выраженных достаточно протяженными структурами, часто осложненными другими знаками препинания.

Таким образом, анализ употребления тире в произведениях современных английских и американских авторов позволяет заключить, что тире является высокочастотным и емким по значению знаком препинания, обладающим широким спектром функций. Широта его употребления, а также возможность функционирования в качестве как внутреннего, так и внешнего знака препинания, свидетельствует о существенной прагматической значимости данного пунктуационного знака. Прагматический потенциал тире позволяет данному знаку сближаться с группой внешних знаков препинания (в частности, с многоточием в области выражения недосказанности) и с внутренними знаками препинания (в частности, с двоеточием в области выражения отношений пояснения, уточнения, детализации, обоснования). К уникальным функциональным свойствам тире относятся способность создавать эмфатическую паузу с последующим вводом информации, обладающей высокой степенью значимости для говорящего (пишущего), а также способность тире передавать стремительную смену событий, обозначать резкую смену тональности и направленности высказывания.

Библиографический список

1. Кошечая, И. Г. Пунктуация в тексте / И. Г. Кошечая // Иностранные языки в школе. – 1984. – №1. – С. 15–18.
2. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Рольф, 2002. – 488 с.
3. Трунова, О. В. Время в онтологии, перцепции и языковой репрезентации / О. В. Трунова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике. Материалы междунар. научно-практической конференции. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 307–309.
4. Тураева, З. А. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) / З. А. Тураева. – М. : Просвещение, 1979. – 150 с.
5. Todd, L. Guide to Punctuation / L. Todd. – London : Cassell Wellington House, 1995. – 128 p.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Fielding, H. Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – New York : Penguin Books USA Inc., 1999. – 271 p.
2. Grisham, J. The Rainmaker / J. Grisham. – New York : Arrow Books, The Random House Group Limited, 1995. – 568 p.
3. Hornby, N. About a Boy / N. Hornby. – London : Penguin Books Ltd., 2000. – 278 p.
4. Morrison, T. Beloved / T. Morrison. – London : Vintage, Random House, 1997. – 275 p.
5. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone / J. K. Rowling. – London : Bloomsbury Publishing Plc., 2000. – 223 p.
6. Silko, L. M. Ceremony / L. M. Silko. – New York : Penguin Books USA Inc., 1986. – 262 p.
7. Susann, J. Dolores / J. Susann. – New York : Bantam books Inc., 1977. – 175 p.

НАПРАВЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ РАКУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАНТЕЗЫ

Любой объект лингвистической теории всегда рассматривается в рамках определенного направления. Развитие теории сопровождается сменой направлений, поэтому осмысление объекта может проходить через разные парадигмы. В большинстве случаев это способствует всесторонности его описания. Проблема вводности в самом общем плане обращает на себя внимание в силу такой причины, как многозначность толкования смыслового наполнения вводного компонента, всегда содержащего дополнительную информацию к сформированной пропозициональной структуре. При этом по характеру такая информация может иметь чрезвычайно широкий диапазон: от простого содержательного расширения (полипропозициональность) до модальных и оценочных модификаций (надпропозициональность). В первом случае обычно используется термин «вставность» (insertion), и основой аспекта анализа связывается с рассмотрением цели, роли, персонизации, необходимости, смысловой нагрузки, особенностей трансформации вставной конструкции (Sweet 1955). В последнем случае принято говорить о комментативных смыслах (Jespersen: www, Palacas: www). Здесь вопросы группируются вокруг построения типологии комментативного содержания и выявления позиционной значимости комментативного экспонента для формирования иллюкутивной силы высказывания (Серль 1986: 151-169). Таким образом, определяются три достаточно широких направления, в рамках которых с разных исходных позиций может рассматриваться явление прантезы: структурно-семантическое, логико-грамматическое и коммуникативно-прагматическое.

Для настоящего исследования важным представляется, прежде всего, определиться с разграничением вводных и вставных компонентов предложения. Как практически в любом случае, допускающем разные толкования, здесь очевидной является сформированность двух противоположных мнений. Согласно одному из них, поскольку вводные и вставные компоненты предложения, по мнению сторонников этой точки зрения, характеризуются идентичностью а) позиционного вхождения в базовое предложение, б) типа грамматической связи (включение), в) формального маркирования в письменной речи, г) интонационного оформления в устном высказывании, их следует признать однопорядковыми в плане синтаксического статуса (Гвоздев 1973). Суть второй точки зрения сводится к выявлению не столько сходств, сколько расхождений в сравнении указанных единиц. Отмечается, что основным показателем является их функциональное различие, заключающееся в том, что вставные структуры не изменяют, а дополняют содержание базовой пропозициональной конструкции, формируя полипропозициональность высказывания, в то время как вводные единицы модифицируют характер высказывания в плане категоричности, уверенности,

авторизованности продуцента. На этом основании, в частности, делается вывод о том, что вводные единицы относятся к области функционально-семантического поля субъективной модальности, а вставные единицы характеризуются наличием языковых форм объективной модальности, что и должно составить основной критерий их разграничения. Такое утверждение лишь отчасти правомерно, поскольку функция вводных единиц не ограничивается выражением только субъективно-модальных смыслов. Сравним следующие предложения:

(1) *Perhaps, if I carelessly let it drop down on the floor behind my computer, it will disappear* (Kinsella, www).

(2) *Anyway, no more comments were made on her visit to Edmund* (Cave, www).

(3) *Logically, it may have been drawn towards a temporarily warmer environment* (Brown, www).

Во всех трех случаях парантетические компоненты вводятся в предложение в начальной позиции, предваряя пропозициональную структуру. Во всех случаях они передают комментативное содержание. Однако только в (1) выражается субъективная модальность (предположение), в (2) парантеза передает значение concessивной (взаимовыгодной) обусловленности развития событий, а в (3) – способствует выполнению функции коммуникативной стратегии обсуждения.

Учитывая сказанное, скорее всего, следует согласиться с необходимостью поликритериального подхода в разграничении вводных и вставных единиц и принимать во внимание системные, структурные, позиционные, семантические и функциональные показатели (Блох 2000). В подтверждение данного положения проведем анализ по некоторым из обозначенных позиций. Рассмотрим следующие примеры:

(4) *Obviously, Henry would want to spend his leave in London* (Cave, www).

(5) *Tony, however, was a nervous wreck* (Grisham, www).

(6) *In short, the case wouldn't get anywhere near the jury* (Grisham, www).

Прежде всего, показательно, что вводные компоненты отличаются установленным, словарно фиксируемым значением. Это могут быть как вводные слова, так и сочетания (чаще предложно-именные). И те и другие могут быть развернуты до уровня предложения, передающего аналогичное содержание (Валгина: www), как в нижеследующих предложениях:

(7) *I am sure, you'd find life more lively there* (Cave, www).

(8) *I hope, you've brought your game face* (Brown, www).

Именно в этом случае возникает вопрос о разграничении вводных единиц (предложений), то есть собственно парантезы и вставных конструкций, обозначаемых в англистике терминами “insertion” и “imbedding”, поскольку оба варианта могут дать бипропозициональные образования:

(9) *But the feeling that now overwhelmed her as she started to walk along the passage – Ellis had appeared at the end of it, and she couldn't go on standing by Aunt Louisa's door like a waxwork – was a lightness of joy* (Cave, www).

Очевидно, что вводные и вставные предложения отличаются по нескольким показателям. Прежде всего, это функциональное отличие. Вводное предложение представляет собой аксиологическую или эпистемическую «надстройку» к базовой пропозиции. Вставное предложение отражает вторую референтную ситуацию. Второе отличие является позиционным. Вводные слова и предложения, имея большую степень свобод, могут передвигаться в рамках принимающей их структуры, располагаясь в препозиции, интерпозиции и постпозиции:

(10) *It would be splendid for me, **of course*** (Cave, www).

(11) ***Frankly**, he preferred to stay there* (Grisham, www).

(12) *By then, **of course**, the election would be over* (Grisham, www).

В отличие от них вставные конструкции (как развернутые предложения, так и их номинализованные трансформации) обычно разрывают структуру базовой пропозиции или «прицепляются» в конце, что дало основание Г. Свиту терминологически обозначить их как «аддитивные» (Sweet 1955) не только по формальному признаку, но и в смысле расширения пропозиционального содержания:

(13) *“Edmund,” Henrietta said to him that afternoon – **she spoke timidly because the idea was so important to her** – “couldn’t you persuade Aunt Louisa to let me stay behind when they go to London?”* (Cave, www).

(14) *He missed Hogwarts so much it was like having a constant stomachache. He missed the castle, with its secret passageways and ghosts, his classes (**though perhaps not Snape, the Potions master**), the mail arriving by owl, eating banquets in the Great Hall, sleeping in his four-poster bed in the tower dormitory, visiting the gamekeeper, Hagrid, in his cabin next to the Forbidden Forest in the grounds, and, especially, Quidditch, the most popular sport in the wizarding world (**six tall goal posts, four flying balls, and fourteen players on broomsticks**)* (Rowling, www).

Следует также отметить, что корпус вводных единиц отличается исчисляемостью моделей, в то время как вставные компоненты, будучи по своему содержанию референтными, предполагают большую вариативность. Кроме названных показателей, которые являются наиболее значимыми в критериальном плане, можно также говорить об отличиях актуализационной рекуррентности вводных и вставных конструкций в устной и письменной речи, особенностях их графического выделения на письме и интонационного оформления в устном высказывании.

По-видимому следует заключить, что разграничение вводности и вставности как явлений языка является правомерным, поскольку отражает факт наличия содержательно разнопорядковых, хотя и однородных структурно, моделей расширения предложения. Одним из способов определения статуса компонента, вводимого в базовое предложение, является прием элиминации. Компонент считается парентетическим в том случае, если его опущение не изменяет значения предложения, то есть не нарушает референтной отнесенности (хотя, безусловно, может изменить смысл). Проведем простой эксперимент, сравним два примера:

(15) *His actions, **of course**, would depend on whether he was in love with her or not* (Cave, www).

(16) ... *she whispers her favorite P-word five times. From across the room, to someone like Miss Vanderhooven who entertains thoughts of introducing the lonely girl to Jesus' love (a notion that will get her fired when she presents Miriam with a rosary on her actual birthday), this looks like a prayer* (Goldberg, www).

В приведенных выше предложениях вводные компоненты по-разному соотносятся с базовой пропозицией, несмотря на то, что в обоих случаях они как будто надстраивают второй план по отношению к базовой пропозиции, более того, идентичным образом структурно разрывают базовую пропозицию. В (15) элиминация парантезы не изменяет характера соотношенности высказывания с референтной ситуацией. Если опустить вставное предложение в (16), фактически будет утрачена целая пропозиция, и, таким образом, останется неэксплицированной вторая референтная ситуация, что нарушает логику событийных связей.

Даже будучи отграниченной от смежного явления, парантеза предстает достаточно сложным феноменом, к рассмотрению которого можно подойти с разных позиций. Первую позицию можно обозначить как структурное определение. В рамках этого ракурса явно и четко вычлняются экспоненты, принадлежащие к разным языковым уровням. Парантетическим может быть слово:

(17) *Finally, when the constant ringing of the telephone and the incessant sound of the doorbell would not stop, Diane opened the door* (Sheldon, 32);

словосочетание:

(18) *All the same, I don't really mind your having tried it* (Cave, www);

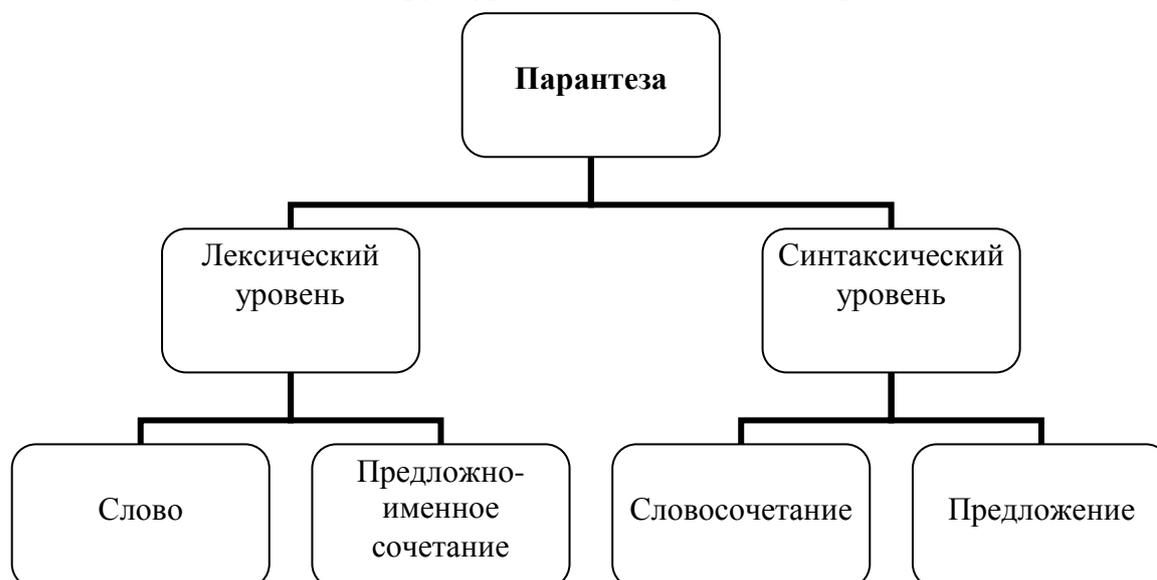
предложение:

(19) *The artistic thing is, to unmask honest countenances; it's no light task, I admit, but a real art.*" (Verne, www)

Эти системные показатели единиц, способных функционировать в качестве парантетического компонента предложения, представлены в схеме 1.

Схема 1

Системно-структурная классификация парантезы

Структурные параметры данной схемы определяются структурой водного компонента. Она может быть одно-, двух- и многокомпонентной. Структурным показателем является также модель вхождения парантезы в базовую пропозицию. Существует мнение, что позиционный показатель не является особо значимым для интерпретации сущностных характеристик парантезы. Однако, рассуждая логически, отсутствие позиционных различий предполагает неинформативную избыточность. В действительности, положение парантетического компонента в предложении способствует созданию определенных коммуникативно-интенциональных и коммуникативно-прагматических смыслов высказывания. Например, парантеза в начальной позиции обычно выражает большую степень решительности продуцента и предполагает наличие основания утверждения:

(20) *However, in these circumstances, those anxieties of mine fall away. Naturally, now that your cousin is a permanent invalid, your devotion to him can be looked at in a different light* (Cave, www).

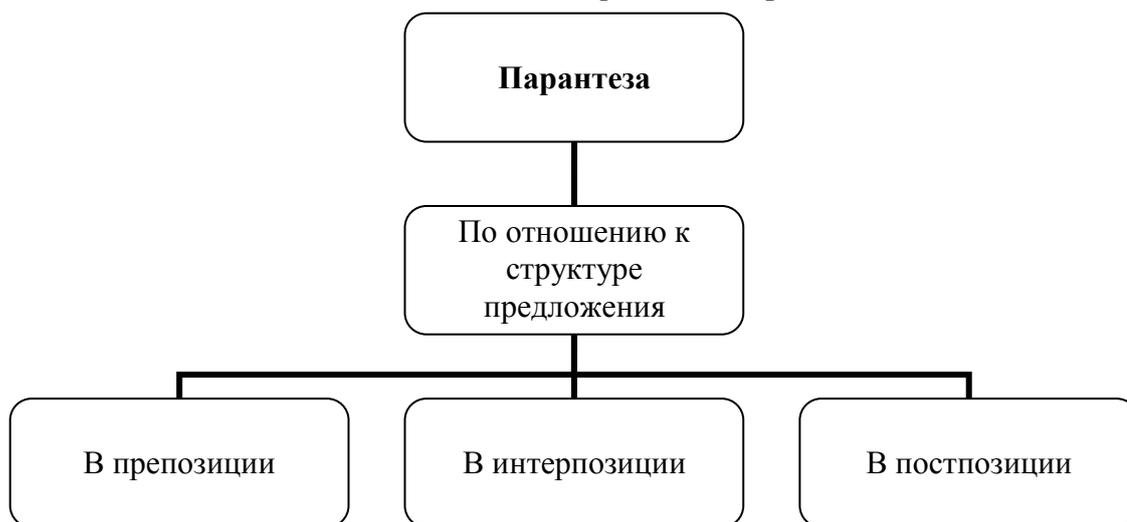
Парантеза в интерпозиции, как правило, демонстрирует представляемое событие в модусе *per se*, то есть как само собой разумеющееся:

(21) *... the three largest papers in the district informed him, separately and off the record of course, that they planned to run stinging editorials on the Fisk campaign in the upcoming Sunday editions* (Grisham, www).

Эта модель маловариативна в силу ограниченного числа позиций в структуре предложения и представляет собой простое далее не членимое трехчастное построение, выведенное в схеме 2.

Схема 2

Позиционная классификация парантезы

В рамках функционального подхода к изучению явления парантезы рассматриваются функционально-содержательные показатели экспонентов надпропозициональных комментативных смыслов. Наиболее полно эта позиция представлена в концепции О. Есперсена, который в частности отмечает, что вводные

компоненты предложения способны усложнять высказывание в плане передачи авторства или отстраненности субъекта речи, эмоциональной реакции продуцента, выражения рациональной оценки ситуации – в терминах О. Есперсена, «ментальных действий» (Jespersen: www), как в приводимых ниже предложениях:

(22) *Fortunately*, Kurtin had arranged for some armed security (Grisham, www).

(23) *Not surprisingly*, the trial lawyers had wild and various opinions about what to do (Grisham, www).

(24) “*But it's more complicated than that. Your father still named you with legitimate saints' names. In fact*, he baptized all three of you himself as soon as he got you home after you were born...” (Card, www)

(25) “*I mean to say*, it's no good just standing here and I feel I want some dinner.” (Lewis, www)

Парантетические компоненты предложения позволяют автору/продуценту делать определенные отступления, выражать мнение, указывать на собственную или чью-либо иную позицию относительно положения дел.

Очевидно, в этот ряд правомерно включить экспоненты аксиологической:

(26) *It's indecent* that they have left him behind (Cave, www),

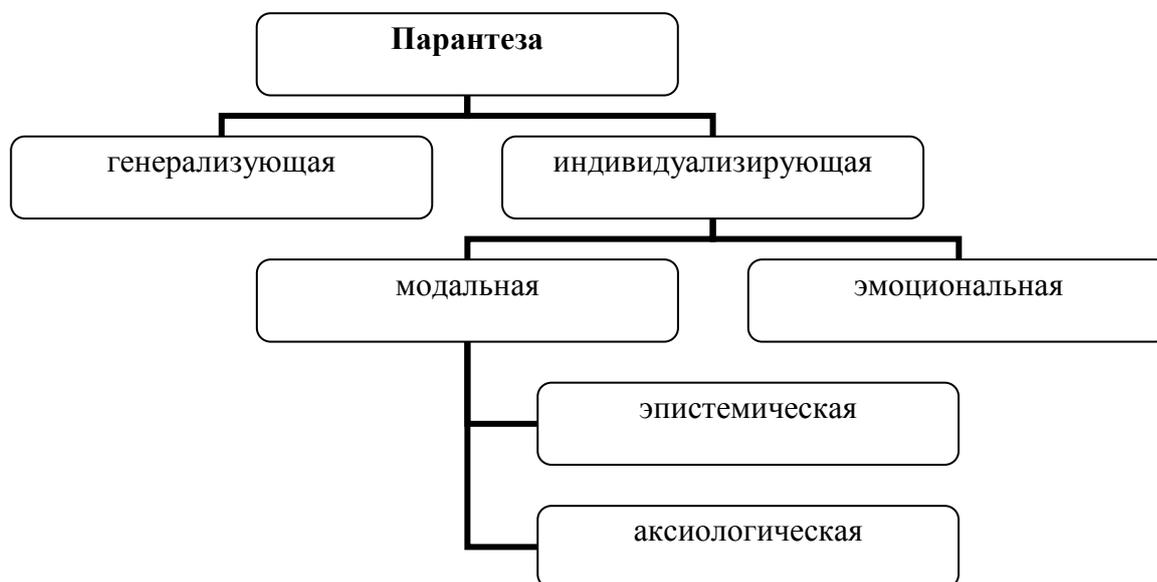
и эпистемической:

(27) *But all that was absurd, surely* (Cave, www)

оценки, которые также передают надпропозициональные смыслы, отражая особенности осмысления референтных ситуаций в терминах (как абсолютных, так и конвенциональных) ценностных представлений и в противопоставлении логических операторов «знать», «полагать». Наличие определенного корпуса фактического материала и определенность критерия его формирования в некоторые функциональные поля позволяют свести все в единую схему:

Схема 3

Функциональная классификация парантезы

Особую значимость, как в теоретическом, так и в прикладном плане имеет описание парантезы с позиций коммуникативного подхода, суть которого четко сформулирована в рамках теории речевых актов. Здесь главный фактор, определяющий необходимость существования парантезы как синтаксического явления, выявляется в ее (парантезы) коммуникативной направленности на вербализацию иллюкутивной силы высказывания (Серль 1986). Раскрывая содержание данной концепции, отметим, что всякое высказывание является интенциональным, то есть направленным на достижение определенной цели. С точки зрения прагматики это означает, что говорящий стремится что-либо подтвердить, прояснить, доказать, объяснить, согласиться с собеседником или, наоборот, высказать противоположную точку зрения. Он может руководствоваться желанием выявить истину или скрыть ее, показать собеседнику свою правоту или его заблуждение, обратить внимание на общепринятость высказываемого положения, снять категоричность суждения или подчеркнуть его достоверность. Все эти смыслы надстраиваются над базовой пропозицией, передающей объективированное фактивное значение. Отметим, что актуализация прагматических смыслов во многом зависит не только от семантики парантетического компонента, но и от общей ситуации. Так, в нижеследующем примере ситуативно выявляется надменность говорящей женщины по отношению к племяннице, желание унижить, даже оскорбить, показать, что, несмотря на высокое происхождение, поведение племянницы, по ее (предвзятому) мнению, оставляет желать лучшего:

(28) *Try to show a little more breeding. After all, your mother's origins might entitle one to expect that* (Cave, www).

Вместе с тем, и словарная дефиниция сочетания *after all* содержит указание на уступку, противоречие известным обстоятельствам, ожидание некоторого результата вопреки ситуации: *'(it means) that something is true despite the evidence', 'introduces the reason or explanation of a statement'*. Аналогичным образом, по словарной дефиниции определяется иррадиация прагматического содержания наречия *moreover* на смысл включающего его предложения:

(29) *Moreover, Eliza wants to win* (Goldberg, www).

Семантическое наполнение наречия *moreover* – *'supports and emphasizes the previous statement'*. Актуализированное в высказывании, оно усиливает воздействие утверждения на собеседника, подчеркивая полную уверенность говорящего в оценке ситуации.

Прагматические смыслы многочисленны и чрезвычайно разнообразны, поэтому они поддаются лишь нежесткой классификации, допускающей расширение, дополнение, градацию и конкретизацию. В наиболее обобщенном виде эта классификация представлена в схеме 4.

Коммуникативно-прагматическая значимость парантезы

Представляется, что именно эта область, область актуализационной прагматики парентетических включений в настоящее время остается недостаточно разработанной и требующей изучения на широком фактивном материале.

Библиографический список

1. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка : учеб. пособие для вузов / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 178 с.
2. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка [Электрон. ресурс] / Н. С. Валгина. – М., 1978. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/index.html?part-035.htm#i5043>
3. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – М. : Учпедгиз, 1973. – 344 с.
4. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151–169.
5. Jespersen, O. The Philosophy of Grammar [Электрон. ресурс] / O. Jespersen. – London : George Allen & Unwin, 1924. Режим доступа: <http://www.valdya.org/conlang/references.html>
6. Kimball, G. D. Koasati Grammar / G. D. Kimball. – The University of Nebraska Press, 1991. – 301 p.
7. Palacas, A. L. Parentheticals and Personal Voice / A. L. Palacas // Written Communication. – University of Akron, Vol. 6, № 4, 1989. – P. 506–527.
8. Sweet, H. A New English Grammar, Logical and Historical / H. Sweet. – Oxford : Clarendon Press, 1955. – P.I. – 500 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Card, O. S. Ender's Game [Электрон. ресурс] / O. S. Card. – Режим доступа: http://fb2lib.net.ru/read_online/72127
2. Kinsella, S. The Secret Dreamworld of a Shopaholic [Электрон. ресурс] / S. Kinsella. – Режим доступа: http://webreading.ru/prose/_prose_contemporary/sophie-kinsella-the-secret-dreamworld-of-a-shopaholic.html
3. Sheldon, S. Are You Afraid of the Dark? [Электрон. ресурс] / S. Sheldon. – New York : Warner Books, 2004. – 398 p.

4. Rowling, J. Harry Potter and the Order of the Phoenix [Электрон. ресурс] / J. Rowling. – Режим доступа: http://webreading.ru/child /child_adv/j-rowling-harry-potter-and-the-order-of-the-phoenix.html
5. Verne, J. Around the World in 80 Days [Электрон. ресурс] / J. Verne. – Режим доступа: http://www.pagebypagebooks.com/Jules_Verne/Around_the_World_in_80_Days/
6. Lewis, C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe [Электрон. ресурс] / C. S. Lewis. – Режим доступа: http://webreading.ru/child /child_tale/clive-lewis-the-lion-the-witch-and-the-wardrobe.html
7. Brown, D. Deception Point [Электрон. ресурс] / D. Brown. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/46810/>
8. Cave, E. Cousine Henrietta [Электрон. ресурс] / E. Cave. – Режим доступа: <http://webreading.ru/?s=Cave%2C-E.-Cousine-Henrietta>
9. Goldberg, M. Bee Season [Электрон. ресурс] / M. Goldberg. – Режим доступа: <http://webreading.ru/?s=Goldberg-M.-Bee-Season>
10. Grisham, J. The Appeal [Электрон. ресурс] / J. Grisham. – Режим доступа: http://fb2lib.net.ru/read_online/102899

*И.Н. Рассолова
Барнаул*

АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (на примере темпоральных категорий глагола)

В качестве одной из центральных проблем функциональной грамматики называется проблема взаимодействия грамматических категорий. При этом отмечается, что в реализации одни грамматические категории актуализируются в тесном взаимодействии с другими (Бондарко 1996: 3, Трунова 1984: 161). Вместе с тем, четкого определения понятия «взаимодействие» нет. Оно может рассматриваться как процесс взаимного влияния объектов друг на друга, наиболее общая, универсальная форма изменения их состояний, которая сопровождается взаимным отражением объектами свойств друг друга (ФС 1986: 65). Термин «взаимодействие» входит в состав определения, которое дается языку в рамках структурного подхода: “язык – целостная система, состоящая из элементов, которые по определенным правилам тесно *взаимодействуют* друг с другом и окружающей средой” (Храковский 1990: 19). Из данного определения видно, что термин «взаимодействие» может пониматься очень широко и охватывать все элементы языка, а также – при моделировании языковой деятельности в интеллектуальных системах – коммуникативную среду и коммуникативную компетенцию партнеров по общению. В лингвистике понятие взаимодействия применяется при анализе самых разноплановых сущностей. Например, К. Бюлер объединяет время, локальность и лицо в исходной точке координат при построении поля указательности (Bühler 1982: 102). М.Л. Макаров пишет о взаимодействии грамматических категорий глагола между собой и с контекстом на основе интеграции в процессе дейктической «привязки» высказывания к определенному пространственно-временному континууму (Макаров 1991: 125). Понятие взаимодействия также используется при изучении текста, рассматриваемого современной лингвистикой как органическое целое. Например, Л.А. Ноздрина провела исследование взаимодействия пяти текстовых структур: темпоральной, локальной,

персональной, референтной и модальной и выделила четыре новых понятия (именуемых автором категориями), которые возникли в результате такого взаимодействия:

- 1) хронотоп (в результате взаимодействия темпоральной и локальной структур текста);
- 2) координаты (в результате взаимодействия темпоральной, локальной и персональной структур);
- 3) дейксис (в результате взаимодействия темпоральной, локальной персональной и референтной структур);
- 4) точка зрения (в результате взаимодействия темпоральной, локальной, персональной, референтной и модальной структур) (Ноздрина 1997: 7-9).

В.С. Храковский рассматривает взаимодействие категорий одного уровня между собой. Взаимодействие он понимает как разновидность отношения, связывающего категории, при котором видоизменяются обе грамматические категории, и изучает, как реагируют на замену индикатива императивом граммема других грамматических категорий, таких как время, вид, залог, лицо и число (Храковский 1990). Таким образом, общая проблема взаимодействия грамматических категорий в его исследовании сводится к более частной проблеме взаимодействия категории наклонения с другими грамматическими категориями

Многие лингвистические работы посвящены проблемам взаимодействия языковых элементов (в том числе и категорий) различных уровней (Арнольд 1984: 3, Козлова 1984: 39, Норанович, Шапошникова 1996: 46). Уровни представляют собой упорядоченные множества единиц и образуют подсистемы общей системы языка (Солнцев 1972: 12). Языковые уровни обладают способностью к взаимодействию, которое может происходить как между центральными единицами, так и между единицами, находящимися на периферии (Козлова 1984: 39, ТФГ 1990: 40). В этой связи следует упомянуть теорию функционально-семантических полей, представляющих собой группировки грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств языка, объединенных общностью семантического содержания (ТФГ 1990: 5).

Итак, взаимодействие пронизывает все уровни языковой системы. Как отмечает А.В. Бондарко, ««чистых» грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет» (Бондарко 1996: 3). Грамматические категории английского глагола, как правило, рассматривают в двух аспектах: системно-парадигматическом и функционально-семантическом (Пупынин 1996 (а): 43, Плоткин 1989: 114-125, Бондарко 1996: 4).

В конкретном высказывании грамматические категории реализуются в одном из частных значений, который включает один или несколько семантических признаков. Частное значение также обусловлено такими факторами, как лексическая семантика, синтаксическое окружение, ситуация речи, интонация, причем в случае глагольных категорий в одной грамматической форме могут взаимодействовать одновременно несколько категориальных значений.

Под системно-парадигматическими взаимосвязями понимается включенность той или иной грамматической категории в систему категорий данной части речи, например, глагола. По мнению И.Б. Долининой, в содержательном плане грамматические категории выступают не как единичные объекты, а как «репрезентанты некоторого содержательного класса – кластера, характеризуемого общностью метазначения и часто родственностью и пересеченностью значений конкретных категорий. При этом семантика каждой из входящих в кластер категорий (или их групп, объединяемых общностью метазначения более низкого уровня абстрактности) представляет собой частный случай реализации общего значения» (Долинина 1991: 20). Взаимодействие грамматических категорий обуславливается наличием общего семантического компонента, например, категории времени, вида и таксиса являются различными преломлениями общей идеи времени. Системно-парадигматический и функционально-семантический аспекты обладают определенной самостоятельностью, однако их нельзя считать полностью независимыми друг от друга. Можно сказать, что они являются двумя сторонами одного и того же явления, представленного в языке системой глагольных категорий. Поскольку грамматическая категория – двусторонняя единица, то и взаимодействие грамматических категорий должно обнаруживаться как в плане формально-структурного выражения, так и в плане функционально-семантического содержания (Пупынин 1996: 43).

Взаимодействие временных и видовых значений в содержательной структуре языковых единиц своими корнями уходит в далекое прошлое. Праиндоевропейский язык выражал не столько временные, сколько видовые характеристики действия: длительность, начало или конец, предельность – непредельность, результативность, повторяемость. Возможно, что понятие времени более недавнее, чем понятие вида. Глагол в древнейшую эпоху существования индоевропейских языков не имел категории времени, а глагольные формы обозначали действие вневременное, которое могло произойти и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Соотнесение действия с каким-либо временным планом определялось самой речевой ситуацией, что и сегодня характерно для китайского языка, в котором времена не имеют определенных и устойчивых показателей (Серебренников 1988: 47). Первым было выделено прошедшее время на базе результативного вида, поскольку результат действия вырисовывался наиболее четко, если действие уже совершилось, т. е. предшествовало моменту говорения. Формы глагола, обозначающие такое действие, понимались как формы прошедшего времени. По отношению к ним другие глагольные формы стали осмысляться как формы настоящего времени, обозначающие действие, протекающее одновременно с моментом речи. Формы будущего времени являются самыми поздними по своему становлению, что подтверждает тот факт, что в хеттском языке, который считается самым архаичным из всех индоевропейских языков, не было форм будущего времени (Потаенко 1984: 49, Плоткин 1989: 112-114).

В древнеанглийском языке (7-11 вв.) грамматическая категория времени представляла собой оппозицию двух форм: настоящего и прошедшего. Будущее выражалось формой настоящего времени или сочетанием модального глагола с

инфинитивом. При использовании формы настоящего времени для описания будущих действий в высказывании содержались контекстуальные уточнители временной сферы действия, или идея будущего была заложена в лексическом составе предложения. В среднеанглийский период (12-15 вв.) форма настоящего времени наиболее часто употреблялась для передачи будущего действия с глаголами движения, в семантике которых наиболее отчетливо выражено значение будущего. В ранненовоанглийский период (16-17 вв.) происходит грамматизация сочетаний с *shall* и *will*, которые постепенно утрачивают свое лексическое значение и превращаются во вспомогательные глаголы, тем не менее, формы настоящего времени продолжают использоваться для выражения будущего, однако они уже не являются такими частотными, как в древнеанглийский и среднеанглийский периоды (например, во времена У. Шекспира соотношение форм будущего и настоящего времен для выражения будущего – 10:1) (Иванова, Чахоян 1976: 148, 164, 166-167, Rastorguyeva 1983: 109-110, 260-262, Бруннер 1956: 165).

Можно сказать, что исторически категория времени представляла собой оппозицию настоящего и прошедшего, причем настоящее понималось как протяженность, процессность, длительность, а прошедшее – как лимитативность, ограниченность, т. е. то, что прекратило свое существование до плана настоящего. Следовательно, грамматические категории вида и времени категоризовали *действие во времени*, оппозицию двух значений: протяженность и лимитативность (Черткова 1998: 500). Несмотря на различия, существующие между категориями темпорального плана, следует признать их единство, поскольку они отражают особенности протекания действия во времени. Вид относится к широкой функциональной сфере, связанной и с идеей времени, и с идеей пространства. Относительность времени передается с помощью пространственных представлений. Категория вида концептуализирует единство пространственно-временного континуума окружающего мира (Черткова 1998: 507).

Английский язык характеризуется разветвленной системой временных и видовых форм. Уже в античности лингвистическая формула времени была представлена как *tense = time + aspect*, поскольку грамматические формы английского глагола не только отражают прошедшее, настоящее и будущее время, но также передают дополнительную характеристику действия, обозначенного глаголом, и указывают на способ его протекания (Кравченко 1996: 57).

Грамматическая категория времени (наряду с глагольными категориями таксиса и лица) является дейктической категорией, служащей для размещения различных ситуаций во времени (на временной оси) по отношению к моменту речи или какой-либо иной точке отсчета (Comrie 1976: 1-2, Lyons 1977). Дейктические средства языка служат для идентификации и дифференциации чувственно воспринимаемых предметов и явлений на основе тех признаков, которыми они характеризуются, относительно основных координат коммуникативного акта: коммуникантов (говорящего и адресата), предмета речи, степени отдаленности объекта высказывания, временной и пространственной локализации сообщаемого факта (ЛЭС 1990: 128). Для раскрытия сущности дейксиса Дж. Лайонз

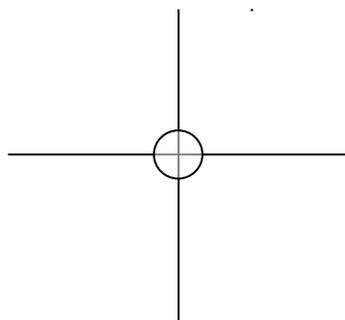
вводит понятие канонической ситуации высказывания. В канонической ситуации участники коммуникации видят друг друга и поочередно выполняют роли говорящего и слушающего. Для канонической речевой ситуации характерны следующие условия:

1. Говорящий и адресат присутствуют в контексте высказывания.
2. Время произнесения высказывания говорящим совпадает со временем его восприятия адресатом.
3. Говорящий и адресат находятся в одном и том же месте (в одном поле чувственного восприятия).

Каноническая ситуация эгоцентрична, поскольку говорящий берет на себя роль «эго» и все соотносит со своей точкой зрения. Он находится в нулевой точке пространственно-временных координат так называемого дейктического контекста (Lyons 1977: 637-638). Карл Бюлер предлагает следующую схему для демонстрации дейктического поля языка (Bühler 1982: 13):

Схема 1

Дейктическое поле языка

Две пересекающиеся под прямым углом линии представляют собой систему координат, где – *origo*, начало координат, включающее в себя три дейктических слова: *here*, *now* и *I* (Bühler 1982: 13). Подобной точки зрения придерживается Е. Курилович, говоря о том, что ориентация говорящего основана на пересечении пространственных и временных координат в некоторой точке отсчета (*zero-point*): *hic (ego): nunc*, т. е., здесь – в том месте, где я сейчас нахожусь, сейчас – в то время, когда я говорю (Kuryłowicz 1972: 174). Следует отметить, что из трех измерений *origo* К. Бюлера (говорящий, время, место) ЭГО – самое важное измерение, поскольку фигура говорящего организует семантическое пространство высказывания и систему дейктических слов и категорий языка, кроме того, относительно говорящего ведется отсчет времени и пространства. В канонической ситуации, при взаимодействии «лицом к лицу», человек, который произносит «я» – говорящий, здесь – место, где находится говорящий, сейчас – время произнесения высказывания. В зависимости от ситуации общения можно выделить первичный и вторичный дейксис. Под первичным дейксисом понимается дейксис диалога, нормальной ситуации общения, при которой говорящий и слушающий находятся в одном поле зрительного восприятия. Вторичный дейксис – дейксис пересказа, он не связан непосредственно с речевой ситуацией (Апресян 1995: 632). Особенностью вторичного дейксиса является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета (например, при телефонном разговоре). Вторичный дейксис, как правило, встречается в воспроизведенной

ситуации общения. Пространственно-временные координаты описываемой ситуации могут как совпадать, так и не совпадать с пространственно-временными координатами, в которых говорящий мыслит себя, или его перцептуальным пространством.

Ситуации настоящего, которые входят в поле чувственного восприятия говорящего, описываются как происходящие «здесь» и «сейчас». Ситуации прошлого и будущего, на которые указывают дейктические слова «там и тогда», отдалены от индивида и исключены из его перцептуального пространства (Кравченко 1992: 116).

Аспектуальные значения также по-разному отражают идею времени: прерывистость и непрерывность действия трактуются как различия в характере распределения действия во времени, точечность (мгновенность) и длительность – как различие во внутреннем времени. Аспектуальные значения можно интерпретировать с помощью понятий внутреннего времени действия (его внутренней структуры) и внешнего времени (т. е. расположения действия на временной оси относительно момента речи и видового ориентира) (Гийом 1992: 11). Так же как категория времени отражает точку зрения говорящего на временные отношения реального мира, независимо от реального времени, категория вида передает точку зрения говорящего на структуру ситуаций реального мира. Точка зрения говорящего не всегда совпадает с или дублирует реальность, поскольку она является внешней по отношению к реальности. Совершенно верно, что иногда точка зрения говорящего может совпадать с реальной внутренней структурой ситуации (King 1983: 113). Именно поэтому одно и то же событие можно представить по-разному: с помощью форм общего и длительного вида.

Проведенный анализ различных подходов к рассмотрению взаимодействия языковых единиц позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «взаимодействие» широко используется в современной лингвистике при изучении взаимосвязей, существующих между единицами как одного, так и разных языковых уровней. Взаимодействие грамматических категорий представляет собой разновидность отношения между двумя или несколькими категориями с общим семантическим содержанием и согласованным функционированием в высказывании. Под формально-структурным выражением понимается включенность конкретной категории (например, времени) в систему категорий лексико-грамматического класса (например, глагола). Функционально-семантический подход предполагает изучение взаимодействия грамматических значений категорий в реализации.
2. Взаимодействие темпоральных категорий глагола обусловлено наличием общего семантического содержания: данные категории отражают идею времени. Временные отношения объективного мира по-разному представлены в грамматических категориях вида, времени и таксиса. Время – дейктическая категория, которая служит для размещения ситуаций во времени по отношению к точке отсчета, за которую принимается субъект восприятия с его перцептуальным пространством, категория вида передает характер протекания и распределения действия во времени, а категория таксиса выражает предшествование одного действия другому на временной оси.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды: [В 2 томах]. Том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.
2. Арнольд, И. В. Взаимодействие языковых уровней и интерпретация поэтического текста (поэтика В. Х. Одена) / И. В. Арнольд // Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней : межвузовский сборник научных трудов. – Часть 1. – Барнаул, 1984. – С. 3–12.
3. Бондарко, А. В. Предисловие / А. В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. – С.-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – С. 3–5.
4. Бруннер, К. История английского языка / К. Бруннер. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. – Т. 2. – 391 с.
5. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
6. Долинина, И. Б. Семантика валентностных категорий / И. Б. Долинина // Типология грамматических категорий. – Л., 1991. – С. 20–22.
7. Иванова, И. П., Чахоян Л. П. История английского языка / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1976. – 319 с.
8. Козлова, Л. А. О взаимодействии лексического и грамматического уровней языка в отдельных подклассах имен существительных в современном английском языке / Л. А. Козлова // Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней: Межвузовский сборник научных трудов. Часть 1. – Барнаул, 1984. – С. 39–47.
9. Кравченко, А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1992. – 212 с.
10. Кравченко, А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1996. – 160 с.
11. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Пер. с англ. В. А. Звегинцева] / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 543 с.
12. Макаров, М. Л. Взаимодействие глагольных категорий как дейктический элемент текстообразования / М. Л. Макаров // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь, 1991. – С. 124–130.
13. Ноздрина, Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте / Л. А. Ноздрина : автореф. дисс. док-ра филол. наук. – М., 1997. – 47 с.
14. Плоткин, В. Я. Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 1989. – 239 с.
15. Потаенко, Н. А. К языковому освоению временной структуры действительности / Н. А. Потаенко // Вопросы языкознания, 1984. – № 6. – С. 43–53.
16. Пупынин, Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях / Ю. А. Пупынин // Межкатегориальные связи в грамматике. – С.-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – С. 43–60.
17. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова. – М., 1988. – С. 87–107.
18. Солнцев, В. М. О понятии уровня языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 3–19.
19. [ТФГ] Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др. – Л. : Наука, 1990. – 262 с.
20. Трунова, О. В. Уровни взаимодействия категорий отрицания и модальности (на материале структуры составного модального сказуемого) / О. В. Трунова // Проблемы взаимодействия единиц различных языковых уровней : межвузовский сборник научных трудов. Часть 2. – Барнаул. 1984. – С. 158–170.
21. Храковский, В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. – 1990. – № 5. – С. 22–42.
22. Черткова, М. Ю. От категории вида к категории времени или наоборот? / М. Ю. Черткова // Типология вида: проблемы, поиски, решения : материалы междунар. науч. конференции, 16-19 сент. 1997 г. – М. : Школа «Языки русской культуры». – 1998. – С. 498–507.

23. [ЛЭС] Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : «Советская Энциклопедия», 1990. – 682 с.
24. [ФС] Философский словарь / под ред. И. Г. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1986. – 588 с.
25. Bühler, K. The Deictic Field of Language and Deictic Words / K. Bühler // *Speech, Place, and Action. Studies in Deixis and Related Topics*, ed. s. Jarvella R.J., Klein W. John Willey and Sons LTD. Chichester. New York. Brisbane. Toronto. Singapore, 1982. – P. 13–24.
26. Comrie, B. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / B. Comrie. – Cambridge University Press. – Cambridge, 1976. – 142 p.
27. King, L. D. The Semantics of Tense, Orientation, and Aspect in English / L. D. King // *Lingua*. – 1983. – Vol. 59. – P. 108–119.
28. Kuryłowicz, J. The Role of Deictic Elements in Linguistic Evolution / J. Kuryłowicz // *Semiotica*. – 1972. – Vol. 5. – № 2. – P. 174–183.
29. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – 1977. – V-2. – 897 p.
30. Rastorguyeva, T. A. A History of English / T. A. Rastorguyeva. – М. : «Высшая школа», 1983. – 347 p.

А.Ю. Резинкин
Барнаул

ДЕФИНИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ МЕТОНИМИИ

Несмотря на то, что изучение метонимии восходит к Аристотелю, до сих пор нельзя сказать, что существует окончательно сложившаяся система взглядов на это явление и более того, в последнее время происходит подъем интереса к метонимии, который связан с изменениями, произошедшими в структуре и динамике современного знания о мире, а также с новым взглядом на проблему вербализации результатов научного и обыденного познания.

Хотя изучение метонимии и имеет многовековую историю, она изучена гораздо меньше, чем метафора. Многие лингвисты справедливо отмечают, что метонимия долгое время находилась в тени метафоры (А.К. Бирих, А.Л. Новиков, О.В. Раевская). По мнению Е.С. Кубряковой, «увлеченные метафорой и посвятившие ей столько публикаций, мы как бы отодвинули на второй план метонимию» (Кубрякова 1992: 89-90).

Тем не менее, не вызывает сомнения, что метонимия представляет достаточно большой интерес для изучения. Наряду с метафорой, метонимия считалась *фигурой речи* и являлась объектом исследования еще в античных поэтиках и риториках. Метафора и метонимия являются «украшением речи», они «блещут, как некие светила», отмечал Цицерон (Античные теории... 1996: 221, 278). Позднее метонимию рассматривали в рамках стилистики и литературоведения как один из основных видов *тропов*, широко представленный в речи. Начиная с середины 19 века, филологи предпринимали попытки объяснить при помощи метонимии *семантические изменения* в лексике. Позже в отечественной лингвистике метонимию стали изучать как *номинативное средство*. Во второй же половине 20-го века метафора и метонимия были открыты приверженцами когнитивной семантики вновь как *средства познания и способы организации знания об экстралингвистической действительности*.

Таким образом, исторически сложилось, что феномен метонимии в лингвистике изучают: а) как средство создания художественной речи, т. е. как троп (в рамках

стилистики: И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Б.В. Томашевский, Е.А. Некрасова, Э. Ризель, М.П. Брандес и др.); б) как способ семантической деривации слова (в рамках лексической семантики: Д.Н. Шмелев, В.В. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, Ю.Д. Апресян и др.); в) как средство номинации (в рамках ономазиологии: Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, В.Н. Телия, В.Г. Гак, О.К. Жданов и др.); г) как средство концептуализации и организации знания (в рамках когнитивной лингвистики: Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, Е.В. Падучева, Дж. Лакофф, З. Ковечеш, Г. Радден и др.).

За пределами лингвистики метонимия рассматривается в более широком смысле как явление, присущее любой знаковой системе (Ю.М. Лотман, Р. Якобсон, М.В. Никитин, К.-У. Пантер и др.). Так, М.В. Никитин, предлагая свою классификацию знаков, выделяет в особую группу знаки-символы, которые представляют собой «вторичные знаки с более или менее прозрачной мотивировкой, основанной чаще всего на метонимических или метафорических ассоциациях» (Никитин 2001: 45). В качестве знаков-символов, ассоциации которых зиждутся на метонимической основе, он приводит, например, 'серп и молот', которые символизируют союз крестьян и рабочих, или 'крест', на котором был распят Христос как символ христианской веры. М.В. Никитин указывает также на то, что символическую мотивированность на основе метафоры или метонимии можно встретить среди любых вторичных знаков (например, красный цвет светофора или семафор, напоминающий, запрещающий или разрешающий жесты руки человека и др.).

Как показывает анализ, доминирующей сферой бытования понятий «метонимия» и «метафора» является лингвистика и сопряженные с ней дисциплины. Однако необходимо отметить, что существует возможность придать полярному отношению между метафорой и метонимией более общий функциональный смысл, и экстраполировать эти понятия на процессы мышления и социального взаимодействия (Рикёр 1995: 109). По мнению Р. Якобсона, существует даже определенная «конкуренция» между метафорическими и метонимическими механизмами, которые проявляются в любой символической деятельности, будь то речевой, внутриличностной, социальной или какой-либо другой (Якобсон 1990: 129).

Несмотря на то, что метонимия столь долгое время является в лингвистике объектом изучения, остается определенный круг не до конца выясненных вопросов, связанных с данным понятием. Так, до сих пор происходит смешение языковой и речевой метонимии; часто рассмотрение метонимии ограничивается пределами лексики, хотя ее изучение можно распространить и на другие лингвистические ярусы такие, как словообразование, морфология, синтаксис; нередко происходит смешение планов синхронии и диахронии при описании изменений значения слова в ходе метонимического переноса; сложным иногда является отграничение метонимии от метафоры и др.

Все эти и другие проблемные вопросы находят свое отражение в неоднозначном толковании понятия *метонимия*. Так, толковые словари под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, В.И. Даля, энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, а также большинство учебных пособий по стилистике определяют метонимию прежде всего как *фигуру речи*, определенный *вид тропа*. Подобное толкование метонимии дает «Словарь-справочник лингвистических терминов» под ред. Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, в котором метонимия рассматривается как разновидность тропа, суть которого состоит в переименовании, а именно в «употреблении названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними» (Розенталь, Теленкова 1985: 399).

Определение метонимии О.С. Ахмановой кроме указания на то, что метонимия – это троп, включает и понятие *лексической метонимии*. Лексическая метонимия

понимается О.С. Ахмановой как «значение слова (или выражения), первоначально возникшее в результате «ассоциации по смежности» (Ахманова 1966: 234).

На эти же аспекты метонимии указывает В.И. Корольков, четко разграничивая ее двойственную сущность. Он рассматривает метонимию как 1) *троп*, основанный на принципе смежности, а также 2) *употребление слова во вторичном значении*, связанным с первичным по принципу смежности. Как пишет В.И. Корольков, для второго случая характерно «не переименование, а наименование, смысловая одноплановость, отсутствие образного эффекта» (БСЭ 1974: 166).

Считается, что одно из наиболее полных определений метонимии принадлежит Н.Д. Арутюновой: «Метонимия (от греч. *metonymia* – переименование) – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» (БЛС 2000: 300).

Н.Д. Арутюнова указывает на то, что основой метонимии служат пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и ее отражению в человеческом сознании, закрепленному в значениях слов. Это отношения между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем и т. п. Данные виды отношений реализуются в определенных моделях метонимических переносов, например: 1) с вместилища на содержимое или объем содержимого; 2) с материала на изделие из него; 3) с действия на его результат, место или вовлеченный в действие предмет (субъект, объект, орудие); 4) с целого на часть и с части на целое (*pars pro toto* и *totum pro parte*), что рассматривается в качестве частного случая метонимии и называется *синекдохой*; 5) с отрасли знания, науки на предмет науки и наоборот, а также другие модели, которые Н.Д. Арутюнова насчитывает общим количеством 11. Возможность выделения метонимических моделей говорит об определенной регулярности и продуктивности метонимических переносов.

Согласно точке зрения И.Р. Гальперина, наряду с выделением «языковой и речевой метафоры», следует также выделять «языковую и речевую метонимию» (Гальперин 1958: 130). Таким образом, в лингвистике выделяются два основных типа метонимии: *языковая* (лексическая, узуальная, регулярная) метонимия, исследование которой лежит в плоскости лексикологии, и *речевая* (окказиональная, нерегулярная, дискурсивная) метонимия, изучением которой занимается в частности стилистика. Их принципиальное отличие заключается, по мнению М.В. Сандаковой в том, что «если лексическая метонимия существует в языке в готовом виде и не является живым процессом, то дискурсивная метонимия создается в процессе креативной деятельности говорящего» (Сандакова 2004: 106).

Изучая метонимию, следует, прежде всего, отграничивать ее от *метафоры* и одновременно подчеркивать их определенную близость. Оригинальная трактовка вопроса о соотношении и сути метафоры и метонимии предлагалась в свое время Н.В. Крушевским. По его мнению, все старое в языке основано на ассоциации по смежности, все новое – на ассоциации по сходству. Процесс развития языка Н.В. Крушевский рассматривает как «вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности» (Крушевский 1883: 116-117).

Некоторые лингвисты считают, что между метафорой и метонимией нет непроходимой границы, они не контрадикторны. Метафора и метонимия – это

универсальные в своей понятийной основе способы переосмысления окружающей человека действительности. Согласно точки зрения В.Н. Телия, различие между ними сводится к тому, что «метафора как прием – это предикация нового свойства, полученного на основе аналогии, и выбор имени на основе такого подобия». Метонимия, напротив, по мнению В.Н. Телия есть «извлечение какого-либо свойства из уже оязыковленного отражения действительности в силу его смежности со свойством нового обозначаемого и выбор ему имени, отражающего в своей семантике эту смежность» (Телия 1977: 210).

Н.Д. Арутюнова в этой связи пишет о том, что метафора и метонимия выполняют разные функции, которые соотносятся с определенными синтаксическими позициями. Так, для метафоры естественно функционировать в сфере предиката (шире, атрибутов), выполняя характеризующую функцию, а метонимия же выполняет идентифицирующую функцию и фигурирует в сфере субъекта (Арутюнова 1999: 352).

Интересными являются наблюдения Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафора и метонимия в их понимании – это разные виды процессов. Метафора рассматривается ими, прежде всего как способ постижения одной вещи в терминах другой. Метонимии, согласно точке зрения Лакоффа и Джонсона, присуща в основном референциальная функция, т. е. она позволяет одной сущности заменять другую. Исследователи указывают также на функциональные сходства и различия метафоры и метонимии: «Метонимия в какой-то мере служит тем же целям, что и метафора, и используется похожим образом, но она позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается» (Лакофф, Джонсон 2001: 60-63).

Изучение языковых явлений невозможно без обращения к когнитивным механизмам, которые положены в основу деятельности человека как создателя языка. Поэтому на современном этапе развития лингвистической науки представляется актуальным изучение метонимии наряду с метафорой в рамках когнитивной лингвистики, где метонимия предстает как один из базовых когнитивных процессов формирования, представления и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Н.В. Рунова пишет в этой связи: «Когнитивный подход к метонимии предписывает рассматривать ее как один из принципов организации обыденного мышления и определенный способ концептуализации и категоризации действительности» (Рунова 2006: 3). Таким образом, прочно утвердившееся в современном языкознании когнитивное направление, опираясь на весь предыдущий опыт традиционных лингвистических исследований, позволяет выявить ментальные основания языковых явлений и значительно расширить взгляд на такие, казалось бы, детально изученные явления, как метонимия.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля / С. В. Меликова-Толстая, И. М. Троцкий и др.; под общ. ред. О. М. Фрейденберга – М. : Алетейя, 1996. – 368 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
4. Большая советская энциклопедия / Н. К. Бабайцев, А. А. Благоднаров, Б. Е. Быховский и др.; под общ. ред. А. М. Прохорова – Т. 16. – М. : Советская энциклопедия, 1974. – 616 с.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Н. Д. Арутюнова, В. А. Виноградов, В. Г. Гак и др.; под общ. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
6. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М., 1958. – 460 с.
7. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский. – Казань, 1883. – 325 с.

8. Кубрякова, Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия – М., 1992. – 159 с.
9. Лакофф, Дж, Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
10. Никитин, М. В. Знак – значение – язык / М. В. Никитин – Учеб. пособие. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 226 с.
11. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М. : Академический проект, 1995. – 695 с.
12. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
13. Рунова, Н. В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд фил. наук : 10.02.04. / Н. В. Рунова. – М., 2006. – 23 с.
14. Сандакова, М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного / М. В. Сандакова // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С.106–112.
15. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований – М., 1977. – 356 с.
16. Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // Теория метафоры – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.

*Т.А. Романова, С.В. Шелкова
Барнаул*

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В философском понимании объективный мир представляет собой систему систем, элементы которой находятся в тесном непосредственном или опосредованном взаимодействии и взаимообусловленности (Аверьянов 1974: 35, Свидерский 1983: 73). Человек ежедневно вступает в отношения с бесконечным количеством систем, находящихся вокруг него и образующих среду его существования.

Соответственно своей универсальной сущности понятие системы является одним из наиболее наукоемких, определяющих характер существования как объектов онтологии, так и создаваемых артефактов, и потому широко используемым в разных областях научного знания. На этом основании всем ходом развития современной науки и практики понятия элемента, отношения, структуры выдвигаются в ряд значимых философских и естественнонаучных понятий. Не существует такой отрасли знания, в которой бы не использовались знания, связанные с системным и структурным подходами. Вызвано это тем, что человеку все чаще приходится иметь дело с весьма сложными целостными образованиями, обладающими иерархическим структурным строением, сложными компонентами, специфическими законами развития и функционирования. Понятие системы распространилось во всех сферах науки, проникло в обыденное мышление, в средства массовой информации и во многие другие сферы жизнедеятельности. Система

определяется как отграниченное, взаимосвязанное противоречивым взаимодействием единство тел или элементов (Аверьянов 1974: 9); как организованная сложность (Берталанфи 1969: 30); как множество элементов, находящихся в отношениях и связях между собой, которое образует определенную целостность, единство (Философский словарь 1975: 365).

Понятие системы неизбежно предполагает определенную организацию и потому тесно связано с понятием структуры. Каждая система характеризуется набором элементов, сложная система включает более просто организованные подсистемы, выстраиваемые в некоторые уровни, характеризующиеся устойчивыми или подвижными состояниями и регулируемые внутренними законами. Структура системы – это ее внутренне строение, она определяет, из чего система состоит, каковы ее типичные способы поведения и при каких условиях один типичный способ поведения сменяется другим (Костюк 1993: 13); это способ связи элементов, выражающий их непосредственную зависимость и взаимозависимость (Свидерский 1983: 46). Система должна быть *единой*, и в то же время *множественной*, т.к. включает в себя позиции составляющих. Нет такой системы, которая бы внутренне состояла из одного элемента. Идея системы несет идею оппозиционности: необходимы по меньшей мере две составляющих, находящихся в определенных отношениях, чтобы составить систему (Гийом 1992: 105).

Любая (динамическая) система находится в состоянии перманентного изменения (развития). Как любая система, система языка, подвержена изменениям, происходящим изначально в узусе, затем переходящим в норму. Единицы языковой системы изменяются неравномерно, под воздействием внутренних языковых факторов, в силу наличия заимствований в процессе взаимодействия языков, по причине изменений, происходящих в социуме, то есть под влиянием внутренних, собственно лингвистических, и внешних, экстралингвистических, факторов (внутренняя и внешняя лингвистика) (Соссюр 1977). Отражая культурные, социальные и многие другие особенности народа, говорящего на данном языке, изменяясь во времени, языковая система, вместе с тем, сохраняет свою целостность. Наряду с развитием происходит сопротивление какому бы то ни было изменению с целью сохранения привычных и коммуникативно отработанных языковых средств. Эта тенденция порождается одной из основных функций языка – быть средством общения. Для сообщества, использующего определенный язык, важно, чтобы языковая система сохраняла более-менее стабильное состояние для возможности осуществления успешного общения (Серебренников 1970: www). Эта особенность систем подчиняется одному из законов теории систем – закону функциональной эволюции и целостности, согласно которому любая система способна претерпевать изменения, сохраняя себя (Моросанов 1996: 106).

Анализ языковых единиц в диахроническом аспекте дает возможность проследить, как под влиянием внешних и внутренних факторов происходит изменение и развитие языковых подсистем. Изменения такого характера прослеживаются, в частности, в системе личных местоимений английского языка.

Известно, что древнеанглийский (или англо-саксонский) период соответствует времени вторжения германских племён (англов, саксов, ютов) в Британию (середина V в.) или с самых ранних дошедших до нас письменных памятников английского языка (VII в.) до XI в. (Ильиш 1968: 50). Древнеанглийские личные местоимения представляли собой лексико-грамматический класс и в качестве форм актуализации имели категории рода (мужской, женский, средний), числа (единственное, двойственное, множественное) и лица, а также категорию падежа, представленную четырьмя формами (именительный, родительный, дательный, винительный). Все эти формы, представляющие способ существования класса в системе и его актуализационный потенциал сведены в таблице 1.

Таблица 1

Категориальные показатели личных местоимений в древнеанглийском языке

	1 лицо			2 лицо			3 лицо			
	ед.	дв.	мн.	ед.	дв.	мн.	ед.		мн.	
							м	ж	с	
N	ic	wit	wē	þū	ʒit	ʒē	hē	hēo	hit	hīe, hīo, hī, hū
G	mīn	uncer	ūre	þīn	incer	ēower	his	hire	his	hiera, hira, heora, hyra
D	mē	unc	ūs	þē	inc	ēow	him	hire	him	him, heom
Ac	mē	unc	ūs	þē	inc	ēow	hine	hīe	hit	hīe, hēo, hī, hū

В таблице четко выявляются основные особенности системы личных древнеанглийских местоимений английского языка. Они включают:

- 1) наличие двойственного числа местоимений первого и второго лица (wit – мы двое, ʒit – вы двое);
- 2) отсутствие форм двойственного числа у местоимений третьего лица;
- 3) наличие общей формы для мужского, женского и среднего рода во множественном числе, представленной несколькими фонетическими вариантами: hīe, hū, hī.

Считается, что грамматический строй языка отражает самые важные для определенного языкового сообщества понятия (значения, явления). В языке для их выражения формируются определенные категории, получающие формальные маркеры. В древнеанглийский период основу мировосприятия составляет природоцентризм, согласно которому человек является частью мироздания и не рассматривается в противопоставлении природе. Свойственное человеку циклическое восприятие времени и законов природы детерминирует место человека в мире. Микрокосм (человек) не противопоставляется макрокосму (миру) (Кохановский 2001: 78). Человек не выходит за пределы мира, а является *созерцателем*. Поэтому употребление местоимения ic в древнеанглийском лишь выделяло субъекта из общины, не противопоставляя его остальным членам общности. Такая особенность восприятия мира человеком определяет наличие в языке формы двойственного числа (я и мы, ты и вы), при этом написание

местоимения первого лица единственного числа не выделяется заглавной буквой, как в современном английском языке.

Исчезновение формы двойственного числа древнеанглийских местоимений связано с несколькими важными событиями, происходившими на территории Англии на протяжении нескольких веков. Это – принятие христианства и установление тесных контактов со скандинавской культурой.

С принятием христианства в сознании средневекового человека происходит переворот. С одной стороны, христианство впервые открывает миру начало духовной свободы. С другой стороны, оно вырывает человека из природных «демонических» сил. Христианство ставит человека в центр мироздания, но человека духовного, подвластного Богу (Кохановский 2001: 154). Восприятие человека как части природы в единстве с другими представителями племени сменяется восприятием человека, стремящегося к уединению в его диалоге с Богом. Таким образом, с принятием христианства и вытеснением природоцентризма теоцентризмом постепенно исчезает из мировоззрения человека сама идея «я и мы вместе», что с течением времени ведет к уменьшению частотности использования формы двойственного числа, как не необходимых в общении, в силу ослабления значимости передаваемого ими понятия

Глобальному изменению в мировосприятии также сопутствует усиление влияния скандинавского языка вследствие массового поселения скандинавов на севере страны (Ильиш 1968: 167-169). Соответственно, элементы скандинавского присутствуют и в системе личных местоимений.

Поскольку в процессе развития окружающего мира все его системы находятся в отношениях взаимозависимости, это неизбежно детерминирует их взаимовлияние. Соответственно, эволюция общинно-родового строя от племени к народности в среднеанглийский период, а также взаимодействие с культурой и языковой системой Скандинавии заставило носителей языка отказаться от самобытной формы двойственного числа личных местоимений в пользу форм, общих для двух языков (известно, что общескандинавский не имел форм выражения двойственного числа в системе личных местоимений). Так окончательно исчезает форма двойственного числа, и местоимения *wit*, *3it* заменяются формами множественного числа *wē*, *3ē*. Также результатом скандинавского влияния является появление формы местоимения третьего лица множественного числа *they*.

Еще одним экстралингвистическим фактором, повлиявшим на развитие системы английского языка стало Нормандское завоевание. Приход к власти господствующего класса, несущего французскую культуру, повлек за собой вытеснение английского языка из сферы государственного управления. Знать общалась на французском языке, языком церкви была латынь, а английский язык оставался языком низших слоёв общества (Арсеньева 1980: 185). Длительное сосуществование английского, французского и латинского языков на одной территории привели не только к изменениям в графике и орфографии английского языка, но и к изменениям в грамматической системе. Под влиянием фонетической системы

французского языка происходит распад флективной системы и слияние форм дательного и винительного падежей в сфере личных местоимений (Бондарь 2007).

Философское мировоззрение всегда идет вслед за открытиями в естествознании. Так, открытие закона об обращении тел вокруг солнца Коперником в 1543 г. коренным образом изменило научную картину мира. Средневековое космогоническое представление мира подвергается критике и соответственно теоцентризм заменяется гелиоцентризмом.

Гелиоцентрическая система мира, возникшая в эпоху Возрождения, с иным представлением о строении Солнечной системы существенно повлияла на христианское мировоззрение. В результате такого взрыва в науке происходит раскол церкви и появляется новое направление в христианстве, протестантизм, как протест средневековым христианским представлениям об устройстве мира и места человека в нем. Средневековое представление «Бог → человек», где Бог детерминирует всё, заменяется иной парадигмой – «человек → Бог». Идея творения принадлежит человеку, а не Богу. Человек представляется предметом познания. Таким образом, происходит смена естественно-научной картины мира, теоцентризм вытесняется гелиоцентризмом, что в свою очередь детерминирует иное положение человека в социуме.

Соответственно меняется значимость человека в социуме. Акцент ставится на субъекте, на значимости личности, индивида. Это неизбежно находит свое отражение в языке. В этот период местоимение первого лица единственного числа *I* начинают писать с заглавной буквы.

Таким образом, в среднеанглийский период по сравнению с древнеанглийским периодом система личных местоимений претерпела очередные изменения. Основные из них коснулись грамматических категорий падежа, представленной четырьмя формами, и лица, представленной тремя формами в древнеанглийский период. Грамматическая организация подкласса личных местоимений в среднеанглийский период представлена наличием форм трёх лиц с трехпадежной системой склонения, и грамматической маркированностью двух чисел. В системе местоимений в среднеанглийский период появилось заимствованное из скандинавского местоимение *they*.

Таким образом, имеются основания говорить о том, что изменения в системе английского языка происходят под воздействием исторических, мировоззренческих, научных, религиозных и культурологических изменений в обществе. Изменения материального плана всегда являются результатом изменения мировоззрения человека: развитие научного знания, изменение представлений о мире дает человеку возможность посмотреть на мир иначе, в другой парадигме знаний, что, в свою очередь, приводит к переосмыслению значимости эмпирически наблюдаемых и научно осмысливаемых явлений. Подобные процессы неизменно отражаются в языке, поскольку новые значимые явления должны получить материальное воплощение в языке в виде закрепленных форм.

Процессы языковых изменений могут по-разному оцениваться с позиций их значимости для языка. Так, в частности, представители биологического направления считают, что изменения, ведущие к упрощению языковой системы, свидетельствуют о ее

деградации, разрушении и возможном «умирании» (А. Шлейхер, Ф. Бопп). С другой точки зрения, наблюдающиеся упрощения можно рассматривать как положительный момент в развитии языковой системы, поскольку в них проявляется тенденция к унификации, к экономии материальных средств выражения неизмеримо большего смыслового объема. Как любая другая функциональная (то есть не статичная) система, язык является сущностью, определяемой законами динамики, а потому исторически изменяющейся вместе с сознанием его носителей.

Библиографический список

1. Аверьянов, А. Н. Категория «система» в диалектическом материализме / А. Н. Аверьянов. – М., 1974. – 70 с.
2. Арсеньева, М. Г., Введение в германскую филологию: учебник для I–II курсов филол. фак. Ун-тов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьёва. – М. : Высш. шк., 1980. – 319 с.
3. Берталанти, Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. Берталанти // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1969. – 200 с.
4. Бондарь, В. А. Система личных местоимений древнеанглийского языка : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04 / Бондарь Владимир Анатольевич. – СПб., 2007. – 21 с.
5. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М., 1992. – 224 с.
6. Ильиш, Б. А. История английского языка: учеб. пособие для вузов / Б. А. Ильиш. – М. : Высш. шк., 1968. – 419 с.
7. Костюк, В. Н. Изменяющиеся системы / В. Н. Костюк. – М., 1993. – 352 с.
8. Кохановский, В. П. Философия: Учебник для вузов / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д. : Феникс, 2001. – 576 с.
9. Моросанов, И. С. Первый и второй законы теории систем / И. С. Моросанов // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник 1992-1994. – М., 1996. – С. 97–114.
10. Серебренников, Б. А. Общее языкознание / Б. А. Серебренников [Электрон. ресурс]. – М., 1970. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/serebrennikov_obshee/05.aspx
11. Свидерский, В. И. О диалектике отношений / В. И. Сидерский. – Л., 1983. – 137 с.
12. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – 584 с.
13. Философский словарь. – М., 1975. – 496с.

*З.А. Сахарова
Барнаул*

КОМПЕНСИРУЮЩАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СОЗДАНИИ АНГЛИЙСКОГО РЕЧЕВОГО РИТМА

Ритмическая структура синтагмы в различных языках имеет свои присущие им характеристики, придающие каждому языку свой уникальный акцент. Так, в русском языке центром динамического выделения в синтагме является слово, и почти на каждое слово падает ударение. Исключение составляют предлоги, союзы и некоторые другие слова, примыкающие либо к началу знаменательного слова, которые носят название «проклитики», либо к концу слова, они носят название «энклитики». Так, например, в сочетаниях типа «на

пол», «на год», «на уши» предлог может получить ударение, и тогда существительное выступает в роли энклитики. В сочетаниях же типа «на сто¹ле», «на сто¹гу», «на у¹шах» эти же предлоги выступают как проклитики при именах существительных. Однако наличие данного типа примеров не меняет общего характера синтагмы в русском языке, где ритмически, при помощи ударений, выделяется каждое слово.

Ритмическая структура в синтагме английского языка имеет иной характер построения. Ударением выделяется не слово, а слог, входящий в состав знаменательного слова и окружающих его энклитик и проклитик. Наличие большого количества служебных, формальных слов в английском языке, как правило, не имеющих ударения, имеет результатом факт объединения их вокруг знаменательного слова в качестве проклитик или энклитик, и образования отдельных групп, названных ритмическими.

Такой характер объединения слов в ритмическую группу требует слитного произнесения всех ее составляющих с сильным выделением ударного слога с одной стороны, и слабым, редуцированным произнесением энклитик и проклитик с другой стороны. Экспериментально доказано, что в пределах синтагмы темпоральные характеристики проклитик и энклитик не однородны. Проклитики произносятся гораздо быстрее, чем энклитики.

Ритмическая структура синтагмы в английском языке создается динамическим и темпоральным компонентами звучащей речи. Сильно выделенные слоги произносятся через относительно равные промежутки времени. Долгота произнесения звука играет решающую роль в создании этих равных промежутков времени. В системе английских гласных звуков темпоральный компонент представлен дихотомией *долгие гласные – краткие гласные*. Это подразделение, однако, не является постоянным признаком этих групп гласных фонем, так как внутри каждой группы существуют колебания по позиционному признаку – долгота гласной фонемы меняется в зависимости от ее положения в слоге. Такую долготу называют позиционной.

Общим правилом изменения долготы гласной фонемы по позиционному признаку является следующее:

а) гласная фонема имеет максимально возможную длительность в пределах своей долготной группы при ее финальной позиции в слоге – see – baby (краткий гласный [ɪ] в позиции энклитики в слове “baby” имеет более длительное звучание, чем он же в позициях перед звонкими и глухими согласными фонемами);

б) гласная фонема имеет некоторое уменьшение длительности в пределах своей долготной группы при ее позиции перед звонкой согласной фонемой – seen – in;

в) гласная фонема произносится максимально кратко в пределах своей долготной группы в позиции перед глухой согласной фонемой – seat – it.

В целом, существует шесть разновидностей длительности в системе английских гласных, и в порядке уменьшения эти длительности могут быть представлены в виде следующей последовательности:

1) самыми долгими фонемами в системе английских гласных являются долгие гласные монофтонги, дифтонгоиды и дифтонги [a: ɔ: u: z: i: eɪ aɪ ɔɪ iə ʊə ɛə aʊ ɜʊ] при их нахождении в финальной ударной позиции в слове;

2) эти же гласные фонемы произносятся несколько короче в позиции перед звонкими согласными фонемами [b d g dʒ m n ŋ v ð z ʒ l w r];

3) перед глухими согласными фонемами [p t k tʃ f θ s ʃ h] перечисленные выше гласные произносятся еще короче.

Далее, процесс сокращения длительностей продолжается в группе кратких гласных фонем [æ e ɪ ʌ ʊ] в таких же позициях:

4) самыми долгими эти краткие гласные фонемы являются в позиции энклитики;

5) несколько короче данные гласные фонемы звучат в позиции перед звонкими согласными фонемами;

6) самыми краткими эти краткие гласные фонемы являются в позиции перед глухими согласными фонемами.

Вся цепь из 6 долгот в системе английских гласных фонем может быть представлена последовательностью: [see – seen – seat – baby – sin – sit].

Для большей наглядности можно ввести условное процентное содержание длительности каждой гласной в зависимости от ее позиции в слове – [see≈100%; seen≈80%; seat≈60%; baby≈40%; sin≈20%; sit≈10%].

При таком разбросе длительностей в системе английских гласных фонем произнесение ударных гласных через равные долготные промежутки является задачей исключительно сложной. Необходимо уравнивать длительности ритмических групп, когда в одной из них ударный гласный находится в своей максимальной долготе, а в следующей ритмической группе – в минимальной.

Так, в синтагме “a'bout 'this /time” ударные гласные неравновелики по долготе. В порядке убывания по позиционной долготе самым долгим является дифтонг [aɪ] ≈ 80%. Он находится в позиции перед сонорным согласным [m] в слове “time”. Далее следует дифтонг [aʊ] ≈ 60%. Он находится в позиции перед глухим согласным звуком [t] в слове “about”. Самым кратким является монофтонг [ɪ] ≈ 10%. Он находится в позиции перед глухим согласным [s] в слове “this”. Здесь необходимо рассмотреть, как реализуется процесс выстраивания равных длительностей ритмических групп в синтагме при разнице долгот в последовательности ударных гласных, составляющей 80% – 10% – 60%. Как показывают наблюдения, которые подтверждаются данными электроакустического анализа, в этом случае в работу включается долгота предшествующих или последующих согласных и гласных фонем.

Рассмотрим характер функционирования английских согласных фонем в названных условиях. Известно, что основной характеристикой английских согласных фонем является

их напряженность. Представляется, что долготный компонент согласных английских фонем принимает значимое участие в создании их напряженности.

Основная сложность в постановке английского произношения заключается в том, что необходимо научиться «держат» согласный звук дольше, чем это необходимо по нормам русского языка. В русском языке такое явление может наблюдаться в особо эмоциональной речи. Это явление хорошо представлено искусством известного певца Владимира Высоцкого – «Чуть пмммммедленннее, кккони, Чуть пмммммедленннее», у которого выдержка согласных звуков придает его пению особую, ни с кем не сравнимую индивидуальность и выразительность.

Прием подобной «задержки» согласного звука в фазе его выдержки служит выполнению нескольких задач. Это и создание напряженности в произношении английских согласных фонем, играющей важную роль в распознавании семантики слов. Это и создание четкой нормативной речевой дикции, так как выразительность дикции строится, прежде всего, на четком произнесении именно согласных звуков. Но, как показывает практика – «задержка» согласного звука в фазе его выдержки играет основную роль в процессе выравнивания долгот звучания ритмических групп во фразе, имеющей разные долготные характеристики ударных гласных фонем.

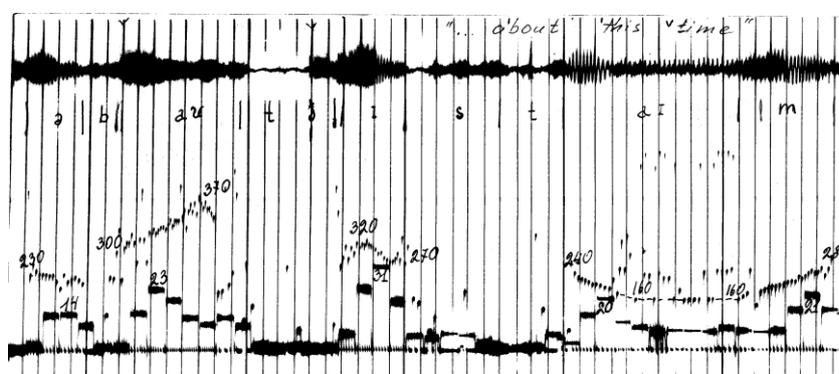
В системе английских согласных фонем классически более «долгими» по сравнению с русским языком являются английские сонорные согласные фонемы [m], [n], [ŋ], [l], [r], которые, при наличии их во фразе, первыми берут на себя задачу выравнивания длительностей ритмических длительностей в синтагме: “friend” – [frennd]. Наблюдения, однако, показывают, что при отсутствии сонорных согласных, любая из согласных фонем в английском произношении также может взять на себя «заботу» о поддержании равного времени произнесения ритмических групп в синтагме фразы путем увеличения своей собственной длительности. Известно, например, что согласные фонемы [p t k] теряют придыхание в позиции после фонемы [s]. Электроакустические исследования показывают, что в этих сочетаниях фонема [s] имеет очень большую длительность, забирая тем самым энергию у последующих взрывных согласных фонем [p t k] и они теряют придыхание: “sister” – [sstə]. Таким образом, фонема [s] также может быть включена в список английских согласных фонем, работающих на создание изохронности звучания ритмических групп в синтагме.

Наблюдения также показывают, что в роли компенсатора длительности при кратких ударных гласных фонемах в слоге может выступить не только долгая согласная фонема [s], но и любая другая из щелевых согласных фонем [f v z ð θ ʃ ʒ]. Это возможно потому, что акт увеличения фазы выдержки у этих согласных фонем не вызывает трудностей: “softly” – [sftli]. Более того, наблюдения показывают, что эту же функцию при необходимости могут взять на себя и взрывные согласные фонемы [p b t d k g], невзирая на краткий период своего звучания. При выравнивании длительностей ритмических групп эти согласные фонемы работают либо по принципу удлинения

«шлейфа придыхания»: “but” – [bʌt^{шшшш}], либо по принципу задержки фонации – периода молчания за счет задержки фазы размыкания органов речи при произнесении согласного: “picture” – [ˈpɪkkktʃə].

Для русскоязычной аудитории создание и поддержание английского речевого ритма в устной английской речи является, пожалуй, самой сложной задачей. Смещение и перераспределение акцентов в сфере длительностей английских гласных и согласных фонем, по сравнению с русским языком, требует постоянного внимания и оценки характера длительности в каждом слове синтагмы, а это исключительно тонкая, постоянная и очень напряженная работа. Здесь большую помощь может оказать прием вычленения относительно равновеликих длительностей в звучании как гласных, так и согласных фонем в пределах синтагмы, и опора на эти длительности как базовые при обработке ритма синтагмы.

Ниже приводится фотокопия данных электроакустического анализа фразы “about this time”, записанного носителем английского языка.

Одно деление на фотокопии составляет 20 миллисекунд. Анализ времени произнесения фонем в синтагме показывает, что в первой ритмической группе в слове “about” позиционно полудолгая фонема [aʊ] с длительностью 150 миллисекунд дополняется задержкой фонации до 90 миллисекунд при произнесении последующей согласной фонемы [t] и эта группа произносится за промежуток времени 240 миллисекунд ($150 + 90 = 240$).

Во второй ритмической группе в слове “this” долгота позиционно очень краткой фонемы [i] с длительностью в 90 миллисекунд дополняется или компенсируется значительным увеличением долготы последующей согласной щелевой фонемы [s] – длительность 160 миллисекунд, и вся группа произносится за промежуток времени 250 миллисекунд ($90 + 160 = 250$).

Длительности первой и второй ритмических групп относительно равны долготе ударного гласного [aɪ] в слове “time” в его долгом позиционном звучании в третьей ритмической группе перед сонорным согласным [m] – 260млс. При этом интересно отметить, что длительность первого согласного звука [t] составляет всего 40 млс, по сравнению с его же длительностью в первой ритмической группе, равной 90 млс. Так работает принцип отсутствия необходимости в компенсации длительности позиционного долгой гласной фонемы [aɪ] = 260млс.

Таким образом, наглядно представлен тонкий механизм создания равновеликих длительностей ритмических групп в синтагме, при котором долгие гласные фонемы дополняются кратко произносимыми согласными фонемами, и наоборот, кратко произносимые ударные гласные фонемы компенсируются увеличением длительности последующей согласной фонемы. В данном примере равновеликими следует считать фонемы [aʊ] в первой ритмической группе, [s] во второй ритмической группе и [aɪ] в третьей ритмической группе. Во второй ритмической группе согласный [s] взял на себя роль компенсирующего элемента, увеличивающего долготу ритмической группы с позиционно краткой гласной фонемой, и уравнивающего ее длительность с длительностями первой и третьей ритмических групп:

<u>about</u>	<u>this</u>	<u>time</u>
70..50..160..90	30..90..160	40..250..100
250млс – 250млс – 250млс		

Итак, сосредоточив внимание на равных по длительности произнесения звуках [aʊ] – [s] – [aɪ] в синтагме “about this time”, можно значительно облегчить задачу выработки навыка в создании одинаковых длительностей в произнесении ритмических групп как этой, так и любой другой синтагмы.

Е.Н. Семенчина
Барнаул

КВАНТИТАТИВНЫЙ ФАКТОР В КАУЗАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Каузальные отношения – одна из важнейших форм всеобщей связи и взаимосвязи явлений объективного мира. Эта связь существует там, где на временную последовательность событий накладывается необходимое порождение одного явления другим. Познавая тот или иной предмет действительности, человек выявляет его характерные признаки, ставит его в ряд с другими предметами и явлениями, определяет тип связи между сосуществующими явлениями – так человеческая мысль движется от знания внешнего к знанию внутреннему, от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой и более общей. Выясняя зависимость данного предмета или явления от других и его роль в порождении последующих событий, познающий субъект устанавливает причинно-следственные отношения между явлениями действительности.

Данные отношения являются чрезвычайно важным понятием для возможности познания мира индивидом, поскольку они позволяют не только осознать связи между объективными сущностями реальной действительности, но и связать события и факты в окружающем человека пространстве с его внутренним миром идей, убеждений и мнений.

Наличие в языке большого объема экспонентов репрезентации причинно-следственных комплексов свидетельствует о том, что данное явление представляет огромное значение для когниции мира человеком.

Причинность формируется разнообразными языковыми средствами и обеспечивает когерентность текста, где нарративная семантическая связность при взаимодействии с носителем сознания в процессе декодирования текста воплощается в когнитивное содержание, единый, континуальный смысл, в чем, по-видимому, и состоит смысловая функция употребления причинно-следственных конструкций в тексте. К конструкциям, передающим сложный комплекс причинно-следственных значений, относят имеющие высокую частотность употребления каузативные комплексы.

По количеству компонентов и их составу эксплицитные системные каузальные структуры могут носить моно- и поликаузальный характер.

К монокаузальным структурам относятся конструкции, в которых эксплицируется одна причинно-следственная линия, или цепь. Это может быть предложение с придаточным причины:

(1) *My mother, before she died, said I became a lawyer **because it was like being a priest*** (Coughlin, 50).

(2) *Some of my classmates were not at all what she had in mind, though I didn't tell her this **as I didn't want to be forced into uniform*** (Atwood, 93).

(3) ***They are instantly silent, so I know they've been discussing my materials at length*** (Grisham 1996, 198).

(4) *We're having the mail forwarded, **so that won't be a problem*** (Grisham (c), 351).

Все приведенные выше предложения построены по одной модели: от «причины 1» к «следствию 1». При этом причина может проявляться как характеристика объекта (первый пример), как внутренний мотив (второй пример), как событие, реально (третий пример) или потенциально (четвертый пример) вызывающее (могущее вызвать или стимулировать) свершение другого события.

Причина и следствие могут быть также выражены разнооформленными простыми предложениями:

(5) *She didn't like the way he kept studying her and Bill. **Just because Bill liked his liquor didn't mean he wasn't a good man*** (Clark, 115).

Монокаузальные события могут быть эксплицированы с выражением причинной пропозиции «свернутыми» номинациями:

(6) *The groom, Carlo Rizzi, was a half-breed, born of a Sicilian father and the North Italian mother from whom he had inherited his blond hair and blue eyes. His parents lived in Nevada and Carlo had left that state **because of a little trouble with the law*** (Puzo, www).

В онтологии отношений и логике выводов возможны варианты, когда одна причина вызывает два и более следствий:

(7) *He explained that while Sam was in jail they checked out his family and knew he had a son who had just left town, but since Eddie appeared to be harmless **they did not pursue the investigation. Instead, they spent their time watching Sam's brothers and cousins*** (Grisham (b), 272).

Иной вариант представляют случаи, когда одно событие происходит в силу воздействия на объект или явление нескольких причин:

(8) *She had circled an unusual transfer of ten million. Unusual because the money in this account did not normally return to the United States and unusual because it went to a bank they had never dealt with* (Grisham (a), 444).

В обыденном толковании это объясняется стечением обстоятельств. В логике интерпретации это объясняется в терминах контингентности, или случайности. В языковой экспликации такой тип отношений представлен поликаузальными гомогенными конструкциями, которые могут располагаться как в рамках одного предложения, так и в последовательности самостоятельных предложений или причинно-следственном блоке, и позволяют более развернуто интерпретировать (аргументировать) события (действия, положения, предположения-рассуждения, выводы относительно происходящего) и давать их причинное обоснование.

(9) *I didn't marry you because you could outplay Liszt. I didn't marry you because you were a star. I married you because I loved you and I believed you when you once said that you needed me* (Segal, 495).

(10) *He smiled as if it was some private joke only he himself could appreciate. But since he smiled in that fashion only in affairs that were lethal, and since the joke was not really private and since his eyes did not smile, and since his outward character was usually so reasonable and quiet, the sudden unmasking of his true self was frightening* (Puzo, www).

(11) *During electrocution, the skin gets so hot that they can't touch the guy for a while so in the old days they had to let him cool off before they could tell if he was dead. There are lots of stories about men who would sit still after the initial jolt, then start breathing again. So they would of course hit 'em with another current. This might happen four or five times. It was awful, so this Army doctor invented the gas chamber as a more humane way to kill people* (Grisham (b), 253).

Поликаузальные и монокаузальные причинные конструкции могут быть простыми, нераспространенными или расширенными, развернутыми, осложненными. К расширенным монокаузальным комплексам относятся структуры, в которых придаточное предложение причины может быть осложнено другим придаточным, например:

* определительным:

(12) *It is believed that Mr. Standifier will have no trouble with the police, as all witnesses who were present declare that the deed was done in self-defense* (O'Henry, 38).

* дополнительным:

(13) *He really emphasizes the word "now", so I know precisely where I'm headed* (Grisham (b), 138).

К осложненным поликаузальным причинным структурам относятся сложные предложения и причинно-следственные блоки, в состав которых входят разнородные экспоненты каузальных отношений:

(14) *The professors, almost all of whom are **teaching because they can't function in the real world**, think it's good training for us to track down obscure cases to put in meaningless briefs **so that we can get good grades** which will enable us to enter the legal profession as well-educated young lawyers (Grisham (c), 60).*

(15) *It seemed at first that there was no comfort for me here at all, **so I jammed my hands in my pockets, pressed my elbows to my sides, and cursed Sylvie in my heart, and that was a relief because it gave me something to think about besides the wood.** (Robinson, 155).*

(16) *There were no steps to my dance, **as I hadn't been taught any, so I made it up as I went along** (Atwood, 51).*

По типу вхождения в базовую структуру причинно-следственный блок может характеризоваться как:

- препозитивный:

(17) ***Since the moon was on the other side of the house, I was in shadow** (Robinson, 202).*

- постпозитивный:

(18) *I scarcely had the courage to walk over to the post office, **as I knew the policeman would be there** (Atwood, 345).*

(19) *I'm telling you this part **because later, after a few more drinks, you'll expect me to tell you who else is on the list and I won't do it** (Grisham (a), 100).*

- интерпозитивный, то есть такой, который «разрывает» базовую пропозицию:

(20) *"What's your wife's name?" she asked.*

"Why is that important?" he asked.

*"**Because when she calls, I would like to know her name, so that I can be real sweet and friendly to her on the phone.**" (Grisham (a), 67)*

По степени удаленности причинно-следственных компонентов друг от друга каузальность может быть контактной / дистантной:

(21) ***Since I knew nothing about the topography of London I took the first one I could get** (Atwood 160).*

(22) *Kay sat up very straight in the chair. "Why shouldn't I help him?" she asked. "We're going to be married, married people help each other." It was Detective Siriani who answered her. "If you help, you may be an accessory to murder. We're looking for your boyfriend **because he killed a police captain in New York plus an informer the police officer was contacting. We know Michael Corleone is the person who did the shooting.**" (Puzo, www)*

Анализ языковой фактологии свидетельствует о том, что:

- причинно-следственные связи имеют разнохарактерную содержательную специфику, отражая не только отношения в ряду онтологических событий, но и развертывание ментальных процессов, аргументативную среду риторики, а также отношения между разноуровневыми сущностями;
- английский язык располагает достаточно вариативным ресурсом экспликации причинно-следственных отношений, включающим простые нераспространенные и развернутые бипропозициональные и полипропозициональные «поверхностные»

структуры, конструкции номинализации, предложно-именные конструкции. Равным образом этот тип отношений может передаваться самостоятельными сентенциональными образованиями с маркированным или элиминированным маркером типа связи. В последнем случае реконструкция характера отношений опирается на фоновые знания и прагматическую доминанту коммуникантов, а также на широкий вербальный и ситуативный контекст;

- в научном, исследовательском ракурсе реконструкция подтверждается использованием приемов элиминации, подстановки и перифраза. Все разнообразие актуализационных вариантов сводимо к трем базовым структурным моделям, допускающим исчисляемое количество вариантов расширения;
- квантитативно-пропозитивный показатель имеет не только количественно-статистическую значимость: он отражает ситуативную актуализацию события в условиях действия моно- и поликаузативных проявлений, реализацию ограниченного следствия или распространенных последствий, а также характер зависимостей в рамках обозначенных отношений (прямые, косвенные);
- в осмыслении происходящего онтологический порядок проявления причины и следствия может нарушаться.

Список источников иллюстративного материала

1. Atwood, M. *Lady Oracle* / M. Atwood. – New-York, 1978. – 380 p.
2. Clark, M. H. *A Stranger is Watching* / M. H. Clark. – Glasgow, 1978. – 200 p.
3. Coughlin, W. *Shadow of a Doubt* / W. Coughlin. – St. Martin's Paperbacks, 1993. – 407 p.
4. Grisham, J. (a) *The Firm* / J. Grisham. – New-York, 1992. – 502 p.
5. Grisham, J. (b) *The Chamber* / J. Grisham. – New-York, 1995. – 676 p.
6. Grisham, J. (c) *The Rainmaker* / J. Grisham. – New-York, 1996. – 598 p.
7. O'Henry. *The Green Door and Other Stories* / O'Henry. – M., 1959. – 119 p.
8. Robinson, M. *Housekeeping* / M. Robinson. – New-York, 1981. – 219 p.
9. Segal, E. *Man, Woman and Child* / E. Segal. – Granada Publishing Ltd., 1981. – 221 p.
10. Puzo, M. *The Godfather*. [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.fictionbook.ru/ru/author/puzo_mario/the_godfather/

А.В. Сёмкина
Барнаул

ДИСКУРСНЫЕ ФУНКЦИИ АППРОКСИМАТОРОВ “SORT OF / KIND OF”

При изучении средств актуализации семантики приблизительности в английском языке обращает на себя внимание тот факт, что отдельные аппроксиматоры, лексические средства со значением нечеткости признака, а именно *sort of* и *kind of*, проявляют тенденцию к десемантизации, в результате которой закрепленное за этими входящими в предложно-именной комплекс именными лексемами системное значение полностью

утрачивается, что приводит к их переходу из разряда служебных слов в разряд так называемых незначимых слов (*fillers, non-words*), которые по результатам наблюдений и исследований характеризуются высокой функциональной частотностью в англоязычной речи, в том числе в официальных радио и телепрограммах:

(1) *“My project is, you know, sort of about the dialectic that kind of exists between the critical project, you know, and the sort of synthetic project.”*(BBC)

Очевидная даже в случае обыденного восприятия речи десемантизация речевых форм *sort of* и *kind of* в научном плане подтверждается использованием аналитической процедуры элиминации:

(1') *“My project is, you know, about the dialectic that exists between the critical project, you know, and the synthetic project.”*

В данном случае элиминация единиц высказывания *sort of* и *kind of* не наносит ущерба его смысловой целостности, то есть не затрагивает его информационного наполнения, и, таким образом, никак не влияет на процесс его восприятия и интерпретации, иными словами, не нарушает коммуникативной состоятельности. На этом основании формируется научная гипотеза, согласно которой функциональная значимость аппроксиматоров этого типа находится вне области понятийно-смыслового содержания высказывания. Естественным образом возникает вопрос о том, в чем заключается их коммуникативная целесообразность в случаях, подобных приводимым ниже:

(2) *“How would you describe your singing voice on this track?”*

“Well, I... I kinda howl like a wolf, and then ...kinda... kinda... squeal like a pig, but it seems to work, sort of.” (BBC)

(3) *“It's just an institution really, isn't it? I've sort of grown up with it, do you know what I mean? I did have an amazing year. I made this sort of little underground album. I obviously didn't think this was going to happen.”* (BBC)

Рассмотрим исследуемое явление с позиций теории дискурса. Дискурс (в лингвистическом смысле) представляется как коммуникативное явление, включающее как собственно текст, так и экстралингвистические факторы (фоновые знания, языковую компетенцию участников коммуникации, интенции, коммуникативные стратегии, эмоции, жесты, ритм и пр.). С позиций когнитивной лингвистики дискурс может быть определён как «совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанных с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением языковой картины мира говорящего адресатом» (Милевская 2002).

Существует множество классификаций типов и видов дискурса, однако в основании построения любого деления лежит противопоставление устного и письменного дискурса в силу того, что каждый из них строится по собственным законам и имеет свои особенности. Так, в частности, устный дискурс характеризуется синхронизацией процессов порождения и понимания речи, наличием контакта между говорящим и адресатом, что предполагает не только передачу некоторой информации, но и указание на эмоции и мыслительные процессы, и фрагментацией предикаций. Экстралингвистические

факторы, а именно гораздо более высокий темп порождения и степень формальности общения, также различны в двух типах дискурса (Chafe 1982).

Имеющийся в распоряжении автора корпус языковой фактологии свидетельствует о том, что рассматриваемые предложно-именные сочетания с *sort of* и *kind of* могут актуализироваться как в устном, так и в письменном дискурсе. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что они обнаруживают определенные особенности как плане частотности употребления, так и по характеру выполняемых функций в двух обозначенных типах дискурса.

Значение лексических аппроксиматоров выявляется в ходе дефиниционного анализа при семантическом расширении, обусловленном вхождением лексем *kind* и *sort* в предложно-именные сочетания, и определяется присутствием в их семантическом потенциале сем [подобие] и [сходство]. Эти семантические составляющие значения предопределяют осуществление исследуемыми формами функции уподобления, обеспечиваемой наличием имплицитного ментального действия сравнения именуемого объекта с общепринятым представлением о его сущности, или с нормой. Степень уподобления задается семантикой аппроксиматора, модифицирующего точное имя объекта. В подобных случаях аппроксиматор функционально сближается с лексемой *like*. Однако в конструкциях с *like* степень сходства не определяется и не поддается градации.

Характерной особенностью структур с аппроксиматорами в данной функции является то, что они практически не имеют ограничений в плане сочетаемости с именами различной категориальной семантики, а именно именами объектов и их признаков, процессуальных признаков и признаков второго порядка. Так, например, в приводимых ниже случаях аппроксиматор *sort of* характеризуется дистрибутивным разнообразием:

(4) *Wykoff will agree to send me to our little office in Memphis for the next few months so I can work on the Cayhall case. Sort of a leave of absence, with full pay of course* (Grisham).

Понятие *a leave of absence* предполагает отпуск, отсутствие на службе, освобождение от работы в силу личных обстоятельств и отсутствие оплаты на данный период. В анализируемой ситуации говорящий планирует участвовать в судебном разбирательстве, что является его служебной обязанностью, однако рассматриваемое им дело касается его семьи. Кроме того, как известно из более широкого контекста, ему сохраняется оплата за труд. Аппроксиматор *sort of* маркирует неполное соответствие употребленного имени сущности обозначаемого явления, устанавливая относительную степень уподобления. Перифраз предложения (4') *It's like a leave of absence* демонстрирует функцию аппроксиматора как установления подобия, сходства.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, в которых говорящий прибегает к употреблению образных сравнений. Акт именования в таких случаях сопряжен с процессом выбора наиболее удачного имени для означивания элемента ситуации, например:

(5) *The granting of his citizenship was to him a kind of late-arriving birth certificate* (Segal).

Обращение к номинации *a kind of late-arriving birth certificate* продиктовано в данной ситуации намерением автора высказывания акцентировать значимость произошедшего события в жизни объекта описания. Аппроксиматор в данной ситуации маркирует степень адекватности, уместности сравнения.

В ходе анализа ситуаций аппроксимативного именованя признаков и состояний была выявлена способность аппроксиматоров к выполнению функции уточнения, конкретизации объема понятия, актуализированного в высказывании. Последовательное обращение к нескольким структурам с аппроксиматорами в рамках одного высказывания демонстрирует стремление говорящего выразить понятие наиболее точным образом, сузить его, делая более конкретным и понятным адресату речи, не прибегая к точному имени, например:

(6) *But obviously Eva, who was practically a sister, a sort of twin, a kind of extension of Marini herself, obviously Eva had nothing to do with the phone call* (Juniper).

Именуя отношения подобным образом, говорящий подчёркивает их близость и глубину, а введение в структуру высказывания аппроксиматоров *sort of* и *kind of* указывает на то, что в действительности Ева не имеет родства с говорящим и переводит существительные *sister, twin, extension* в статус оценочных слов, в отличие от их фактивного употребления, ср.: *She is my twin sister*.

Таким образом выявляется, что структуры с аппроксиматорами способны выполнять функцию уточнения и сужать объем точного имени объекта номинации в тех случаях, когда подлежащее квалификации явление, состояние, признак представлены языковой единицей нечеткой, расплывчатой семантики либо многозначной лексической единицей. Объем понятия, актуализируемого структурами с аппроксиматорами, представляется как более узкий и конкретный, и устанавливается в соответствии с контекстом высказывания.

Несколько иная ситуация наблюдается в следующих примерах:

(7) *She'd created a second document window and was perusing the rest of the Outlaw Labs document.*

"What is it?" Fontaine demanded. "Find something?"

"Um, sort of." She sounded uneasy. "You know how I told you the Nagasaki bomb was a plutonium bomb? Well..." Soshi took a deep breath. "Looks like I made a mistake." (Brown)

(8) *"Are you working tomorrow?"*

"I hadn't planned on it. In fact, my wife has sort of insisted we go to church." (Grisham)

Введение аппроксиматора *sort of* в структуру высказывания маркирует субъективность переживаемого ощущения, неловкость, испытываемую говорящим за то, что ему приходится сообщить. Элиминация аппроксиматора не нарушает в данном случае ни структуры, ни смысла высказывания. Это свидетельствует о том, что в данных микроконтекстах введение аппроксиматора несет не смысловую, а прагматическую нагрузку. Эта же функция проявляется в ситуациях, где говорящий избегает категоричности, испытывает сомнения в адекватности имени или своего суждения.

В ходе анализа ситуаций с аппроксиматорами *sort of* и *kind of* было выявлено достаточно большое количество случаев, в которых рассматриваемые предложно-именные сочетания не несут ни смысловой, ни прагматической нагрузки, полностью утратив значения неточности, приблизительности, неуверенности и сомнения. По всей видимости, не вполне корректным было бы говорить о том, что они просто «засоряют» речь и являются речевой привычкой отдельных говорящих. Такое употребление может быть вполне оправданным.

Отсутствие денотативного наполнения у рассматриваемых предложно-именных сочетаний, их неспособность передавать какую-либо фактическую информацию и выступать средством обеспечения когезии позволяют предположить, что их функции в дискурсе несколько иные, чем у тех единиц, которые обычно квалифицируются как дискурсивные маркеры.

В отдельных исследованиях дискурсивные маркеры определяются как класс единиц, генетически восходящий к классам союзов, наречий и предложных фраз, маркирующих отношения между предыдущим и последующим сегментом высказывания (Fraiser 1996), т. е. функционирующими как средство обеспечения когерентности в речевом акте. Данный подход представляется как весьма узкий, поскольку оставляет за пределами класса большое количество единиц, входящих в структуру высказывания и выполняющих иные функции.

Более детальное представление о дискурсивных маркерах можно получить, если исходить из того, что текстообразующая функция не является для них единственной.

Любое речевое произведение есть набор языковых единиц, полнозначных и служебных, организованных в высказывание в соответствии с грамматическими правилами конкретного языка. Однако порождение высказывания не является одномоментным и предполагает наличие следующих этапов: 1) формирование линейной модели, где отсутствует конкретное лексическое наполнение, его морфологическая оболочка и не обозначен интонационный контур, 2) преобразование этой структуры в грамматическую структуру предложения и 3) актуализация полученных структур (Леонтьев 2007).

Первый этап состоит в мысленном отборе ядерных концептов, которые в дальнейшем подлежат вербализации при переходе собственно к внешней речи. Внутренняя речь не предполагает названия предмета (темы) и осуществляется при помощи отдельных ключевых слов, означающих наиболее значимую для субъекта информацию. Основными характеристиками строения внутренней речи являются ее фрагментарность, свернутость, сжатость (Лурия 1998: 146).

Внешняя речь, являясь физическим, материальным явлением, предполагает строгую организацию в соответствии с правилами фонетики, лексики, грамматики определенного языка. Таким образом, переход с внутренней речи на внешнюю не может быть представлен как «перевод с одного языка на другой». Этот переход представляет собой сложную динамическую трансформацию предикативной речи в синтаксически

расчлененную и понятную для слушающего речь (Выготский 2001). Отбор лексических средств осуществляется посредством операции сравнения объёма означиваемого понятия с объёмом лексического значения конкретной языковой единицы. На этом этапе обращение к структурам с *sort of* и *kind of* представляется вполне обоснованным, поскольку они обеспечивают говорящего временем для обдумывания и формулировки мысли без прерывания речи, или, иначе, не приводя к паузации, что в свою очередь не позволяет адресату речи переключить внимание с предмета повествования на что-либо другое. Обратимся к примеру:

(9) “*What do you think of them [classmates]? Are they good?*”

“*Well, you know... they are nice... mostly but **sort of** noisy... I mean talking all the way.*” (BBC)

Приведённый микроконтекст наглядно демонстрирует высказанные выше предположения о том, что аппроксиматор *sort of*, утратив своё системное значение [подобие, сходство], употреблен говорящим с целью заполнения паузы, возникающей при подборе слова для обозначения признака. О том, что говорящий испытывает некоторые затруднения, свидетельствует набор маркеров, присутствующих в реплике: *well, you know, sort of* и *I mean*. Эмоциональное состояние, темп речи говорящего также являются немаловажными факторами и имеют определенное влияние на структуру высказывания:

(10) “*What do you feel then? Are you happy?*”

“*Um, I was **sort of** surprised... no, it was **kind of** shock to me... so unexpected! But, yes... I'm happy, really.*” (BBC)

Состояние высокого эмоционального напряжения в речи говорящего проявляется в том, что он затрудняется точно именовать свои чувства, прибегает к автокоррекции и употреблению маркеров *sort of, kind of* и *really*.

Проведённый анализ структур с *sort of* и *kind of* позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, рассмотренные предложно-именные сочетания выполняют разные функции в письменном и устном дискурсе. В письменном дискурсе *sort of* и *kind of* функционируют как аппроксиматоры в сочетаниях со словами разной категориальной семантики, актуализируя значение приблизительного сходства между именем и означиваемым референтом, а также выполняют функцию конкретизации объёма понятия в ряду соположенных номинаций. Во-вторых, в устном дискурсе аппроксиматоры *sort of* и *kind of* проявляют тенденцию выступать средством указания на неуверенность говорящего и его желание смягчить категоричность суждения. В-третьих, *sort of* и *kind of* функционируют как дискурсивные маркеры на уровне неформального устного дискурса и проявляют себя как средство заполнения пауз при хезитациях, связанных с трудностями выбора имени объекта или признака, неуравновешенным эмоциональным состоянием говорящего либо его спешкой в неподготовленной речи, т. е. выполняют следующие функции: познавательную, коммуникативную и экспрессивную.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Познавательные психические процессы. – СПб. : Питер, 2001. – С. 368–395.

2. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев – Изд-во Едиториал УРСС, 2007. – 312 с.
3. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия – М. : Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.
4. Милевская, Т. В. О Понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода / Т. В. Милевская // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002». – Ч.1 – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – С.188–190.
5. Chafe, W. 1982. Integration and Involvement in Speaking, Writing, and Oral Literature / W. Chafe // D. Tannen (ed.) Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy. Norwood : Ablex, 1982. – P. 35–54.
6. Fraiser, B. Pragmatic markers / B. Fraiser // Pragmatics. – 1996. – № 6 (2). – P. 167–190.

Список источников иллюстративного материала

1. BBC [Электрон. ресурс] – Режим доступа:
<http://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/flatmates/index.shtml>
2. Brown, D. Deception Point / D. Brown. [Электрон. ресурс] – Режим доступа:
http://www.fictionbook.ru/ru/author/braun_dyen/deception_point/
3. Grisham, J. The Firm / J. Grisham. – New York, 1992. – 502 p.
4. Juniper, A. A Very Proper Death / A. Juniper. – London, 1992. – 350 p.
5. Segal, E. The Class / E. Segal. – New York, 1985. – 532 p.

*Н.Н. Трифонова
Барнаул*

СИМВОЛ: ФЕНОМЕН СЕМИОТИКИ И ГЕРМЕНЕВТИКИ

(к постановке вопроса)

Центральное понятие нашего исследования, символ, недостаточно четко очерчено в научной литературе. Есть многочисленные исследования в различных областях знаний, посвященные ему. Так, теорией символа занимались все поколения философов – от Платона до М. Хайдеггера; в психологии о символе говорили З. Фрейд и К. Юнг; в культурологии – И.Г. Гердер; в литературоведении – И.В. Гете. Наиболее известные теории символа в лингвистике разрабатывались Ю.М. Лотманом, А.А. Потебней, Б.А. Успенским, А.Ф. Лосевым, В.Н. Топоровым, Г. Курцем и др. В последнее время возрос интерес к семиотике и герменевтике как относительно новым направлениям лингвистики. По нашему мнению, именно эти науки наиболее актуальны для исследования символа.

Цель данной статьи – определить роль семиотики и герменевтики в изучении символа как многомерного явления.

Как известно, семиотика – это наука о знаках, исследующая свойства знаков и знаковых систем, основоположниками которой считаются американский философ и логик Чарльз Пирс и швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. Ч.Пирс создал базовую для семиотики классификацию знаков, которой пользуются до сих пор. Он выделил три группы знаков: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы (последние и являются объектом нашего исследования).

Из всех семиотических определений символа наиболее релевантным мы считаем следующее определение: символ – это знак, порождаемый установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению и, таким образом, представляющий собой единство материально выраженного означающего и абстрактного означаемого (EDS 1986). Во-первых, согласно Ч. Пирсу, символы – это конвенциональные отношения знака и значения: кто-то когда-то договорился, что, например, голубь будет символом мира, а осел – символом упрямства. Во-вторых, в символе означающее и означаемое обязательно смыкаются в одной точке, как бы они различны ни были. И, в-третьих, символ, как правило, выражает нечто абстрактное посредством материально существующего предмета или явления. Так, например, камень является обыденным предметом окружающей действительности, но в контексте может выражать такие абстрактные понятия как несокрушимость, смелость, духовную силу и т. д.

Очень часто, по справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, слово «символ» стало употребляться как синоним знака (Лотман 1996: 146). Символу как языковому знаку присущи такие свойства как двусторонность, произвольность, асимметричность, коммуникативность, преднамеренность. Символ так же, как и любой другой языковой знак, выполняет следующие функции: различительную, классифицирующую, экспрессивную, сигнификативную, моделирующую и прагматическую. Однако нельзя рассматривать знак и символ как тождественные явления и использовать одно понятие как синоним другого, поскольку:

1. Символ, в отличие от языкового знака, выполняющего познавательные функции, предполагает учет смыслов и ценностей, отражающих духовные, творческие возможности человеческой личности и социума. Ценность, которая становится основанием формирования символических смыслов, и мир ценностей, репрезентированных в символическом континууме, не могут быть адекватно «означены»: подлинная ценность не может быть представлена в виде знака. А символ делает символом именно его ценностная природа (Фадеева 2004: 6).

2. В отличие от знака, символу можно приписать принципиально неограниченное множество значений. Он событияен, т. е. связан с социально и культурно определяемым поведением носителей культуры.

3. Понять символ можно только исходя из контекста. При этом, в противоположность знаку, эта семантика не является производной от контекста – напротив, сам контекст произведен от символического смысла. Более того, в случае символа смысл всегда включает в себя не только «содержание», но и саму модель интерпретации, т. е. в символе совпадают план содержания и план выражения, которые в знаке всегда различаются (Фадеева 2004: 6).

4. Специфическими свойствами символа, отличающими его от знака, могут быть названы образность (иконичность), комплексность содержания символа и равноправие значений в нем, «имманентная» многозначность и расплывчивость значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре и перекрест

символов в культурах разных времен и народов, встроенность символа в структуру мифологии, литературы, искусства и других семиотических систем (Шелестюк 1997: 126).

5. К особым функциям символа можно отнести: 1) способность символа к бесконечному раскрытию своего содержания в процессе соотнесения со своей предметностью при сохранении и «неотменимости» данной символической формы; 2) способность символа, связанная с опытом его толкования, устанавливать коммуникацию, которая, в свою очередь, создает (актуально или потенциально) сообщество «посвященных», т. е. субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символов; 3) устойчивое тяготение символа к восхождению от данных «частей» к действительному и предполагаемому «целому». Символ в этом случае является местом встречи того, что само по себе несоединимо (Доброхотов, 2003).

Однако, несмотря на некоторое количество отличий между знаком и символом, символ, действительно, на практике выступает как элемент коммуникативного пространства и в этом качестве функционирует как знак – как единство (а не совпадение) означающего и означаемого. Но знак особого рода, со странными с точки зрения «классической» семиотики свойствами и функциями. В частности, он «интroversивен»: он ни на что не указывает, в основе его функционирования лежит не аналогия или индексальность, а тождество, а «означивание» происходит не в акте коммуникации, а лишь в процессе социально-культурного функционирования (Фадеева 2004: 7).

Говоря о семиотике, нельзя обойти вниманием вопрос о герменевтике. По нашему мнению, обе науки имеют множество точек соприкосновения.

Как известно, герменевтика – это теория и методология истолкования текстов («искусство понимания»). Она изучает, как интерпретатор воспринимает текст (актуальный смысл текста), как воссоединяются его представления с существующей действительностью (исторический смысл текста) (Варфоломеева 2007:112).

То или иное значение символа актуализируется только в контексте. Г. Курц подчеркивает, что правильно интерпретировать тот или иной символ возможно лишь при когерентном анализе всего произведения (Kurcz 2004: 80). И.Е. Фадеева добавляет, что понимать и интерпретировать символ можно не как отдельно взятую вещь, знак, образ или даже высказывание, а только с учетом бесконечного множества текстов в их целостности: в отличие от знака, символ не исчерпывается свойством дискретности. Символический континуум – это все смысловое пространство культуры (Фадеева 2004: 7). Иначе говоря, правильно понять и интерпретировать символ можно только исходя из контекста и общего культурного горизонта.

Сравнивая знак и символ, А.Ф. Лосев говорит, что любой знак является зародышем символа, то есть любому знаку может быть приписано символическое значение (Лосев 1995: 50). По мнению Г. Курца, который считает символ герменевтическим феноменом и ни в коем случае не семиотическим, знаки становятся символами только в процессе интерпретации. В языковых знаках обозначающее интерпретируется не для того, чтобы понять обозначаемое. Обозначающее не может существовать вне отношения к

обозначаемому и наоборот. Между обозначающим и обозначаемым существует как произвольное, так и обязательное отношение, между символизируемым и символизирующим существует возможность, обусловленная связанным контекстом (Kurz 2004: 85).

Однако, это не может быть любая возможность. Она должна вытекать из когерентной интерпретации всего текста. При этом супплемация значений мотивируется уже самой связностью текста. Г. Курц выделяет 3 основных типа мотивированности: синдекдохический, метонимический и метафорический типы (Kurz 2004: 85-86).

Читая текст, мы видим и понимает прежде всего прагматическое (прямое) значение знаков (область изучения семиотики). Однако, ознакомившись со всем произведением, мы анализируем события и явления, действия героев и предполагаем роль того или иного (в нашем случае символа) для развития сюжета, т. е. начинаем искать дополнительное значение, а это уже область изучения герменевтики.

Типичными позициями символа в тексте являются: 1) повторы; 2) антитезы; 3) значительные (тематические) позиции, например, в заголовке; 4) параллельное расположение; 5) немотивированные действия героев и ситуации; 6) культурно передаваемое наследие символов. Первые пять относятся к внутритекстовым приемам, последняя – к внешнетекстовым (Kurz 2004: 83).

В исследуемой нами философской сказке «Камень и флейта» Г. Бемманна (Bemmann 1983) повторы являются самой распространенной позицией для символики цвета. Каждый персонаж соотнесен с определенным цветовым символом, который повторяется при каждом появлении героя. Следует также назвать и тематическую позицию: два основных символа «камень» и «флейта» вынесены в заглавие книги. Не менее важную роль в анализе символов, особенно зооморфных, играет и культурно обусловленная интерпретация. Это связано с тем, что автор книги, будучи европейцем, описывает события, происходящие на Востоке. А, как известно, качества некоторых животных, например, осла, толкуются в этих культурах по-разному. Появление осла в исследуемом произведении олицетворяло бы для носителя европейской культуры глупость, упрямство и лень, а для жителей Востока осел - это умное животное, каковым оно и представлено в сказке.

Символ показывает возможные значения, объединяет среду и характер, пространство и историю, он образует текстовые структуры, что позволяет нам, помимо вышеупомянутых функций, говорить о текстообразующей функции символа в художественном тексте: « ... для «объявления» в художественном тексте необходимо определенное семантическое пространство. В этом и проявляется потенция каждого символа к текстообразованию» (Солодуб 2002: 47).

Таким образом, в герменевтике символ может быть определен как всякая структура значений, где первичный, денотативный, смысл означает одновременно и косвенный, коннотативный, смысл, который может быть понят только через первый (Варфоломеева

2007: 112). В отличие от знака, обладающего – в силу своей формальности и абстрактности – общедоступным нормативным содержанием, символ в значительно большей степени связан, с одной стороны, с материей своего выражения (чаще всего это визуальный образ), во-вторых, с историей своего существования, что при анализе символа заставляет обращаться к герменевтике как к методу прояснения традиций в трактовках того или иного понятия.

Рассмотрев символ в семиотике и герменевтике, мы пришли к выводу, что символ является комплексным знаком, в плане содержания которого имеются как минимум два равноправных ядра – прямое денотативное значение и переносное, чаще всего абстрактное или отвлеченное значение. С учетом того, что семиотика выделяет три основных аспекта изучения языка (синтактику, семантику и прагматику), изучить символ всесторонне можно и средствами семиотики. Символ, таким образом, феномен семиотики. При этом, однако, ввиду представленности символа в различных культурных текстах и ввиду понимания символа в зависимости от культурного горизонта, методы семиотики должны дополняться методами, предлагаемыми герменевтикой. Герменевтика помогает раскрыть смысл символов. В этом проявляется неразрывность связи между семиотикой и герменевтикой в изучении такого многоаспектного явления как символ.

Библиографический список

1. Варфоломеева, О. В. Герменевтика как наука о толковании скрытого смысла / О. В. Варфоломеева. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». – Том 20. – 2007. – № 3. – С. 109–114.
2. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – 2-е изд., испр. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
4. Солодуб, Ю. П. Textoобразующая функция символа в художественном произведении / Ю. П. Солодуб // Философские науки. – 2002. – № 2. – С. 46–55.
5. Фадеева, И. Е. Символ в культурной коммуникации / И. Е. Фадеева. // Человек. – № 6. – 2004. – С. 5–14.
6. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк. // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125–143.
7. Доброхотов, А. Л. Символ / А. Л. Доброхотов. [Электрон. ресурс] // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия – М., 2003. – 1 CD–Rom. – Загл. с этикетки диска.
8. Bemann, H. Stein und Flöte / H. Bemann. – Berlin: Goldmann Verlag, 1983. – 818 S.
9. [EDS] Encyclopedic dictionary of semiotics [Электрон. ресурс] / ed. by T. A. Sebeok. – Berlin, 1986. – 1 CD–Rom. – Загл. с этикетки диска.
10. Kurz, G. Metapher, Allegorie, Symbol / G. Kurz. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. – 112 S.

ОСОБЕННОСТИ РАМОЧНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЗАВИСИМЫХ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ОСТРОВНОМ НЕМЕЦКОМ ГОВОРЕ

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей рамочного оформления зависимых предикативных конструкций (ЗПК) в островном верхненемецком говоре с. Подсосново. Анализ проводится на основе устных монологических и диалогических текстов, записанных на магнитную пленку в ходе полевых экспедиций в Немецкий национальный район Алтайского края.

Как и придаточное предложение в литературном немецком языке, ЗПК в говоре характеризуется наличием рамочной конструкции, обеспечивающей ее целостность, а также четкое структурное оформление всей полипредикативной единицы. Удельный вес ЗПК с полной рамкой составляет около 81%. Однако в некоторых примерах наблюдается отклонение от порядка слов ЗПК в результате передвижения сказуемого или его изменяемой части в начальную позицию. При этом возможны несколько вариантов оформления ЗПК:

1. Рамочное оформление с выносом за рамку одного или нескольких членов ЗПК.
2. Рамочное оформление с неизменяемой частью двучленного или трехчленного сказуемого в конечной позиции.
3. Рамочное оформление с постановкой изменяемой части двучленного и трехчленного сказуемого между смысловым глаголом и отделяемой приставкой.
4. Оформление по аналогии с простым предложением (элементарным предложением сложносочиненного комплекса): сказуемое или его изменяемая часть занимает вторую позицию.

В 28% случаев изменение порядка слов происходит в результате выноса за рамку второстепенных членов ЗПК. Чаще всего за рамку выносятся обстоятельства места и времени, а также прямые или предложные дополнения. Нередко за рамкой оказываются сравнения, инфинитив или инфинитивная группа, как и в современном немецком языке (ср. Адмони 1973: 313). Нам встретились также вынесенные за рамку существительные с предлогом в функции определения, обстоятельства образа действия, а также приложения, состоящие из группы **als** + **существительное**. Однако за рамкой могут оказаться не только второстепенные, но и главные члены ЗПК. Так, в нескольких случаях нам встретилось вынесение за рамку существительного, выполняющего функцию подлежащего:

(1) ['me:bel 'ʔs 'alt / хэт' 'pʲsʲə vas 'ouvə truf / **tas nət so: 'nagʲɪç fte:t to: 'aləs //] =
*Möbel sind alt, wenigstens etwas soll darauf stehen, dass nicht so nackt steht da alles.***

В большинстве случаев с помощью выноса за рамку реализуется коммуникативная функция порядка слов (Демидова 1978: 16-27). Выносимые за рамку главные и второстепенные члены ЗПК несут существенную для слушающего информацию.

Располагая их вне рамки, говорящий тем самым подчеркивает их коммуникативную значимость. При этом коммуникативно нагруженные члены зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) могут находиться не только после рамочной конструкции, но и перед ней:

(2) [*mər hən kəfro:rənə kartɔvəlŋ / tə hɛpst vo: nət aoskəmaxt vɔrə / kətrɔknət un kəpaɡə //] = Wir haben gefrorene Kartoffeln, im Herbst welche nicht gelesen wurden, getrocknet und gebacken.*

В данном случае носители говора выносят коммуникативно значимые элементы вперед, располагая их перед союзом. В такой форме вынос за рамку встречается нечасто и характеризуется сильной эмоциональной окрашенностью.

Часто за рамкой оказываются члены ЗПК, содержащие уточнение сказанного или дублирующие (частично или полностью) какой-либо член ЗПК:

(3) [*vɔn sə tɛŋ kə'nɔmə 'hadə tən 'fɑ:de / to: va:v 'ɪç trae 'jo:rə 'alt //] = Wenn sie den genommen haben, den Vater, da war ich drei Jahre alt.*

В некоторых случаях вынос за рамку может быть обусловлен и реализацией текстообразующей функции порядка слов в пределах полипредикативной конструкции (ППК):

(4) [*'ʊn 'hɔt 'e:v ti: 'laet 'noikətsa:lt / 'ɔp 'alə kɔmə sɪn 'ʊf tən 'ta:k / vo: si: hɛn kə'zɑ:t //] = Und hat er die Leute gezählt, ob alles gekommen sind an dem Tag, welcher ihnen bestimmt wurde.*

Часть главного состава ['ʊf tən 'ta:k] выносится за рамку и располагается в непосредственной близости к зависящей от него предикативной единице, обеспечивая целостность ППК и более тесную связь ее частей.

В 19,7% случаев изменение порядка слов в ЗПК рассматриваемого говора происходит в высказываниях с двучленными и трехчленными сказуемыми в результате постановки спрягаемой формы глагола перед неизменяемой частью сказуемого. Вся группа сказуемого при этом располагается в конце ЗПЕ, образуя совместно с вводящим словом рамочную конструкцию. Рамка в этом случае имеет несколько иной вид, чем в современном немецком языке.

Рамка двучленной ЗПК имеет форму J---V_f+P, где J – союз или союзное слово, V_f – спрягаемая форма глагола, а P – неизменяемая часть сказуемого. Конструкции, построенные по такой формуле, составляют 25 % от общего числа примеров с изменением порядка слов.

Перемещение спрягаемой формы глагола в положение перед неизменяемой частью сказуемого с нашей точки зрения обусловлено коммуникативной функцией порядка слов. Как известно, в немецком предложении элементы, несущие важную информацию, тяготеют к постановке в конечной позиции. В придаточном предложении коммуникативно-значимые элементы располагаются непосредственно перед спрягаемой формой глагола. В рассматриваемом говоре в ЗПК с двучленным сказуемым в нейтральном варианте коммуникативным центром является неизменяемая часть сказуемого, которая и занимает позицию перед спрягаемым глаголом. Если же говорящий придает большее значение другому члену ЗПК, то информативно более важный элемент

вытесняет неизменяемую часть сказуемого с позиции перед спрягаемой формой глагола, в результате чего и образуется рамка J---IZ+V_f+P (IZ – информативный центр ЗПК).

Версия коммуникативной обусловленности перемещения спрягаемой части сказуемого в положение перед неизменяемой частью сказуемого подтверждается и при анализе ЗПК с трехчленным сказуемым, рамочная структура которых тоже имеет свои особенности. В таких ЗПК последнее место занимает неизменяемая часть сказуемого, как и в конструкциях с двучленным сказуемым, однако спрягаемая часть глагола стоит в середине группы сказуемого:

(5) ['un 'In 1938/ vi: sə to: kə'ho:lt sɪn 'vɔrə / 'ɪs mɔi 'pabə gəares'ti:ət 'vɔrə //] = *Und 1938, als sie hier genommen worden sind, wurde mein Vater verhaftet.*

Рамочная конструкция принимает вид J---P+V_f+PP, где J – слово, вводящее ЗПЕ, V_f – спрягаемая форма глагола, P – причастие второе смыслового глагола, PP – причастие второе вспомогательного глагола «werden». Такое положение спрягаемого глагола также может быть объяснено, исходя из коммуникативной функции порядка слов. В ЗПК, где главная смысловая нагрузка приходится на глагол, части сказуемого располагаются в последовательности P+V_f+PP. Если какой-либо член ЗПК является носителем более важной информации, то спрягаемая форма глагола передвигается еще на одну позицию вперед, так что информативный центр располагается перед ним: IZ↔V_f+P+ PP:

(6) [nu / 'hɔxtaetf / vi: 'ɪn.ti: .fʊ: / 'ɪs kə'leɐnt 'vɔrə //] = *Na, Hochdeutsch, wie es in der Schule gelernt worden ist.*

Определенные особенности расположения сказуемого обнаруживают в говоре ЗПК, содержащие глагол с отделяемой приставкой. В отличие от современного немецкого языка, глагольная приставка в них может отделяться. Чаще всего это происходит в ЗПК, сказуемое которых состоит из двух и более элементов. Изменяемая часть сказуемого в таких ЗПЕ располагается между приставкой и корнем основного глагола, образуя конструкцию Präf.+V_f+P.

Способность глагольных приставок в ЗПК отделяться и дистанцироваться от корня глагола обусловлена особенностью их функционирования в говоре. Практически все приставки сохранили семантику наречий, от которых произошли, в результате чего могут употребляться в качестве самостоятельных слов в предложении.

Отделение глагольной приставки в ЗПК и перемещение ее в позицию перед спрягаемым глаголом объясняется степенью ее коммуникативной нагруженности. Располагая приставку перед неизменяемой частью сказуемого, говорящий тем самым подчеркивает ее информативную ценность:

(7) [so: 'va:rə təs kɔl'xɔs bu'dʒɔnyj / pɪs 'vi:de ti: kɔl'xo:zə 'tsamə sɪn kə'fmi:zə 'vɔrə //] = *So war es der Kolchos «Budenny», bis die Kolchose wieder vereinigt worden sind.*

Изменение порядка слов ЗПК может происходить и вследствие перемещения спрягаемого глагола во вторую позицию. Значительную роль при этом играет тип ЗПК. Наиболее часто глагол-сказуемое оказывается во второй позиции в ППК с отношениями причины и уступки.

Отклонения от порядка слов в ЗПК с союзом «weil» имеют под собой историческую основу: в средневерхненемецкий период в придаточных предложениях с союзом «wande», соответствующим союзам «weil» и «da», глагол мог занимать как конечную позицию, так и располагаться на втором месте. Конечная позиция глагола в данном типе придаточных предложений утвердилась только в результате консолидации письменных норм немецкого языка в 17-18 веке (Paul 1989: 431). В устной разговорной и диалектной речи данное явление продолжает существовать до настоящего времени, постепенно проникая в область литературного языка. Вслед за причинными предложениями прямой порядок слов распространяется на придаточные предложения с союзами «obwohl» и «während» в современном немецком языке (Glück 1997: 39).

В рассматриваемом говоре изменение порядка слов в ЗПК уступки предположительно обусловлено влиянием русского языка: уступительные ЗПК оформляются по схеме простого предложения после союза [xɔtʰ], заимствованного из русского языка. Глагол в таких случаях ставится непосредственно после союза:

(8) [*hɔtʰ* 'ɪs ti: fvi:gemute 'rusɪʃ /no: me:v 'tu: 'a:ve 'aləs 'ʊf 'taetʃ //] = *Obwohl die Schwiegermutter russisch ist, tun wir aber alles auf Deutsch.*

Влиянием русского языка обуславливается и изменение порядка слов других типов ЗПК. В процессе речи при построении ППК говорящий иногда может применять русский синтаксический образец вместо немецкого. Многие ЗПК с глаголом-сказуемым на втором месте содержат русские слова и выражения, что, возможно, и приводит к изменению порядка слов по аналогии с русским языком, в котором придаточное предложение не имеет столь четкого оформления. Однако в большинстве случаев носители говора употребляют немецкую схему построения ЗПК даже в тех случаях, когда неоднократно переключаются с одного языка на другой:

(9) [*dɪk'tantɪ* / 'ɪzɫ'zɛnɪja / *vas mɛr 'sɛlɔmo:l 'fraevə 'mʊstə tɔrt* / 'hɛdə 'ɪç 'nɔxmo:l 'apke:və 'mɪzə //] = *Diktate, Nacherzählungen, was wir damals schreiben mussten dort, hätte ich nocheinmal abgeben müssen.*

В случае если говорящий изменяет порядок слов ЗПК под влиянием русского языка, он, тем не менее, придерживается рамочной структуры предложения, характерной для немецкого языка.

Изменения порядка слов наблюдаются и в сложноподчиненном комплексе с однородными ЗПЕ. Обычно рамочная конструкция оформляет обе ЗПЕ, относящиеся к одному главному составу и объединенные между собой сочинительной связью. Но в целом ряде случаев порядок слов второй ЗПЕ соответствует порядку слов простого предложения, например:

(10) [*vi: si: sə kə'nɔtmə hʊn* / 'ʊn ti: 'ɛldərə sɪn 'fɔɐtkɔŋə / ta: va:v 'ɪç tsvae jo:v 'axt 'mounat //] *Als sie sie genommen haben und die Eltern fortgegangen sind, da war ich 2 Jahre und 8 Monate alt.*

Возможно, изменение порядка слов в таких случаях можно объяснить стремлением устной речи к простоте – поскольку высказывание длинное, вторая по счету ЗПК строится

по аналогии с простым предложением, чтобы избежать излишней коммуникативной напряженности (ср. Девкин 1979, Каминер 1985, Галочкина 1997).

Если подлежащее в однородных ЗПК одно и то же, оно элиминируется:

(11) ['si:ptse:n jo:r hun 'ɪç ke'arvaet 'sanitarkoi w rɔd'dɔme / **so tass** 'ɪç təs vaes 'ʊn hun nat 'o:mo:l təs kə'se:ə //] = *Siebzehn Jahre habe ich als Krankenschwester im Entbindungsheim gearbeitet, **so dass** ich das weiss und habe nicht einmal das gesehen.*

Спрягаемая форма глагола второй ЗПК при этом размещается не в конечной позиции, а сразу после сочинительного союза «und». Изменение места сказуемого здесь объясняется реализацией структурной функции порядка слов – однородные члены (сказуемые ЗПК) группируются вокруг элемента, их объединяющего – в данном случае вокруг союза «und», что обуславливает целостность всей ППК.

В качестве второстепенных факторов, влияющих на изменение порядка слов ЗПК, можно назвать длину ЗПК и её позицию относительно главного состава.

Согласно результатам количественного анализа, длина ЗПК в устной речи носителей говора, в которых говорящий строго придерживается рамочного оформления, составила 5,38, конструкций с отклонением в порядке слов – 6,23. Средняя длина ЗПК в говоре составила 6,03. Более частое изменение порядка слов в длинных ЗПК, с нашей точки зрения, объясняется не стремлением говора к простоте, а скорее, тем, что именно в них в функции коммуникативного центра выступает не глагол, а другие члены предложения. Это и обуславливает перемещение спрягаемого глагола с конечной позиции в начальную.

Можно предположить, что на отклонения в рамочной структуре ЗПК влияет и её позиция относительно главного состава, так как порядок слов ЗПК, стоящих в постпозиции, изменяется чаще, чем в препозиции. Тем не менее, прямой зависимости порядка слов ЗПК от её позиции в сложноподчиненном комплексе установлено не было.

Таким образом, во всех случаях обнаруживается мотив, ведущий к отходу от рамочной структуры ЗПК в говоре: реализация коммуникативной функции порядка слов, спонтанность и эмоциональная окрашенность устной речи, стремление оформить ЗПК как единицу, входящую в состав более объемного целого, семантика ЗПК, влияние русского языка. В качестве второстепенных факторов выступают длина ЗПК и его позиция относительно главного состава. Зачастую изменение порядка слов вызвано действием не одного, а двух или даже целого ряда совокупных факторов.

Библиографический список

1. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1973. – 366 с.
2. Галочкина, М. В. Специфика разговорного синтаксиса / Коммуникативно-функциональное описание языка : материалы научно-практической конференции. – Уфа : БашГУ, 1997. – С. 68–69.
3. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Международные отношения, 1979. – 256 с.
4. Демидова, Т. К. Коммуникативно-стилистические функции порядка слов в предложении немецкого языка : дисс. ... канд. филол. наук / Т. К. Демидова. – М., 1978. – 217 с.

5. Каминер, Г. А. Особенности грамматических норм немецкой разговорной речи : дисс. ... канд. филол. наук / Г. А. Каминер. – Горький, 1985. – 208 с.
6. Glück, H., Sauer, W. W. Gegenwartsdeutsch / H. Glück, W. W. Sauer. – 2. überarbeitete Auflage. – Stuttgart, Weimar : Metzler, 1997. – 218 S.
7. Paul, H. Mittelhochdeutsche Grammatik / H. Paul. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – 645 S.

*Н.В. Трунова
Москва*

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЗНАКИ ВРЕМЕНИ

Когда встает вопрос об определении времени, исследователи (от физиков до метафизиков) попадают в плен стертых метафор: «река времени» Гераклита Эфесского (V в. до н. э.), «стрела времени» А.С. Эддингтона (XIX в. н. э.), основание которых заложено в геометрии объектного мира. Как в научной, так и в обыденной картине мироосознания время чаще всего представляется в виде двух моделей: цикличной (в мифологическом представлении эта идея воплощается в образе Хроноса) и линейной (мифологический образ Эона). Обе заимствованы у естественных эмпирически наблюдаемых данностей. Первая связана с природными явлениями, имеющими повторяющийся характер – смена времен года, приливы и отливы, восход и заход солнца (не случайно первые часы были солнечными – круговыми, основанными на движении тени указателя, как стрелки, перемещающейся по окружности, обусловленном вращением земли – в наивной картине мира – «движением солнца»). Вторая – с природными явлениями, проявляющимися в последовательности изменений – росток, цветок, плод.

Основную проблему столкновений философских концепций времени составляет вопрос природы времени (Хасанов 1998), поставленный, согласно сохранившимся источникам, еще древними греками (хотя, вполне возможно, занимавших умы представителей и более древних цивилизаций). И если Аристотель (IV век до н. э.) не формулирует прямо онтологичности времени, отмечая его относительность в смысле порядка последовательностей (Аристотель: www), то Августин Аврелий (IV век н. э.) определяет время как атрибут мировосприятия, вводя тем самым в его интерпретацию категорию субъекта (Августин 1998). В физике И. Ньютона (конец XVII – начало XVIII века), как науке, основанной на точных методах изучения мира, время представляется безотносительно к наличию воспринимающего его субъекта. В физике бельгийского ученого русского происхождения И. Пригожина (начало XXI века) время – это объективная данность, фундаментальный атрибут физической вселенной.

Несмотря на отсутствие (или неразвитость) сенсорных форм его восприятия и независимо от характера толкования его сущности (как измеряемой данности или как меры данного) время осмысливается (по-разному в разных культурах и этносах) и передается языковыми формами. В лингвистических трудах это традиционно изучаемые грамматические категории темпоральности и лексические единицы темпоральной

семантики. Особое поле исследования в смысле концептуализации и вербализации времени в современном частном языкознании представляют его фразеологизация (*once in a blue moon*), метафоризация (*in two cigarettes*) и мифологизация. В качестве постановки проблемы отметим такие практически неисследованные области отсылок ко времени, как аллюзии к библейским текстам, которые по своей природе выполняют не только функцию вторичной, метафорической номинации, перенося на описываемые события признаки тех, с которыми их сравнивают (Армагеддон в христианстве – последняя – жестокая – битва добра со злом, после которой наступает Апокалипсис, или «откровение», как понимание истины и существа происходящего), но и выстраивают параллельный план временной перспективы, отсылая к предрекаемым событиям Судного дня и описанным событиям Всемирного потопа (приблизительно 1600 год от Сотворения мира):

(1) *Armageddon came that weekend when he [father] summoned Danny to his cordovan-upholstered study* (Segal, 10).

(2) *But for now, we're much more like the animals on Noah's Ark* (Segal, 29).

Равным образом сказанное относится к введению в текст упоминаний исторических и политических событий:

(3) *The personal thriftiness of Queen Elisabeth II is one of the legends of the House of Windsor. Belonging to a generation which lived through the Depression and Second World War, she was, we were told, accustomed to squirreling away pieces of wrapping paper for future use* (Paxman, 196).

(4) *I knew it would be a tough event, full of people for whom the Vietnam War continued to be the defining moment in their lives and to whom the thought of someone like me as Commander in Chief was abhorrent* (Clinton, 74).

Аналогичным образом в актуализации срабатывают собственные имена известных (находящихся в культурологическом поле реципиента текста) личностей, поскольку, принадлежа определенной эпохе или поколению, они позиционируются не только в пространстве, но, прежде всего, во времени. Так в приводимом ниже примере (5) имена действующих лиц – Марка Туллия Цицерона и его жены Теренции – определяют эпоху Римской Империи (I век н. э.), а в примере (6) имена известных политических деятелей маркируют время президентства Билла Клинтона:

(5) *“Why is it my son thee always single out for criticism and political gossip?” “Because he is too tall, too handsome, too successful with the women, and too arrogant by far,” said Cicero's wife, Terentia, as direct as she was sour. “Besides,” added she who was married to a famous wordsmith and orator, “he has such a wonderful way with both the spoken and the written word.”* (McCullough, 13)

(6) *After the lunch, [Yitzhak] Rubin and the Israelis flew home for the High Holiday Days and the task of selling the agreement to the Knesset, the Israeli parliament, stopping on the way in Morocco to brief King Hassan, who had long taken a moderate position toward Israel, on the agreement. That night Hillary and I hosted a celebratory dinner for about twenty-five couples, including President and Mrs. Carter, President and Mrs. Ford, and President Bush ...* (Clinton, 105).

Вместе с тем, время (временная отнесенность) может маркироваться не только при помощи языковых экспонентов. В исследованиях этого феномена различают, например, время геологическое и время биологическое. Первое определяется при помощи геологических срезов и позволяет (аппроксимативно) определять возраст земли, что имеет существенную значимость в поиске природных месторождений, в прикладном плане – для археологических раскопок. Этот показатель, или признак времени, достаточно однозначен. Во втором, особенно если речь идет о человеке, могут выявляться некоторые расхождения в интерпретации, поскольку метрические и параметрические показатели могут и не совпадать (скажем, в метрическом измерении человеку сорок лет, а по параметрическим – физиологическим – данным его организм еще молод, или, наоборот, изношен гораздо больше среднестатистической нормы).

Особо вычлняются время мифологическое и время историческое. Мифологическое время парадоксально вне времени (для богов физического времени не существует, они стоят «над» временными изменениями и могут его перенаправить или вообще остановить, как сделал это Зевс во время своего посещения Алкмены). Идея вневременности существования богов воплощается в иконописи и соборной живописи эпохи Возрождения: отражение вечного передается в статичности момента застывших в движении фигур, всевидящего взгляда. Конечность времени земного несоизмерима с необозримой конечностью вечности, все-таки ограниченной рамками от сотворения мира до судного дня.

В определенном смысле время мифологическое по своим характеристикам приближается к времени психологическому, которое многомерно и обратимо, а в восприятии может ускоряться, замедляться и останавливаться (Алексина 1996).

Историческое время близко по содержанию к времени социальному. Его сущность определяется хронометражностью исторических социальных событий: произошедшее определенным образом датировано и этот показатель неизменен. События являются знаками исторического времени. Так, трагическое событие – вторая мировая война – это знак времени во всеобщей истории, определяющий середину XX века. Признаки исторического времени выявляются в характерных для него ценностях, конвенциях общественного бытия, культурной парадигме, приоритетах, моде. Уникальным примером передачи признаков времени художественными формами является фильм Этторе Скола «Le Val» (премия «Оскар» 1984), представляющий социально-политическую ситуацию Франции в период с 1934 по 1983 год своеобразным способом: в нем герои «протанцовывают» историю страны «от фланели к джинсе, от кадрили к хип-хопу» (Тризно: www). Течение времени, особенности ситуаций (народный фронт, немецкая оккупация, освобождение, война в Алжире, студенческие волнения 1968 года) передаются через признаковые показатели (военная форма войсковых офицеров, женские шляпки и форма каблука, характер танца и характер отношений). Особую функциональную нагрузку в этом фильме несет музыка: время дифференцируется сменой музыкальных стилей: веселые, живые довоенные французские мелодии обрываются под наступлением

жестких ритмов немецких маршей, которые далее уступают место жизнеутверждающему рок-н-роллу середины пятидесятых с Биллом Хейли в “Rock Around the Clock” и мелодично меланхоличной «Мишель» в исполнении группы «Битлз».

Художественное время определяется последовательностью изображаемых действий (Мукаржовский: www). Несмотря на то, что кинематографическая форма линейна в воспроизведении и восприятии, она обладает широким арсеналом средств, позволяющих осуществлять «игру со временем» в силу специфической визуальной репрезентации. Время «кинематографическое» может ускоряться и замедляться, возвращаться к прошлому и «забегать» в перспективу, «прокручиваться» и останавливаться. Его длительность может передаваться опосредованно визуальной дескрипцией состояния природы, как в мелодраме Джоан Чен “Autumn in New York” (2000) – от ранней осени до первого снега, или измеряться сопоставлением двух одновременных событий, как в романтической комедии Барбры Стрейзанд “The Mirror Has Two Faces”. Художественный прием ускорения времени предполагает «спрессованность действий», когда временные отрезки маркируются монтажно – последовательностью небольших эпизодов в развитии сюжетной линии (завтрак, деловая встреча в середине дня, вечеринка у приятеля, ночной телефонный звонок), его замедление требует использования технических средств (как долго летит на экране брошенный предмет, который не должен разбиться). Этот прием основан на асимметрии длительности времени реального и изобразительного и наделен серьезной функцией передачи психологии восприятия события и его временных границ. Изобразительная ретроспектива может передаваться черно-белыми «вкладками», прокручивающими события прошлого на фоне «цветного повествования» о настоящем, или просто акустически, например воспроизведением когда-то услышанного на фоне действия, происходящего в (художественном) настоящем. Уникальной сценографической находкой Рона Ховарда является фоновое изображение исторических событий, совмещенное с действиями в настоящем, происходящими на переднем плане в фильме “The Da Vinci Code” (2006). По-видимому, это не простая декорация, это параллель, акцентирующая устойчивость определенных сущностей в изменяющемся во времени и со временем мире, подчеркивающая многомерность мира и многомерность времени. Ощущение многомерности времени может быть достигнуто также представлением одного эпизода в разных ракурсах: финальная сцена фильма Сэма Мендеса “American Beauty” (премия «Оскар» 2000).

Со всей очевидностью выступает способность кинематографического времени соответствовать особенностям времени психологического, времени проживания и переживания происходящего: объемности, неоднородности, обратимости, многомерности.

Любое художественное произведение является формой атрибуции времени, поскольку оно ассоциируется с автором, направлением, жанром, периодом создания. Все эти показатели позиционируют произведение во времени как его признаки, обусловленные уровнем развития общества, культуры, науки, как пожелтевшая листва

является признаком осени, а распускающиеся почки – признаком весны, обусловленными естественными природными условиями. Определение знаковости невербальных форм передачи времени требует различения знаков и признаков.

В самом общем, наиболее адекватном объекту и доступном пониманию представлении знак – это *aliquid stat pro aliquo*, «что-то, что стоит вместо чего-то другого». Простым примером знака является денежный знак, выступающий эквивалентом материальной ценности объекта (можно поменять один объект на другой равноценный ему объект, а можно заменить разменный объект его символическим эквивалентом). В известной классификации Ч. Пирса знаки делятся на иконические, символные и индексальные (Пирс 2000). Индексальные знаки связаны с объектом по смежности (метонимический тип связи) во времени или пространстве. В языке – это прежде всего указательные местоимения и наречия. В других знаковых системах это разного рода указатели (например, стрелки направлений). Иконические знаки связаны с объектом по сходству (метафорический тип связи). Принцип конструирования иконического знака заключается в вычленении наиболее существенных (формальных или содержательных) признаков объекта и их (чаще всего) схематического изображения. Например, почти все знаки на панели инструментов компьютерного стола иконические. Знаки-символы являются знаками «по договоренности», они никак не связаны с объектом, который представляют. К таким знакам относятся знаки различия, наградные знаки, знаки отношений, принятые в логике и математике. Считается, что слова в большинстве своем являются символными знаками.

Знаки, используемые социумом для сохранения и передачи информации, являются либо конвенциональными, либо образными. Этой системе противопоставлены знаки естественные, или природные (Соломоник 1995). В их описании будем исходить из того положения, что всякий объект и всякое явление онтологии проявляется через сущностные показатели, или признаки. Так дым является признаком огня, сломленные ветки – признаком ураганного ветра, тучи – признаком скопления и охлаждения паров, высокая температура тела – признаком простуды, а усталость – признаком перегрузок. Признак неотъемлем от объекта. К признаку неприменимы показатели конвенциональности или образности. Для него не значимо наличие субъекта. Однако признак может подняться до статуса знака, как только он наделяется замещающей функцией, то есть становится «чем-то, что стоит вместо чего-то другого». При этом он может выступать в разных ипостасях: специально сломленные ветки, дым разведенного костра – знак-индекс, указатель, дым пожара – знак-сигнал, пожелтевшая листва – знак-символ увядания (в широком смысле слова). По природе естественные знаки являются частью того, что они обозначают.

В отличие от естественных знаков знаковость знака-образа основывается на сходстве с объектом. Знаками-образами являются наскальные рисунки древних цивилизаций, ритуальные танцы. Музыка, живопись, архитектура представляют собой образные знаковые системы. Однако в определении их актуализации необходимо проводить статусную дифференциацию. Здесь мы, по-видимому, вступаем в противоречие с концепцией Чарльза

Сандерса Пирса, говорившего о невозможности актуализационной трансформации в рамках «признак – знак». Данное утверждение некоторым образом (как бы помягче выразить свое несогласие с таким великим ученым) внутренне несообразно, поскольку признак – это характеристика объекта, а знак, во-первых, определяется суммарностью признаков, независимо от того, является ли он естественным или конвенциональным, во-вторых, соотносится с, возможно, детерминируется системой вхождения. Например, Карфаген в период расцвета – это признак своего времени как времени растущих и развивающихся древних цивилизаций. Разрушенный Карфаген выступает одновременно как признак жестокости имперских амбиций Римского сенатора Катона и символ неустойчивости положения системы. Карфаген в записках Гюстава Флобера «Путешествие в Карфаген» и на полотнах Джозефа Меллорда Тернера (Галерея Тейт) есть реплика объекта, знак-образ, внутренняя семантика которого расширена за счет включения в него эмоциональной авторской интерпретации. Как сигнификат понятия несуществующего ныне объекта, Карфаген – символ могущества, раздражающий варваров.

Как в человеке все от походки до прихотей раскрывает его сущность, так и в обществе – экономика, политика, культура суть отображение интеллектуального климата социума, некой внутренней концепции, философской доктрины, составляющей платформу его прогресса или регресса. Изменение научной парадигмы, характера мировосприятия и принципов мироосмысления рисует его новую картину всеми возможными, доступными и приемлемыми способами. Философия порядка сменяется философией хаоса, на смену концепции линейности приходит концепция ризоморфности. Это тоже знаки времени. Их знаковость закреплена в материальных формах разнообразия жанров и стилей. Достаточно сопоставить, предположим, (вообще говоря, мало сопоставимые) направления барокко и минимализма, чтобы понять, что каждое в свое время своими особенностями отражало заказ общества и проявлялось во всех областях культуры: в изобразительном и драматическом искусстве, в музыке и архитектуре.

Немецкий теоретик искусства Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг в лекции по философии искусства определяет архитектуру как «застывшую музыку». Со свойственной поэту метафоризацией мира, но черпая образ из более близкого объекту источника, Иоганн Вольфганг Гете, в своих «Изречениях в прозе», пишет об архитектуре как «окаменевшей музыке». Разделяя известное мнение, добавим, что архитектура – это остановившееся время. Собор «Саграда Фамилия» Антонио Гауди, «Палаццо Дукале» Филиппо Календарио, символизирующие пересечение веков здание Лувра и Пирамида Ио Мин Пейя, небоскреб «Gherkin» сэра Нормана Фостера отсылают нас к странам и датам, создавая во времени те переходные мосты, идя по которым, мы его узнаем.

Библиографический список

1. Августин, Аврелий. Исповедь / Августин Аврелий. – М. : АСТ, 2006. – 448 с.
2. Алексина, Т. А. Власть Хроноса / Т. А. Алексина. – М. : Изд-во ун-та дружбы народов, 1994. – 100 с.
3. Аристотель. Физика. Книга IV. Глава четырнадцатая [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/poeeast/aristotel/physic.txt>

4. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
5. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. : Алетейя, 2000. – 352 с.
6. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. К. Соломоник. – М. : Молодая гвардия, 1995. – 345 с.
7. Тризно, В. История в лицах и танцах [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://interfax.by/article/55969>
8. Хасанов, И. А. Феномен времени. Ч. I. Объективное время / И. А. Хасанов. – М. : МГУ, 1998. – 154 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Clinton, B. My Life / B. Clinton. – NY : Vintage Books, 2005 – 693 p.
2. McCullough, C. Caesar's Women / C. McCallough. – L. : Random House, 1996. – 867 p.
3. Paxman, J. On Royalty / J. Paxman. – London : Penguin Books, 2009. – 370 p.
4. Segal, E. The Class / E. Segal. – NY : Bantam Books, 1985. – 531 p.

*Е.К. Усова
Барнаул*

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ТЕОРИИ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ (к постановке проблемы)

Проблема скрытого смысла и способов его выражения является одной из самых спорных в развитии научной мысли за последние тридцать лет и обсуждается в целом ряде научных дисциплин, таких как лингвистика, логика, философия, психология. Достаточно подробно изучив вопросы, касающиеся «внешней» оболочки текста, лингвисты подошли к решению одной из самых сложных проблем – определению скрытого в тексте, того, что не выражено прямо, но подразумевается. Интерес к проблемам «внутреннего», скрытого пласта информации в тексте способствовал становлению и развитию таких направлений как когнитивная лингвистика и прагмалингвистика, изучающих когнитивные аспекты языка.

Одним из постулатов когнитивной лингвистики является неразрывная связь языка с когницией, то есть данное междисциплинарное направление изучает языковое значение как часть общей понятийной системы человека. Об актуальности проблем, изучаемых когнитивной лингвистикой, свидетельствует наличие масштабных лингвистических исследований, посвященных концепциям когнитивной грамматики (Р. Лангакер), теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), топологической семантике (Л. Талми) и теории концептуальной интеграции и ментального пространства (Ж. Фоконье) (Скребцова 2002, Будаев 2007).

Феномен формальной невыраженности смысла описывается в таких терминах как пресуппозиция, импликация, текстовая имплицатура, подтекст, скрытый смысл. Такой широкий терминологический диапазон обусловлен различными направлениями, в рамках которых исследуется сам текст – прагматика, лингвистика текста, традиционная стилистика,

филологическая герменевтика. Например, термин «пресуппозиция» используется в научных работах, исследующих связи логики и лингвистики (Наумова 1998). Термин «подтекст» является достаточно многозначным, но мы рассматриваем его в контексте теорий моделирования стратегий понимания текста, описанных в работах Ч. Филлмора, Т.А. ван Дейка, В. Кинча. В свою очередь, термин «скрытый смысл» изначально использовался в трудах, посвященных риторике, однако на сегодняшний день он широко употребляется в целом ряде разделов лингвистики и языкознания.

Применительно к лингвистической науке, явление скрытого, тайного, явно не выраженного в тексте получило различное терминологическое обозначение: «подтекст», «имплицитный смысл», «текстовая импликация», «глубинный смысл», «эзотерический смысл», но наиболее распространенным на сегодняшний день является термин «скрытый смысл». Стоит отметить, что мы также склоняемся к использованию понятия «скрытый смысл», так как оно наиболее точно отражает идею нашего исследования.

На тот факт, что в тексте существует некий скрытый смысловой пласт, вербально не выраженная информация, указывают многие отечественные и зарубежные исследователи. Например, эта мысль содержалась уже в работах А.А. Потебни, в его учении о «внутренней форме слова» и рассуждениях о смысловой плотности слова. Из концепции ученого следует вывод, что текст имеет особую структуру, которая аналогична структуре слова, и также характеризуется наличием скрытого смысла, онтологически ему присущего (Камчатнов 2007).

Большое количество подходов к изучению скрытого смысла текста возникло неслучайно и обусловлено тем, что понимание (толкование) смысла текста всегда было и остается главной целью его изучения. Отметим также, что проблема понимания исследуется не только в лингвистических дисциплинах, например, в философии именно проблеме понимания каких-либо явлений человеком посвящено больше всего исследований

Понятие «скрытый смысл» довольно часто употребляется на бытовом уровне, но дать ему полноценное определение чрезвычайно сложно. Чаще всего скрытый смысл определяют как что-либо не выраженное явным образом, отличный от непосредственно воспринимаемого текста смысл, который восстанавливается читателем, слушателем или адресатом на основании соотнесения данного фрагмента текста с предшествующей ему информацией, а также с жизненным опытом, собственным знанием адресата.

Из вышесказанного следует, что скрытый смысл присутствует везде, и особенно ярко его наличие можно проследить на примере устной речи.

Рассматривая устную речь, исследователи заметили, что языковые единицы употребляются говорящими в зависимости от их целей. Таким образом, важнейшей характеристикой речевой деятельности является ее целенаправленность. Например, в Японии в настоящее время активно развивается лингвистическое направление «языковое существование», изучающее смыслы, которые вкладывает говорящий в свои слова и то, как слова оказывают воздействие на получателя текста (Конрад 1959). Подобные лингвистические исследования приобретают особую значимость на сегодняшний день,

когда свойство воздействия слов настолько широко используется, к примеру, рекламой и пропагандой в условиях массовой коммуникации. Феномен такого воздействия на человека изучается не только в лингвистике, но и в психологии (Матвеева 1993).

Как уже было отмечено, понятие «скрытый смысл» тесно связано с прагмалингвистикой, предметом которой являются вопросы выбора «языковых средств из наличного репертуара для наилучшего воздействия» (Степанов 1981: 325). По мнению некоторых ученых, именно прагматическая функция языка является самой существенной, так как она регулирует поведение участников общения, играя большую роль в акте речевого взаимодействия.

Кроме того, в процессе изучения проблемы методики определения скрытого смысла, ученые сталкиваются с вопросами, затрагивающими скрытые и понятийные языковые категории (смысловые компоненты общего характера), которые тоже еще недостаточно изучены на сегодняшний день (Кацнельсон 1972).

Отметим, что скрытый смысл является одной из важнейших составляющих скрытой грамматики. Здесь мы сталкиваемся с пока недостаточно изученной областью языкознания – проблемой выделения и описания скрытых и понятийных категорий, которые на данный момент не имеют четкого терминологического и понятийного аппарата. Благодаря своему универсальному характеру, данные категории выражаются разнообразными средствами, что также вносит значительные трудности в процесс определения и разработки специфических методик анализа, отличающихся от традиционных (Бондарко 1987).

Изучение феномена скрытого смысла в контексте скрытой грамматики является актуальным на сегодняшний день, так как это позволит познать универсальные законы, свойственные каждому языку.

На сегодняшний день не создано универсальных методик выделения скрытого смысла в тексте, но лингвисты указывают на то, что он может быть распознан с помощью языковых маркеров, таких как слова, структуры экспликации (*I know, I want to...*), и некоторых других. Однако не стоит руководствоваться только этими формальными указателями, главным образом, выделить скрытый смысл можно на основе сопоставления эксплицитной информации с собственным знанием адресата.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что выделение и описание скрытого смысла в тексте – очень сложная задача в виду того, что данное понятие тесно связано с ментальной сферой человека, и восприятие и понимание скрытого смысла во многом зависит от знаний конкретного индивида. Согласно теории Ж. Фоконье, вся получаемая адресатом информация проходит через ментальное пространство, то есть эксплицитная информация адаптируется к собственному знанию индивида, в результате чего рождается эвристическое знание.

Несомненно, что исследованиями в области классификации скрытых категорий и методик определения скрытого смысла будет заниматься еще не одно поколение лингвистов в виду сложности данных вопросов и сравнительно недостаточной теоретической базы.

Библиографический список

1. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – 175 с.
2. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры [Электрон. ресурс] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16–32. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-07.htm>
3. Камчатнов, А. М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова [Электрон. ресурс] / А. М. Камчатнов // Русский филологический вестник, 1998. – №1/2. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/kamchatnov-98.htm>
4. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
5. Конрад, Н. И. О языковом существовании / Н. И. Конрад // Японский лингвистический сборник. – М., 1959. – С. 5–16.
6. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего / Г. Г. Матвеева. – АДД. СПб : СПбГУ, 1993. – 32 с.
7. Наумова, Л. А. Пресуппозиции в логике и лингвистике [Электрон. ресурс] / Л. А. Наумова // Философия: в поисках онтологии : сборник трудов Самарской гуманитарной академии. – Вып. 5. – Самара : Изд-во СаГА, 1998. – С. 236–255. – Режим доступа: <http://www.phil63.ru/presuppozitsii-v-logike-i-lingvistike>
8. Скребцова, Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконьи и М. Тернера [Электрон. ресурс] / Т. Г. Скребцова // Respectus Philologicus. – СПбГУ, 2002. – № 2 (7). – Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebcova.htm>
9. Степанов, Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изд. АН СССР, сер. яз. и лит., т. 40, 1981. – № 4. – С. 325–332.

И.В. Федоткина
Барнаул

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ КАТЕГОРИИ СУПЕРЛАТИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно суперлативность рассматривается как грамматическая категория, объективно выражающая наивысшую степень проявления признака лица, предмета или явления реального мира, формальными показателями которой являются суффикс *-est* и аналитическая форма с компонентом *the most*. В последнее время возрос интерес к исследованиям семантического и функционального потенциала суперлативности, её стилистических возможностей, которые, однако, ограничиваются сферой прилагательных, наречий и остаются в рамках сравнительно-исторического языкознания (Розина 1998, Ледовская 2004). Суперлативность как один из морфологических способов репрезентации семантической категории интенсивности, его прагматические функции исследуются в монографии И.И. Туранского (Туранский 1990).

В данной статье мы исходим из того, что суперлативность является семантической категорией и представляет собой систему иерархически расположенных единиц разных языковых уровней, объединенных общим семантическим признаком, передающим наивысшую степень качества, и прагматической

целью – придания высказыванию экспрессивной силы с целью максимального воздействия на адресата.

Признаки обладают внутренней способностью к градуированию. Все то, что может получить эксплицитные и имплицитные количественные определения, «будь то предмет (например, *дом*), действие (... *бежать*), качество предмета (... *красный*) или действия (... *грациозно*), по природе своей поддается градуированию» (Сепир 1985: 45). Градуирование, или способность признака к нарастанию/ослаблению (Вольф 2002: 237), ведет к интенсификации/деинтенсификации признака. Интенсификация, сдвинутая по шкале интенсивности в сторону смысла *большее*, в позицию *наивысшего*, *неординарного*, *суперординарного* признака, как правило, экспрессивна, характеризует категорию суперлативности и имеет разноуровневые средства языкового выражения.

На лексико-морфологическом уровне системные свойства семантической категории суперлативности представлены морфемными показателями *-est* и *the most*, которые, как правило, эксплицитно выражают высокую степень признака. Они могут входить в состав оценочного предиката и часто сопровождаются разного рода интенсификаторами, типа *one of the...*, *there is nothing anywhere else, than anywhere else (on Earth)*, *no where on Earth, in (all) the world, ever before, ever seen, known to man* и т. п., которые актуализируют суперлативность, убеждая в уникальности, исключительности лица, предмета или явления (Туранский 1990: 75-76):

(1) *This is Oak Creek Canyon, surely one of the most beautiful places that was ever invented* (Lewis, 7).

(2) *The lure of Arizona's Canyon country begins with the Grand Canyon, among the mightiest spectacles known to man* (Dyer, 13).

(3) *The thrilling, descending-spiral song of the canyon wren echoing against shaded cliffs of an evening is perhaps the most memorable sound in Glen Canyon* (Everhart, 11).

Лексико-семантические средства репрезентации категории суперлативности представлены, прежде всего, именами прилагательными интенсифицирующей семантики, которые Д. Болинджер определяет как наиболее приспособленные к интенсификации, стереотипные в качестве интенсификаторов и выражающие крайнюю степень признака: “the adjectives that are most often adapted to intensification, with a tendency to be stereotyped in this use ... are the ones that refer to extremes ... the extreme meaning (of which) is obvious” (Bolinger 1972: 149).

Самой обширной по составу является группа прилагательных, объединенных значением *соответствие качеству выше нормы* (Вердиева 1986), намного превосходящее представление о норме. Доминирующей семой такой группы прилагательных является сема [good], с сопутствующими признаковыми семами [extremely] и [very], выражающими наивысшую степень признака. Это такие прилагательные как *brilliant, exquisite, fabulous, glorious, magnificent, marvelous, wonderful* и многие другие:

marvelous ‘**extremely** good, enjoyable, impressive’ (LDCE); ‘**extremely** good, wonderful’ (OALD);

magnificent ‘**very** impressive, beautiful, and good’ (MEDAL); ‘**extremely** attractive and impressive; deserving praise’ (OALD);

glorious ‘**very** beautiful and impressive’ (OALD); ‘**very** beautiful in a way that makes you feel happy’ (MEDAL);

wonderful ‘**very** good, pleasant, or enjoyable’ (OALD); ‘**extremely** good’ (MEDAL):

(4) A *glorious sunset* above the Cockcomb ends another Sedona day in splendor (Clemenz, 62).

(5) Four Peaks, just north of Apache Lake, affords a *marvelous view of the salt River Valley* to the southwest and Tonto Basin under the Mogollon Rim to the northeast (Lewis, 75).

Центральной семой второй по объему групп прилагательных (*colossal, enormous, great, huge, immense, vast* и др.) является сема [large/big], которой также сопутствуют семы крайней степени признака [extremely] и [very]:

(6) The view from Point Sublime is studded with the buttes and temples that hug the North Rim, backgrounded by *the colossal side canyons* gouged into the Redwall limestone like oversize band shells (Lewis, 10).

Третья группа прилагательных объединена значением способный вызвать эмоциональную реакцию / вызывающий (являющийся причиной) эмоциональную реакцию (Вердиева 1986), то, что Д. Болинджер называет *imprast* (Bolinger 1972: 56). Центральной семой этой группы является сема [impressive], семантическими компонентами которой являются [unexpected/unusual], [extremely] и [very]. Это прилагательные *astounding, breathtaking, grand, spectacular, splendid, stupendous, stunning* и др.:

grand ‘big and **very** impressive’ (LCDE); ‘impressive, and large or important’ (OALD);

stupendous ‘**very** impressive, large or surprising’ (MEDAL); ‘surprisingly large or impressive’ (LCDE);

breathtaking ‘**extremely** impressive or beautiful’ (MEDAL); ‘**extremely** large, surprising’ (OALD);

stunning ‘**extremely** attractive or beautiful; **very** surprising or shocking’ (LCDE):

(7) Bell rock Vista offers a *stunning view of cliffs* of Munds Mountain Wilderness (Clemenz, 22).

(8) Flagstaff and Prescott in north-central Arizona preside over a region of truly *astounding natural beauty*, manifested in a variety of topographic features (Lewis, 16).

Замечено, что интенсификация признака может дополнительно усиливаться с помощью наречий (*especially, exceptionally, extremely, truly, very* и др.), которые называют ту же интенсивность признака, что и у прилагательного:

(9) The wide view of the canyon is *especially stunning* in the orange-red light of the setting sun, and a little later, with the sun already over the horizon, the river reflects the pastel colors of the evening sky (Lewis, 13).

Репрезентантами семантической категории суперлативности могут выступать и существительные, в семантику которых инкорпорирована неординарная степень признака. Среди них выделяется группа существительных, которые объединены топонимическим признаком. Образ таких топонимов служит эталоном самого лучшего, самого счастливого и самого красивого места на Земле; пространства, являющегося мериллом совершенства:

Eden 'a beautiful peaceful place' (MEDAL); 'a place of happiness and innocence' (LCDE);

El Dorado 'a place of very great wealth' (LCDE);

fairyland 'a beautiful, special or unusual place' (OALD);

heaven 'a place or situation in which you are very happy' (OALD);

paradise 'a place or situation that is extremely pleasant, beautiful, or enjoyable' (LCDE); 'a place or condition of great happiness where everything is exactly as you would like it to be' (OALD);

wonderland 'a place that is exciting and full of beautiful and interesting things' (OALD);

oasis 'peaceful or pleasant place that is very different from everything around it' (LCDE):

(16) *Hardly a great river by many standards, the Little Colorado is an Eden to all living creatures of the Painted Desert* (Houk, 25).

(17) *Golden beaches and soaring cliffs make this rugged edge of Hawaii a paradise on Earth* (National Geographic, April 2008).

(18) *By 2030, Glacier National park may have lost all its glacier. But with turquoise lakes, bighorn sheep, and two-mile-high peaks, Glacier-Waterton will always be a wonderland* (National Geographic, September 2007).

Качественный компонент семантики такого рода существительного может усиливаться интенсифицирующим прилагательным, который обнаруживает с ним семантическую близость и выражает сходные признаки:

(19) *This is Havasu Canyon, a lush green paradise that seems to sum up all that is possible in the way of natural beauty* (Lewis, 14).

(20) *Glen Canyon was home to Indians, a barrier to settlers, and an elusive El Dorado (a place of fabulous wealth) to miners* (Everhart, 4).

Неординарная степень признака предмета или явления часто достигается не отдельными лексическими единицами интенсифицирующего содержания, а их совокупностью в рамках одного предложения, «аккумуляцией/накоплением интенсификаторов» – *the accumulation of intensifiers* (в терминологии Д. Болинджера) (Bolinger 1972: 56), что ведет к максимальной интенсификации высказывания. Например, в следующем предложении используются сразу три лексические единицы, общим семантическим компонентом которых является [very]: *myriad* 'a very large number of something', *exquisitely* – дериватив от *exquisite* 'very beautiful, delicate', *mighty* 'very large, powerful or impressive' (OALD):

(21) *The myriad colors and constantly changing features include exquisitely beautiful waterfalls and pools, and the mighty Colorado River as well as the often photographed rock-formation* (Dyer, 13).

Нарастание интенсивности признака в следующем примере также достигается несколькими лексемами *great* ‘**very**’, *many* ‘**a large number**’, *stupendous* ‘**very surprising**’ (MEDAL): интенсивность как бы суммируется и, таким образом, достигается высшая степень выраженности признака:

(22) *Westward beyond this overlook there are a great many stupendous sights to be seen from the rim ...* (Lewis, 13).

Итак, суперлативность как семантическая категория на языковом уровне может передаваться, прежде всего, прилагательными и наречиями, в структуре основного значения которых прототипически присутствует признак, в нашем случае – высшая/крайняя степень признака. Такие прилагательные выступают ядром функционально-семантического поля категории суперлативности. Передача суперлативности с помощью имен существительных осуществляется благодаря их референциальным свойствам, которые относят к идеализированному оценочному прототипу. Номинация этих существительных вызывает образы предметов и явлений, выступающие эталоном совершенства для любого человека. А это выход на ментальный уровень, уровень концептосферы.

Библиографический список

1. Вердиева, З. Н. Семантические поля в современном английском языке : учеб. пособие для пед. ун-тов / З. Н. Вердиева. – М. : Высш. шк., 1986. – 120 с.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. Ледовская, Н. Н. Суперлативность в разносистемных языках (экспериментально-типологическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук / Ледовская Наталья Николаевна. – Ставрополь, 2004. – 143 с.
4. Розина, М. М. Категория суперлативности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Розина Марина Михайловна. – Нижний Новгород, 1998. – 247 с.
5. Сепир, Э. Градуирование: Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : 1986. – Т.16. – С.43–78.
6. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М., 1990. – 172 с.
7. Bolinger, D. Degree Words / D. Bolinger. – Paris, 1972. – 324 p.
8. [OALD] Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – Oxford University Press, 2009. – [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.oup.com/elt/catalogue/teachers>
9. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education, 2009 [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/>
10. [MEDAL] Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com>

Список источников иллюстративного материала

1. Clemenz, B., Clemenz, S. The Glorious Seasons of Sedona / B. Clemenz, S. Clemenz. – County Scenics Publishing, 1988. – 64 p.
2. Dyer, Arizona Traveller / R. C. Dyer. – Arizona Highways, 1995. – 96p.
3. Everhart, E. R. Glen-Canyon-Lake Powell / E. R. Everhart. – KC Publications, inc., 1990. – 48 p.
4. Houk, Petrified Forest Museum / R. Houk. – Assosiation, Arizona, 1990. – 56 p.
5. Lewis, P. M. Beauty of Arizona / P. M. Lewis. – LTA Publishing Company, 1989. – 77 p.

6. Chandwick, D. Crown of the Continent / D. Chandwick // National Geographic. – 2007. – September [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.nationalgeographic.com/>
7. Bourne, J. Fortress Coast / J. Bourne // National Geographic. – 2008. – April [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.nationalgeographic.com/>

Я.П. Филиппова
Барнаул

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ДИВЕРГЕНТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИСЕМАНТОВ

Являясь средством общения, передачи и хранения информации, язык одновременно является духовной сокровищницей народа, «цементируя» в себе духовную жизнь общества. Формирование в рамках семантической структуры многозначного слова локально маркированных (дивергентных) значений, развивающихся в его национальных вариантах, является одним из проявлений отражения культуры в языке, а также изменения и взаимодействия лексико-семантических систем национальных вариантов.

С точки зрения вариантологии, английский язык рассматривается как национально негомогенный язык, представленный микросистемами его национальных вариантов (американский, британский, канадский и др.). Любые изменения, происходящие в одном варианте языка, приводят в движение всю макросистему, вызывая определенные изменения и в ней. По мнению ряда ученых ((Швейцер 1971) и др.), основными тенденциями, характеризующими взаимодействие национальных вариантов и региональную вариативность английского языка, являются конвергенция (сближение вариантов языка) и дивергенция (расхождение вариантов). Интенсивнее всего данные процессы протекают на лексико-семантическом уровне. Дивергенция, в частности, проявляется в развитии регионально-маркированных значений, присущих определенному варианту английского языка (дивергентных значений) в структуре многозначного слова.

В английском языке существует немало двусторонне локально маркированных лексических единиц – таких многозначных слов, в семантической структуре которых имеются дивергентные значения двух вариантов (в нашем случае – американского и британского вариантов английского языка) при наличии общего английского значения (Швейцер 2003: 117-118). Для выявления особенностей содержательных связей дивергентных значений в структуре двусторонне локально маркированных существительных было отобрано свыше 100 (109) многозначных существительных из современных английских толковых словарей, содержащих национально-маркированные словозначения, помеченные как *British* и *American*. Анализ с целью установления их содержательных связей были подвергнуты 297 значений в структуре 109 полисемантов, из

которых 160 значений – дивергентные значения с пометой *British* (83) и дивергентные значения с пометой *American* (77).

Многочисленные существительные, имеющие в своей семантической структуре дивергентные значения в двух вариантах английского языка (британском и американском) представляют большой интерес в той связи, что развитие в них дивергентных значений происходило в двух направлениях, т. е. в двух разных культурах – британской и американской. В данной работе наряду с выявлением типов содержательных связей дивергентных значений, необходимо определить их направление. Первым этапом в данном анализе стало определение исходного значения, от которого в дальнейшем шло образование нового дивергентного значения, что возможно установить лишь опираясь на данные этимологических словарей, в той связи, что семантическая структура полисеманта часто очень подвижна, и в процессе своего развития слову свойственно приобретать новые значения и утрачивать старые. Необходимость в изучении этимологического контекста анализируемых полисемантов обусловлена тем фактом, что в современных толковых словарях очередность лексических значений в словарной статье представлена, главным образом, на основе частотности того или иного лексико-семантического варианта, а историческая очередность возникновения значений не принимается во внимание. Результаты этимологического анализа интерпретировались также с опорой на положение М.В. Никитина, согласно которому в синхронном плане значение может быть связано только с одним ЛСВ в семантической структуре многозначного слова (Никитин 1974: 35).

При изучении содержательных связей дивергентов-бритицизмов и дивергентов-американизмов с исходными значениями мы опирались на концепцию лексического значения и лексической полисемии М.В. Никитина (Никитин 1983). По мнению ученого, семантическая структура многозначного слова представляет собой «схему содержательных связей между словозначениями» (Никитин 1983: 36). Рассматривая содержательные связи значений с точки зрения синхронии, М. В. Никитин выделяет импликационные и классификационные концептуальные связи (там же). Классификационный тип содержательных связей далее подразделяется на симилиативные связи, гипо-гиперонимические и гиперо-гипонимические связи, т. е. связи расширения и сужения значения соответственно (Никитин 1974: 36).

Импликационные связи понятий представляют когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, т. е. связей между вещами, между частью и целым, вещью и признаком, между признаками вещи (Никитин 1983). Существует множество разнообразных видов связи, служащих основанием импликации, например «материал – изделие, причина – следствие, <...> часть – целое» (Никитин 1983: 39). В исследуемой группе двусторонне локально маркированных многозначных существительных, имеющих в своей семантической структуре дивергентные значения в британском и американском вариантах английского языка, примеры импликационных связей значений были немногочисленны – лишь в 10 случаях наблюдалась связь импликации между значениями. В качестве иллюстрации рассмотрим семантическую структуру существительного **blue**:

1. *the colour of the sky or the sea on a fine day;*
2. *Br someone who has represented Oxford or Cambridge University at a sport, or the title given to such a person* (LDCE 2003: 152);
3. *blue clothing or cloth;*
4. *Am a Union soldier in the Civil War;*
5. *Am the Union Army* (MWCD 1993: 125).

Дивергентные значения в британском (№ 2) и американском (№ 4) вариантах английского языка связаны с общеанглийским значением (№ 1) импликационными связями, что обусловлено наличием смежности между голубым цветом и а) цветом формы, которую носят студенты Оксфордского или Кембриджского университетов (по словам референта – носителя языка, “*blue was adopted by both Oxford (dark) and Cambridge (light) as their University colours – possibly because of the connection with truth (the colour of truth for no clear reason other than the rhyme ‘true blue’ possibly first made by Chaucer). Thus their athletes are said to receive a blue when they represent the University – blue is the colour of their shirts in rugby, football etc.*”), б) цветом униформы солдата союзной армии в период гражданской войны в США (1861–1865) между северными и южными штатами (БИЭС 2004: 240-241). Импликационной связью (часть – целое) характеризуются и отношения между американизмами 4 и 5. Примеры импликационных содержательных связей составили 6% всего материала исследуемой группы существительных.

Объективной базой классификационных связей является, по словам М.В. Никитина, «общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым им признакам» (Никитин 1983: 39-40). В отличие от импликационного типа содержательных связей, связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает при этом не существующую связь между рассматриваемыми сущностями, а общность присущих им признаков (Никитин 1983: 40). Классификационные связи могут быть симилятивными и гипо-гиперонимическими. Случаи наличия классификационных содержательных связей общеанглийских значений с дивергентными составили 85%. Из них симилятивные связи наблюдаются в 43% случаев в исследуемом материале. Проиллюстрируем сказанное на следующем примере: семантическая структура существительного **rack** представляется четырьмя значениями, два из которых общеанглийские: 1. ‘*a frame or shelf that has bars or hooks on which you can put things*’ и 2. ‘*a piece of equipment that was used in the past to make people suffer severe pain by stretching their bodies*’, а два – дивергентные значения в британском варианте английского языка: ‘*a very difficult situation*’ и в американском варианте: ‘*a three-sided frame used for arranging the balls at the start of a game of snooker or pool*’ (LDCE 2003: 1349). Формирование дивергентного значения в американском варианте английского языка основано на наличии общего семантического признака «рамка» с первым общеанглийским значением. Дивергент в британском варианте сформировался от общеанглийского значения № 2 (которое, в свою очередь, образовано от значения № 1 на основе сходства по форме) в результате возникновения ассоциаций

сходства между пытками и затруднительным положением. Таким образом, все значения в данном существительном связаны симилятивными содержательными связями.

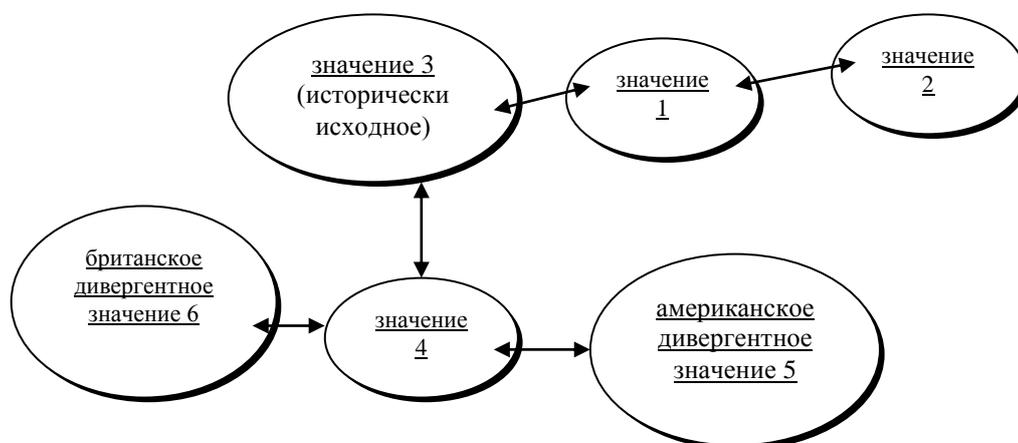
Существительное **shower** обладает богатой семантической структурой, включающей, по данным словаря Longman Dictionary of Contemporary English, шесть значений, два из которых – дивергентные значения в британском и американском вариантах английского языка:

1. *a piece of equipment that you stand under to wash your whole body;*
2. *an act of washing your body while standing under a shower;*
3. *a short period of rain or snow;*
4. *a lot of small, light things falling or going through the air together;*
5. *Am a party at which presents are given to a woman who is going to get married or have a baby;*
6. *Br informal a group of stupid or lazy people* (LDCE 2003: 1526).

Для установления исходного значения мы обращаемся к этимологическому словарю. Так, согласно данным словаря Chambers мы устанавливаем, что первоначально рассматриваемое существительное употреблялось в английском языке в значении ‘*short flow of rain*’ (CDE 2006: 1001). Далее указывается, что в значении «душ» слово начинают употреблять в 1851 (первоначально – в американском варианте английского, позже значение стало общеанглийским). Значение «вечеринка, на которой дарят подарки будущей маме» возникло в 1904 году в американском английском, с опорой на значение ‘*an abundant supply*’, как в словосочетании “*a shower of gifts*” (употребл. с 1325 г.) (там же). Британское дивергентное значение сформировалось в первой половине XX в. путем эллипса метафорического словосочетания “*a shower of idiots*” (COD 2004: 463), сохраняя идею множества. Опираясь на изученные этимологические данные, можно представить схему связей значений существительного **shower**:

Схема 1

Семантические связи общеанглийских и дивергентных ЛСВ полисеманта **shower**

Гипо-гиперонимические связи устанавливаются между концептами разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи различают связи специализации (сужения) и генерализации (расширения) (Никитин 1983: 40). Примером наличия связей

специализации между локально маркированными значениями с исторически исходным общеанглийским значением может служить следующий: общеанглийское значение существительного **pavillion** ‘*a temporary building or tent which is used for public entertainment or exhibitions and is often large with a lot of space and light*’ способствовало формированию двух национально-маркированных ЛСВ: в британском английском – ‘*a building beside a sports field, especially a cricket field, used by the players and people watching the game*’ и в американском английском – ‘*a very large building with big open areas used for sports and other public events*’ (LDCE 2003: 1208) путем уточнения исходного значения. Примеры гиперо-гипонимических классификационных связей составили 28% в исследуемом материале.

В качестве иллюстрации связей генерализации приведем следующий пример: согласно данным словаря Longman Dictionary of Contemporary English, в семантической структуре существительного **loft** взаимодействуют 6 значений:

1. Br *a room or space under the roof of a building, usually used for storing things in [= attic];*
2. *a raised area in a barn used for keeping hay or other crops;*
3. Am *a raised area above the main part of a room, usually used for sleeping;*
4. *a space above a business, factory etc that was once used for storing goods, but has been changed into living space;*
5. *a set of cages used to keep pigeons in;*
6. *the raised place in a church where the organ or choir is* (LDCE 2003: 953).

Опираясь на данные этимологического словаря, можно установить, что исторически исходным является значение, занимающее в указанной вокабуле вторую позицию (‘*a raised area in a barn used for keeping hay or other crops*’). Локально маркированное значение в британском варианте английского языка (№ 1) находится в гипо-гиперонимических отношениях со значением № 2. Стоит все же отметить, что значение № 1, ныне имеющее помету *British English*, первоначально не имело статуса локально маркированного значения согласно этимологическим данным и являлось общеанглийским наряду со значением № 2. Данный факт указывает на одну из особенностей, свойственных семантической структуре многозначных слов в условиях макросистемы поливариантного языка, заключающуюся в том, что значения могут менять свой статус: перемещаться с позиции общеанглийского, на позицию локально маркированного значения и наоборот, что является результатом взаимодействия лексико-семантических систем вариантов английского языка, а также результатом определенных культурных изменений на той или иной территории, где используется английский язык как национальный. Характер содержательных связей дивергентных значений в семантической структуре английских многозначных слов отражает современное состояние лексико-семантического уровня макросистемы английского языка. Примеры гипо-гиперонимических классификационных связей составили 8% в исследуемом материале. Что касается американского дивергентного значения (№ 3), оно вероятно образовано от общеанглийского значения № 2 на основе симилиации и в настоящее время находится с ним в симилиативных отношениях.

В результате анализа двусторонне локально-маркированных полисемантов с британскими и американскими дивергентными значениями в целом было зафиксировано 85% классификационных связей дивергентных и исходных значений.

Согласно нашим наблюдениям, не редки случаи представления межвариантных омонимов как дивергентных значений полисемантов. Например, американизм **pen**, образованный в результате усечения от слова **penitentiary** (*'a prison'*), является омонимом бритуцизма **pen** (сокращения от слова **penalty**) *'a penalty, used especially when talking about football'*, а вместе они являются омонимами общеанглийских слов **pen**: *'an instrument for writing or drawing with ink'* и **pen** *'a small piece of land enclosed by a fence to keep farm animals in'*. Все четыре слова представлены как ЛСВ одного полисеманта в словаре Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE 2003: 1215). Приведенный пример не является единственным. Подобное положение свидетельствует о том, что тенденция «максимизировать полисемию», о которой говорили многие лингвисты, такие как Д.Н. Шмелев (1977), Дж. Лайонз (1977), А. Килгарифф (1992) и многие другие, продолжает развиваться. Полученные данные могут быть представлены в виде схемы:

Схема 2

**Процентное соотношение классификационных и импликационных
содержательных связей значений в семантической структуре двусторонне локально
маркированных полисемантов**

Содержательные связи значений:			
Классификационные связи			Импликационные связи
93 %			
Симилятивные 53 %	Гиперо- гипонимические 31 %	Гипо- гиперонимические 9 %	
			7 %

Итак, в результате проведенного анализа было установлено, что импликационные связи (7%) в значительной степени уступают классификационным (93%), среди которых преобладают симилятивные связи (53%). Случаи специализации при образовании дивергентных значений более чем в три раза превышают случаи генерализации.

Кратко резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что преобладающим типом содержательных связей между исходными значениями и дивергентами американизмами и бритуцизмами является классификационный, в рамках которого первое место принадлежит симилятивным связям, а второе – гиперо-гипонимическому типу отношений. Устойчивая тенденция к развитию новых значений в национальных вариантах английского языка на основе ассоциаций симиляции и импликации, в результате процессов специализации и генерализации свидетельствует об универсальном характере лексической полисемии, в частности процессов развития семантической структуры слова в макросистеме английского языка, о ведущей роли метафоры и специализации в процессах формирования концептов, репрезентируемых дивергентными лексико-

семантическими вариантами слова. Характер содержания дивергентного ЛСВ определяется спецификой культуры и соответственно потребностями языкового сообщества, использующего определенный национальный вариант английского языка.

Библиографический список

1. Крицберг, Р. Я. Дивергенция региональных вариантов английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Крицберг Роман Яковлевич. – Киев, 2001. – 30 с.
2. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М. В. Никитин. – Владимир: ВГПИ, 1974. – 222 с.
3. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие для пед. вузов / М. В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1983. – 127 с.
4. Швейцер, А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 200 с.
5. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1977. – 335 с.
6. Crystal, D. English as a Global Language / D. Crystal. – UK : Cambridge University Press, 1997. – 228 p.
7. Kilgarriff, A. Polysemy / A. Kilgarriff. – University of Sussex, Brighton, 1992. – 146 p.
8. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge University Press, 1977. – 793 p.
9. [БИЭС] Большой иллюстрированный энциклопедический словарь / отв. ред. М. А. Фарафонтова. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ» : «Дизайн. Информация. Картография», 2004. – 1020 с.
10. [CDE] Chambers Dictionary of Etymology / Robert K. Barnhart. – New York: Chambers, 2006. – 1284 p.
11. [COD] Concise Oxford Dictionary / J. B. Sykes. – Bombay: Oxford University Press, 1987. – 1264 p.
12. [LDCE] Longman Dictionary of Contemporary English / Della Summers. – New ed. p. cm. – Italy: La Tipografica Varese, 2003. – 1960 p.
13. [MWCD] Merriam Webster's Collegiate Dictionary / Merriam-Webster, Incorporated. – 10th ed. – Springfield, Massachusetts, USA, 1993. – 1570 p.

*Н.В. Халина
Барнаул*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПЕРЕХОД ЛИНГВИСТИКИ В ДИСКУРСНУЮ ОБЛАСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Дихотомия «язык – власть», сменившая в контексте философии постмодернизма сосюрговскую дихотомию «язык – речь», некоторым образом повлияла на конфигурацию языковедческой парадигмы. Произошло постепенное замещение концептуального единства «языковедческая парадигма» понятием дискурс, что означило перенесение «центра тяжести» в лингвистике с исследовательской программы как способа выявления особенностей языковой материи на изучение особенностей овещствления в знаке (речевом потоке) ментальной (интеллектуальной) деятельности человека. Это повлекло за собой введение сначала в терминологический оборот, а затем и в процедурную область лингвистики понятия «дискурс», Особое внимание при

исследования процесса «дискурсивизации» лингвистики следует обратиться к структурно-семиотическому и универсально-прагматическому пониманию дискурса.

Структурно-семиотическое понимание дискурса, предложенное А.-Ж. Греймасом и Ж. Курте (Греймас, Курте 1983), предполагает рассматривать дискурс в качестве семиотического процесса, реализующего в различных видах дискурсивных практик: собственно языковой и неязыковой, манифестирующей в доступных чувственному восприятию формах. Местом зарождения дискурса, по мнению исследователей, является акт высказывания, для производства которого необходимы две совокупности взаимодополняющих совокупности условий, обозначаемых термином «компетенция»: семиотико-нарративная и дискурсивная компетенции. Под семиотико-нарративная компетенцией имеется в виду форма человеческого сознания, которая описывается как базовая грамматика высказывания-дискурса, данная до акта высказывания. Дискурсивная компетенция действует, начиная с акта высказывания, регулирует и моделирует дискурсивные формы высказываний-результатов. Дискурсивизация, или перевод в дискурс, сводится к использованию семиотико-нарративных структур и их трансформации в структуры дискурсивные. В таком случае дискурс представляет собой результат этого оперирования с глубинными формами, которое дает прирост семантически значимых членений.

В рамках теории коммуникативной компетенции или универсальной прагматики Ю. Хабермаса (Habermas 1981) дискурс – это одна из форм коммуникации, наряду с коммуникативным действием (интеракцией), способствующая достижения консенсуса. Именно дискурс выступает своеобразным критерием определения истинности или ложности достигнутого соглашения, требуя того, чтобы все мотивы, кроме готовности к рационально обоснованному соглашению, были исключены.

Оперирование глубинными формами, обеспечивающее прирост семантически значимых членений и ведущее к рационально обоснованному соглашению в процессе лингвистической коммуникации, предполагает владение компетентным говорящим, по словам Ю. Хабермаса, правилами, необходимыми ему для формирования грамматических предложений и высказывания их в приемлемой форме. «Дискурсивное» владение языком становится залогом реконструкции универсальных условий возможного понимания, которое Ю. Хабермас признает имманентной функцией речи, или, в ином толковании, «обычного языка».

Наиболее известный из оксфордских философов «обычного языка» Гилберт Райл (работа «Выражения, систематически вводящие в заблуждение») доказывал, что философ должен научиться переформулировать предложения таким образом, чтобы четко выявить «форму фактов, которую исследует философия» (Пассмор 1998). Этому ему необходимо обучиться для того, чтобы избежать обманчивых «подсказок» повседневной речи. «Философский анализ», полагал он, имеет своим результатом переформулировку предложений; сама же философия имеет одновременно и терапевтическую, и положительную задачу – открытие «реальной формы фактов».

Изучая особенности «обычного языка» и лингвистического анализа ему соответствующего, Г. Райл отмечал, что в повседневной жизни человек свободно оперирует ментальными понятиями; замешательство возникает тогда, когда человек пытается понять, к какой категории принадлежат выражения, т. е. каковы логические возможности предложений, в которые входят «ментальные понятия».

Размышляя об особенностях лингвистического анализа, Г. Райл (работа «Феноменология и лингвистический анализ») считал возможным говорить о трех вариантах подобного анализа, обнаруживая его «начатки» у ранних Мура и Рассела, более развитые формы у Милля и Фреге (различение смысла и референта). Третий и совершенно независимый вид «грамматического» исследования Г. Райл связывал с попыткой различать и классифицировать многообразные варианты речи. Логика игнорировала такие потенциальные рациональные сообщения, как обещания, предупреждения, команды, требования, разрешения, увещевания, насмешки, жалобы, порицания, заклинания, оправдания. Л. Витгенштейн и гораздо более тщательно Дж. Л. Остин восстановили присущее этим рациональным сообщениям место. Один из результатов нового изучения типов речи – в словах, интонациях, жестах представлены латентные интенции – оказался наиболее философски важным: то, что человек выражает в словах, интонациях, жестах включает его сожаления, намерения, несогласования, санкционирования, одобрения. При этом его состояния сознания относятся к мышлению как к тому, чему придано или приписано произнесение или отказано в нем.

Процесс рационализации общества может осуществляться на основе рациональных сообщений, тем самым происходит, согласно Ю. Хабермасу, поступательное преодоление систематических нарушений коммуникации. Условия, при которых возможно рациональное соглашение, Ю. Хабермас называет идеальной речевой ситуацией. Достижение соглашения предполагает готовность участников диалога, равновесие между интересами, симметрическое распределение шансов в использовании речевых актов и «иммунитет» участников дискурса от внешних принуждений или санкций. Парадигма социального анализа, как полагает немецкий социальный философ, должна центрироваться на коммуникативном разуме, а не на инструментальном, как у К. Маркса. Исследование социальных функций языка должно производиться на базе дискурсов – «паттернов, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни» (Филлипс, Йоргенсен 2008: 17).

Переход лингвистики в дискурсную область определения ее «значений», подчеркнул на современном этапе развития языковедческой теории приоритетность наблюдения за модификациями экзистенциональных связей языка – языковым узусом, фактами реального употребления языка; существованием языкового употребления в данном месте в данный момент времени. Особо интересными в плане наблюдения предстали формы публицистических и политических экзистенциональных связей, дистанцирующих (особенно в случае последнего) лингвистическую компетенцию от употребления языка. Речь стала не просто средой реализации и актуализации языковой

системы, а той реальностью, языковой реальностью, согласно постулатом философии постмодернизма, которая влияет на принципы означивания – установления связей между денотатом и знаком, денотатом и понятием, понятием и знаком. Политический дискурс становится артикулированной формой объективации содержания деятельности практического интеллекта, который в работах исследовательской группы Стернберга (Стернберг и др. 2000) определяется как способность формировать субъективное психологическое пространство в окружающем мире.

Одним из локусов реализации информационных технологий, а, следовательно, сред формирования способности конструировать субъективное психологическое пространство, являются средства массовой информации, превращающие культуру в систему имиджей и символов, которые составляют особый «синтетический мир». Существование в «синтетическом мире» активизирует деятельность лингвистического разума, ориентированного в своей деятельности прежде всего интуицией, или, согласно точке зрения физиолога К.Перта, искусством вслушивания ушами души в мелодии и ритмы, которые поминутно рождает тело (Гелб 2000). В качестве пакетного понятия постнеклассического философствования «тело» отражает следствия процесса утраты культурой как таковой центрации на Слово. В рамках постмодернистской парадигмы телесность реализует функции ментальности: применительно к процедуре осмысленного опытного содержания телесность приобретает статус «внутреннего», а ментальность – «внешнего» ракурса. Согласно М. Мерло-Понти, тело следует рассматривать как непосредственное человеческое бытие – бытие сознания, укорененность в мире, то, благодаря чему, человек может иметь мир и принадлежать ему (Merleau-Ponty 1960).

Результаты «вслушивания» в мелодии и ритмы тела, позволяют постичь законы овладения мира и таким образом укорениться в этом мире. Языковедческой тактикой в современных обстоятельствах жизни, ритмизирующей существование интенций «понятого» тела и интенций сетевого общества следует признать лингвистический либерализм, который (если при его интерпретации руководствоваться идеей коммуникативной телесности Р. Барта: а) открывает пользователя языка, желающего чтения текста, возможность быть другим; б) обеспечивает пользователя языка другим его телом; в) предлагает технику чтения событий, выбор которой и есть процедура выбора другого тела (Барт 1989).

Тексты любой культурно-исторически определенной традиции, как утверждает А.А. Грицанов, фундированы той телесной практикой, той топологией мира, которыми пронизана текстура воспринимаемого философско-литературного произведения (Грицанов 2003). Следовательно, возможно и обратное: организация и архитектура текстов может мотивировать телесную практику, топологию мира, тело читателя должно «оснащаться новыми психофизиологическими и смысловыми автоматизмами для декодировки текста и получения ожидаемого, сопряженного с наличной телесной организацией смыслового ответа» (Грицанов 2003: 1029).

Политический дискурс формирует правила создания текстов, мотивирующих телесно-лингвистическую практику субъекта, которая обеспечивает его другим – виртуально-сетевым – телом и переводит из статуса носителя языка в статус пользователя.

Понятие «пользователь языка» в статье Фр. Данеша и С. Чмейрковой появляется в контексте рассуждений о языковой экологии, предметом которой становится языковая вариативность «рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит» (Данеш, Чмейркова 1994: 27). Авторы обращают также внимание на актуальное для середины 90-х XX в. понятие «языкового менеджмента», отдаленно соответствующее традиционному для чешской лингвистики понятию «языковая культура» и подчеркивающее, что в жизни языков важны не только факторы культурные, но и политические и экономические (при приоритете политики и экономики).

Когда мы касаемся проблемы лингвистического либерализма, то более ценностной (аксиологически значимой) представляется лингвистическая идеология Р. Карнапа (Карнап 2007), одной из составляющих которой является рассмотрение проблемы абстрактных объектов – свойств, классов, отношений, чисел, суждений и пр. Проблематичность взаимодействия с последними обусловлена тем, что принятие новых объектов выражается в языке, как считает Р. Карнап, введением нового языкового каркаса – новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

Социально-административные изменения, влекущие за собой неизбежно и модификацию языкового «курса» государства, в завершении первого десятилетия третьего тысячелетия в России сопряжены с введением нового языкового каркаса, новая группа правил которого представляет абстрактную модель асинхронных параллельных вычислений, или в номинации Р. Келлера (Keller 1975), *именованную систему переходов*.

Особенностью политического дискурса в России является то, что в 90-е годы прошлого столетия он моделируется концептом «демократия», который для России скорее всего является не некой моделью государственного обустройства, а составляющей, точнее, сопутствующей единицей заимствованному из Франции и США и постепенно замещающему поэтику социалистического реализма постмодернизму.

Именованная система переходов содержит множество состояний, бинарное отношение на этом множестве (множество переходов) и множество «имен» переходов (слов некоторого алфавита). Приоритеты нынешнего курса государственного строительства в лингвистическом плане связаны с поэтапно-цифровой сигнификацией идеологии действия, своеобразным формулированием положений философии абстрактного действия (например, *принцип четырех i*). Поскольку абстрактное действие по своим характеристикам подобно мнемосхеме – условному изображению планируемого процесса или результата, т. е. совокупности свойств и отношений, – то правомерно отождествление абстрактного действия и абстрактного объекта.

Принятие новых абстрактных объектов требует, согласно Р. Карнапу: а) построения языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов; б) признания

фундаментального различия между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. Первый вид вопросов – вопросы о существовании определенных объектов нового вида *в данном каркасе*, называемых *внутренними вопросами*; второй вид вопросов – «вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемые *внешними вопросами*» (Карнап 2007: 300). Вопросы внутренние и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений, т.е. с помощью выражений в данном каркасе.

Образцы ответов на внутренние вопросы, а следовательно, и новые формы выражений возможно обнаружить в журнале «Тайны звезд» (№ 37 (51) от 10 сентября 2008 года) в рубрике «Наш сериал» (Неизвестный Медведев). «Признать что-либо реальной вещью или событием, – пишет Р.Карнап, – значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса... Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять правила образования предложений и проверки, принятия или опровержения их. Принятие вещного языка ведет, на основе произведенных наблюдений, также к принятию и утверждению определенных предложений и к вере в них» (Карнап 2007: 301-302).

В результате отображения языка комментария Д.А. Медведева к абстрактному объекту «Неизвестный Медведев» на язык семейства процессов «Президент» формируется модельный код, чтение или анализ которого по сути должно представлять процесс организации команд и кэш-памяти (наличная память). При этом возникает проблема, аналогичная проблеме в SMP-системах (симметричных мультипроцессорах – *symmetrical multiprocessing*), – проблема сохранения когерентности данных, т. е. «согласованных изменений содержимого кэшей и общей памяти, когда предотвращается использование копий данных в кэше какого-либо процессора, если они подверглись модификации в другом процессоре» (Топорков 2004: 15).

Построение языковых каркасов для новых объектов, «мира новых вещей» создает основания укреплению тенденций лингвистического либерализма, который в исторической ретроспективе соотносим с лингвистическим перформансом и языковой компетенцией Н. Хомского (Хомский 2004) и языковому конструированию бытия Ж. Дерриды (Деррида 2000). Причем система способов конструирования бытия тождественна системе категорий. Таким образом, если подходить к построению языковых каркасов с позиций языкового конструирования бытия, то введение новых форм выражения предполагает параллельное введение системы категорий – системы представлений о самом общем, что можно сказать о любом предмете высказывания (*жизнь среди динозавров, выбор между тюрьмой и аспирантурой*). В таком случае лингвистический либерализм предполагает не только множество переходов от означаемого к означающему, что ведет само по себе к «расшатыванию» корреляций между знаком и десигнатом (например, члены линейного ряда *от тюрьмы* и *от сумы* преобразуются в оппозицию *тюрьма – аспирантура*), но и формирование бытового (замещающего онтологическое

значение) значения предельных сказуемых, или категорий, в терминологии Аристотеля (Попов, Стяжкин 1974). Подобное значение является функцией бадейного сознания.

В качестве основного положения теории бадейного сознания К. Поппер выделяет следующее: «Наше сознание – это бадья, поначалу более или менее пустая, и в эту бадью через наши органы чувств (сверху) проникает материал, который в ней собирается и переваривается» (Поппер 2002: 67). Функция бадейного сознания развивается и стабилизируется у носителя естественного языка в ходе электоральных кампаний. Приоритетным способом взаимодействия с носителем языка, функционирующим в режиме бадейного сознания, следует признать реализацию распределенных программ – систему процессов, взаимодействующих посредством передачи сообщений либо разделения общей памяти. Общая память, как и сознание носителя языка, обретает статус масштабируемой среды, в котором происходит распределение вычислений – введение в язык языкового каркаса, или новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

Детерминизм и неоднородность сообщений, аспекты общения в масштабируемых средах, представляют собой и условия развития лингвистического либерализма, который, свою очередь, оказывает определенное влияние на методологию языкознания.

В XX веке на смену сравнительно-историческому методу в языкознании приходит познавательная практика структурализма, которая знаменует факт обретения собственного метода изучения материала отдельным разделом языкознания – структурной лингвистикой. В 60-е годы XX в. структурализм становится господствующей интеллектуальной парадигмой, традиционно отождествляясь с французским структурализмом. Познавательная практика структурализма обнаружила произвольность связи между словом и объектом или идеей, которые оно обозначает, что позволило Фердинанду де Соссюру, как считает Дж. Тош, прийти к выводу, что «язык является несвязанным явлением – речь и письмо следует рассматривать как лингвистическую структуру со своими собственными законами, а не как отражение реальности: язык – это не окно в мир, а структура, определявшая наше представление о нем» (Тош 2000: 170). Из этого вытекало, что язык не является нейтральным и пассивным средством выражения, а управляется собственной внутренней структурой, следовательно, обладает приоритетом над опытом.

Э. Бенвенист считает, что странность программы Ф. Соссюра состоит в том, что лингвистика должна определить самое себя в совокупности семиологических явлений, что однако придает ей и силу (Бенвенист 2002). По мнению Э. Бенвениста, программный сбой теории Соссюра видится в отсутствии четкого определения семиологического статуса высказывания и перехода от знака к высказыванию, отнесении высказывания к «речи» ('parole').

Обнаруженная Э. Бенвенистом «незавершенность» теоретического построения Ф. Соссюра может быть снята признанием того, что в языке есть две разные области – семиотическая и семантическая, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий. Основу исследования семиотической области языка должна

составить сосюрская теория языкового знака, семантической области – новый аппарат понятий и определений.

Созданию нового аппарата понятий и определений современного языкознания предшествовало прагматическое исследование-использование ресурсов знаковой системы «язык человека» в двух направлений: а) разработка структур искусственного интеллекта, функционирование которых регламентировано диалоговой системой «человек-машина»; б) использование идеи синаптических связей (нейронных сетей) с целью активации коллективного семантического континуума в ходе проведения электоральных кампаний. Накопленный эмпирический материал, с одной стороны, способствовал стабилизации тенденций лингвистического либерализма, с другой стороны, сформировал достаточный базис (с учетом достижений СМД-методологии) для лингвистического моделирования профанного (бытового в противовес бытиево-онтологическому) значения предельных сказуемых, или категорий.

Таким образом, лингвистика вошла окончательно в полосу отчуждения от самое себя, отдав на откуп лингвистическому перформансу, языковой компетенции и языковой игре право определять ее цели, задачи, а также функции по обслуживанию интересов отдельных репрезентантов человеческого социума или их совокупностей. Отсюда ее методологические установки детерминируются не столько внутренним устройством языковой системы и правилами ее реализации, сколько правилами создания языковых каркасов для новых абстрактных объектов.

Статус лингвистики в настоящее время сопоставим со статусом герменевтики, которая признается и наукой (об истолковании), и методом (интерпретации). Лингвистика, оставаясь наукой о языке, обретает статус метода концентрации эмпирических, теоретических, чувственных и рациональных знаний об объекте в единой, цельной картине, репликационной, т. е. копирующей, или дагеротипной, по своему характеру. Язык при регулярном использовании в качестве системы, обеспечивающей и поддерживающей функционирование языковых каркасов для новых абстрактных объектов, превращается в информационную систему, в которой, по утверждению А.В. Славина, любые сигналы становятся фактом сознания и запечатлеваются как ее элементы (Славин 1971). Эта система должна поддерживать мыслительный процесс, детерминированный характером решаемой задачи, и обеспечивать ввод того или иного образа в готовую систему связей. Методы лингвистики в современной эпистемологической ситуации определяются модеративным, посредническим, характером языка, обеспечивающего когерентность сообщества культур, пришедшего на смену ячеистой системе цивилизаций.

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
3. Гелб, М. Дж. Научитесь мыслить и рисовать как Леонардо да Винчи / М. Дж. Гелб. – М. : ООО Попурри, 2000. – 240 с.

4. Греймас, А. Ж., Курте Ж. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 483–550.
5. Грицанов, А. А. Тело / А. А. Грицанов // Новейший философский словарь. М. : Книжный Дом, 2003. – С. 1026–1030.
6. Данеш, Фр., Чмейркова С. Экология языка малого народа / Фр. Данеш, С. Чмейркова // Язык – культура – этнос. М. : Наука, 1994. – С. 27–39.
7. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М. : AP MARGIMEN, 2001. – С. 168-171
8. Карнап, Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модельной логике / Р. Карнап. – М. : Едиториал УРСС, 2007. – 429 с.
9. Пассмор, Дж. Сто лет философии / Дж. Пассмор. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.
10. Попов, П. С., Стяжкин, Н. И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения / П. С. Попов, Н. И. Стяжкин. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1974. – 222 с.
11. Поппер, К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 384 с.
12. Топорков, В. В. Модели распределенных вычислений / В. В. Топорков. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 320 с.
13. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М. : Весь Мир, 2000. – 296 с.
14. Славин, А. В. Наглядный образ в структуре познания / А. В. Славин. – М. : Наука, 1971. – 271 с.
15. Стернберг, Р. Дж., Форсайт, Дж. Б., Хедланд, Дж. и др. Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
16. Хомский, Н. Теория врожденных идей / Н. Хомский // Философия языка. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 167–177.
17. Филлипс, Л., Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2008. – 336 с.
18. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Bd. 1-2. Fr. /M., 1981.
19. Keller, R. M. A Fundamental Theorem of Asynchronous Parallel Computation / R. M. Keller // Proc. Of the Sagamore Comput. Conf. Parallel Process. Lecture Notes on Computer Science. – V. 24. – Berlin, 1975. – P. 194–206.
20. Merleau-Ponty, M. Sings / M. Merleau-Ponty. – Paris, 1960. – 294 p.

*М.А. Чернова
Барнаул*

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ: СЛОВО КАК НОСИТЕЛЬ И ИСТОЧНИК ЗНАНИЯ

На протяжении истории существования человека язык изучался по-разному, и в поле зрения ученых оказывались разные особенности и функции языка. «В разных направлениях и школах язык как бы поворачивался к нам новыми гранями. Все зависело от точки зрения на язык, а, значит, в зависимости от этого фактора мы могли увидеть в языке не только разное, но и больше или меньше» (Кубрякова 1999: 3). В последние десятилетия в отечественной и зарубежной лингвистике появилось большое количество исследований, рассматривающих язык в когнитивном аспекте. Целью данной работы является описание особенностей когнитивного подхода к явлениям языка. В частности,

рассматриваются особенности и преимущества когнитивного подхода в сравнении с традиционным, а также когнитивные аспекты изучения и описания семантики слова.

В широком понимании когнитивная деятельность рассматривается как деятельность, в результате которой человек приходит к определенному знанию, пониманию или интерпретации чего-либо, это есть «адаптивная и регулятивная деятельность по переработке информации, осуществляемая человеком» (Касевич 1990: 8). Когнитивная деятельность напрямую связана с мыслительными процессами, сопровождающими обработку информации, и образованием особых структур сознания. «Когнитивными» называют процессы, так или иначе связанные со знанием и информацией. «Когнитивный» означает «ментальный», «относящийся к постижению мира умом человека», а «когниция» (cognition) может, как любое отглагольное имя, называть как процесс достижения знаний – познание, – так и его результат – само знание. В результате когнитивной деятельности создается система смыслов, относящихся к тому, что индивид знает, думает о мире (Маслова 2001: 8).

Когнитивизм – направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей. С точки зрения когнитивизма, человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека – описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения задач (Маслова 2001: 6). Термин «когнитивная наука» (cognitive science) был введен несколько десятилетий тому назад, чтобы назвать так определенный круг научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Такая широкая исследовательская программа означает, что когнитивная наука занимается информацией о мире в самых различных ракурсах и отношениях, изучая такие сложнейшие феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, как строение мозга, как память и организация когнитивных способностей человека, в том числе языковая способность. Соответственно, деятельность специалистов в области когнитивной науки связана с постановкой и решением круга разнообразных проблем, касающихся работы сознания (mind) и создания ментальных моделей мира, широкого спектра ментальных, психических процессов человеческого интеллекта и разума (Кубрякова 1997: 41). «Когнитологи стремятся понять, каким видится действительный мир и в каком облике он предстает перед современным человеком» (Кубрякова 2001: 33), при этом исследуются «не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний; т.е. когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности...» (Маслова 2001: 7).

Огромный массив эмпирических данных, привлекаемых при изучении структур сознания, содержит самую разнообразную информацию, относящуюся ко всем аспектам человеческой деятельности, и требует привлечения к когнитивным исследованиям специалистов различных областей научного знания. Многими учеными подчеркивается тот неоспоримый факт, что человеческое знание и процессы познания слишком сложны, чтобы обеспечить их описание в рамках какой-либо одной науки, будь это психология, логика, медицина и т. п.; поэтому когнитивная наука возникла как «наука междисциплинарная, призванная объединить усилия специалистов в разных областях знания – психологов и лингвистов, философов и логиков, специалистов по искусственному интеллекту и теории информации, по организации баз знаний в компьютерах и математическому моделированию» (Кубрякова 1997: 42-43).

С развитием когнитивной теории приоритетная роль лингвистики в изучении проблем, поставленных данной наукой, оказалась очевидной. Когнитивный мир человека может быть изучаем по его поведению, по осуществляемым видам деятельности, подавляющее большинство которых протекает при участии языка. Считается, что именно язык обеспечивает наиболее открытый и естественный доступ к сознанию, к процессам, происходящим в его недрах, к структурам сознания. Это, безусловно, не означает, что все структуры сознания или же результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными. «Языковые единицы ограничены в своей семантике... Далеко не все, что мы чувствуем и понимаем, может быть обозначено средствами языка..., единицы языка не могут полностью определить мышление народа – последнее всегда богаче любого языкового выражения, а следовательно, и не может быть содержательно определено языком» (Попова, Стернин 2002: 57). У. Чейф отмечает, что существуют мысли, которые очень трудно выразить словами, и при объективации которых сталкиваемся со значительными трудностями, кроме того, существуют и такие объекты, которые не имеют привычных «кодовых» названий, и их обозначение в речи тоже может вызвать затруднения. Таким образом, приравнивать знания и язык невозможно, и модели человеческого знания, чересчур «привязанные» к языку, вряд ли имеют право на существование (Chafe 1987: 109). Тем не менее учеными подчеркивается «первостепенная и фундаментальная значимость языка как системы, основополагающей для приобретения, хранения и развития наших знаний о мире» (Харитончик 1992: 99), как «способа закрепления ... отражательной деятельности мышления – деятельности, которая в свою очередь неразрывно связана с практической (физической) деятельностью человека» (Колшанский 1990: 22). Таким образом, сведения о мыслительных процессах мы можем получить благодаря языку. Вот почему при анализе ментальных процессов обращение к лингвистике было неизбежным: языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам.

В самостоятельную область языкознания, занимающуюся проблемами связи языка и сознания, когнитивная лингвистика, зародившись изначально как «филиал» когнитивной психологии (Демьянков 1992: 41), оформилась во второй половине XX века.

Когнитивная лингвистика – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» (КСКТ 1996: 35) Выделяются следующие разделы когнитивной лингвистики – когнитивная грамматика, когнитивная семантика и когнитивный дискурс.

Преимущества когнитивной лингвистики и когнитивного подхода к языку состоят в том, что они «открывают широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» (Кубрякова 1999: 3). Достижением когнитивного подхода является также осмысление когнитивных механизмов категоризации явлений реальной действительности и их классификации с учетом релевантности сферы опыта говорящих на том или другом языке (Лакофф 1990). Это позволяет осознать определяющую роль ментальных структур в формировании языковых единиц (Писанова 1997: 33).

Существование определенных структур сознания в мозгу на данном этапе развития психологии и лингвистики является очевидным. В основе разнообразных структур знания о мире лежит такая единица ментальной информации как концепт. Концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания... в виде неких «квантов» знания..., информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения и о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах. Это сведения и о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» (КСКТ 1996: 90). Для эффективного формирования концепта недостаточно только языка – «необходимо привлечение чувственного опыта..., наглядность..., предметная деятельность с той или иной вещью. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт» (Попова, Стернин 2002: 69). Концепт, появившись в сознании человека как образ, с увеличением закрепленных за ним признаков, с возрастанием уровня абстрактности, постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Таким образом, концепт существует в сознании человека как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций. Обращает на себя внимание объем информации, называемый концептом: он включает в себя широкий спектр субъективных типов знания, актуализируя тем самым человеческий фактор. «Концепт — это все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии» (Телия 1996: 97).

Процесс осмысления поступающей к человеку по разным каналам информации, приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы человека называется концептуализацией (КСКТ 1996: 93-94).

Анализ концепта как ментального образования позволяет реконструировать внутренний мир носителя концептуальной системы, мир его психики, а также воссоздать его этнокультурный образ, его этноментальную характерологию. Конструирование концептуальной системы выявляет предпочтение, отдаваемое в системе ценностей определенному концепту, так как каждый концепт, выраженный вербальными средствами, отражает мнение носителя языка о мире и выполняет, таким образом, ориентирующую функцию в процессе познания индивидом окружающей действительности.

Считается, что «лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык» (КСКТ 1996: 90). Однако дискуссионным остается вопрос, какая именно концептуальная информация и в каком виде отражается в языке. В данной связи важным является вопрос разграничения понятий концепта и значения, а точнее, в формулировке З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концептосферы и семантического пространства языка (Попова, Стернин 2002). Концептосфера определяется этими учеными как исключительно мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных образов внешнего мира) наиболее абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка. Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве языка, что и делает его предметом изучения когнитивной лингвистики. Изучая семантическое пространство языка, мы получаем достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена. Однако получить знания о всей концептосфере народа, группы людей или отдельного человека только по изучению семантического пространства нельзя, поскольку концептосфера гораздо объемней и шире семантического пространства языка (Попова, Стернин 2002: 89-91). Учитывая вышесказанное, неправомерным представляется приравнивание значения (слова) к концепту, что подтверждается замечанием В. Фролей о том, что концептуальные и семантические структуры, несомненно, тесно связаны между собой, но существует значительная разница между тем, что может быть подвергнуто концептуализации, и тем, что может быть представлено семантически (Frowley 1992: 54). Однако это вовсе не означает, что семантическая информация не когнитивна. По мнению Е.С. Кубряковой, значением слова становится концепт, схваченный знаком: слово выступает как тело знака для концепта или группы концептов, как носитель определенного кванта информации, закрепленного за его оболочкой в акте наречения соответствующего объекта (Кубрякова 1991: 103). (Ср. также у М.В. Никитина: лексическое значение – «концепт, связанный знаком» (Никитин 1996)). Можно согласиться с данным определением, заметив, однако, что «ментальный концепт не может быть полностью «схвачен» языковым знаком и даже совокупностью языковых знаков, поскольку он постоянно развивается и какая-то его часть всегда остается вербально не означенной» (Панова, Хорошунова 2003: 34).

Отличительной чертой когнитивного подхода в лингвистике является использование концептов для описания семантики языка. Связующим звеном между теорией языка и теориями других когнитивных способностей человека (зрительного восприятия, музыкального слуха и т. д.), по мнению Р. Джекендоффа, является семантика, которая никаким образом не может быть отделена от познания. Изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления (Jackendoff 1983: 10). Таким образом, значение в современных научных парадигмах рассматривается как когнитивный феномен, (ср. «лексическое значение слова – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение» (ЛЭС)), а любые данные об этом феномене – как проливающие свет на структуры сознания, их «форматы» и внутреннее устройство. Считается, что наиболее существенные структуры из представлений нашего мозга и имеющихся структур сознания – это те, которые сформировали значения языковых знаков, те, которые репрезентируют структуры сознания с помощью языковых знаков. Знание как «проверенный общественно-исторической практикой результат познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий» (ФЭС 1983: 192) фиксируется в знаках естественных и искусственных языков. С точки зрения когниции через лингвистическую семантику и семиотику с учетом семиотических аспектов такой единицы как знак, который всегда по праву рассматривался как носитель, как экспонент значения, сегодня он тоже может получить новую интерпретацию как носитель любого кванта информации, особой структуры знания и познания. Действительно, «то, что «схвачено знаком» и получило свое название, свое имя в языке, обладает для человека исключительной значимостью, а потому играет в осуществлении мыслительных процессов едва ли не основополагающую роль» (Кубрякова 2004: 307).

Наиболее типичным языковым знаком является слово, так как человеческое познание в целом и познавательный образ предмета в частности определены практикой и результатом мышления предшествующих поколений, закрепленных в словах. Идея о вербальной природе знания и о слове как хранилище человеческого опыта возникла еще в античные времена и развивалась, например, Гераклитом и Филоном. Идея о слове не только как вместилище, но и источнике знаний существовала в раннем христианстве и детализировалась теологами. А.А. Потебня назвал слово «сгущением мысли» и «памятником познания» (Потебня 1993: 118). Феномен накопительной (кумулятивной) природы лексической семантики интересен и для современных исследователей, которые продолжают разрабатывать проблему слова как вместилища знаний. Среди отечественных лингвистов особый вклад в разработку этой темы внесли Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые отмечают, что слово наряду с назначением быть средством общения, накапливает и хранит информацию о постигнутом мире: «На лексему, так сказать, «навешиваются» идеи, сведения, мысли; весь внешний мир проходит через слова и отыскивается в них; слово – это коллективная память носителей языка, «памятник

культуры», зеркало жизни нации; осваиваемое слово – ключ к образу жизни соответствующего народа, вообще ключ к знаниям» (Верещагин, Костомаров 1980: 7).

Соотношение слова, его семантики, с когнитивной структурой языка и мышления активно обсуждается в лингвистике последних лет. Такой подход к лексическому значению слова отражен, например, в работах М.В. Никитина: «В когнитивном аспекте лексическое значение представляет собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания» (Никитин 1983: 26). Слово как элемент лексической системы языка, включающее в свою содержательную структуру информацию о когнитивных аспектах картины мира, становится основной величиной в процессе их выявления и описания. «Мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» (Вежбицкая 1999: 293).

Согласно постулату о примате когнитивного (см. (Баранов 1997)), за значениями слов стоят тесно связанные с ними когнитивные структуры – сущности, которые можно описать на том или ином из специально разработанных языков представления знаний. Элементами этого языка являются «фреймы, сценарии, планы, фон vs. фигура, модель мира, аффективные структуры, сюжетные свертки, оконные структуры текста, рамка внимания и др.» (Баранов 1997: 35). В сфере лексической семантики «описание значения слов через связанные с ними фреймы и сценарии оказывается в ряде случаев более экономным и вскрывает некоторые новые факты, которые не обнаруживаются при использовании традиционных и структурных методов» (там же: 37). Ср. также точку зрения Е.Г. Беляевской на значение слова: «за значением слова стоит некоторый блок или «квант» знаний, и, следовательно, к слову применимо понятие фрейма, как определенный блок или «квант» знания, представляющий собой фрейм, который в отличие от фрейма целостной ситуации можно назвать микрофреймом, характеризующимся многослойной, иерархически организованной структурой» (Беляевская 1994). А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский приводят в качестве примера модификацию значения английского слова *mother* применительно к женщине, вынашивающей ребенка, но не являющейся биологической матерью, и наоборот, давшей свою яйцеклетку, но не вынашивающей ребенка. В традиционных терминах это, по-видимому, описывалось бы как появление нового значения слова. В когнитивной парадигме это объясняется с точки зрения модификации одной когнитивной категории – фрейма «мать», чем достигается единство описания слова и объяснительность интерпретации (Баранов 1997). Таким образом, когнитивный подход к лексическому значению позволяет выявить взаимодействие языковой семантики и знаний о мире. Такие важнейшие семантические понятия, как «сема», «семема», «архисема», рассматриваются уже не в одномерной плоскости замкнутых лексических групп, а в соотношении с «широким ментальным пространством, базирующимся на понятии «концепт» и его разновидностях: «концепт-фрейм», «концепт-сценарий», «концепт-инсайт», «концепт-картинка» (Овчинникова 2003: 30). Такой подход позволяет обнаружить весь объем семантических компонентов, проявляющихся у лексемы в разных ситуациях общения и получающих актуализацию в речи. При этом значительно раздвигаются горизонты изучения лексико-семантических полей.

Когнитивные факторы формирования лексической семантики могут быть рассмотрены и в плане их культурной вариабельности в пределах различных этнических общностей. Наличие этих факторов обусловлено существованием экстралингвистического контекста и познавательной активности человека, которые наряду с универсальными характеристиками могут иметь ряд этноспецифических черт. Иначе говоря, когнитивные аспекты семантики сопряжены с материальными и духовными компонентами культуры как социального феномена (Гукасова 2003: 11).

В теоретических изысканиях, ориентированных на изучение аксиологических механизмов языка, когнитивный подход, на наш взгляд, целесообразно использовать для раскрытия специфики представления знаний о системах ценностей, существующих в мировой и национальных культурах. Лексический потенциал языка объективирует понятия о предметах, процессах и явлениях внешнего мира, а также отвлеченные, абстрактные концепты данного социума, человеческий опыт, идеи, эмоции, в том числе и оценочные категории. Через изучение оценочных категорий можно выявить приоритетные аспекты данного лингвокультурного социума в сравнении с другими культурными социумами. Оценочная лексика – ставший традиционным объект прагматических исследований, включение же ее в круг проблем когнитивной лингвистики и психологии лишь начинается. Так, Е.С. Кубрякова считает, что обращение к когнитивным аспектам оценки позволит выявить в ней нечто новое (Кубрякова 1991: 5-6). Комбинации общих и частных оценок, выявляемые на лексико-семантическом уровне, можно рассматривать как структуры представления знаний о системах национально-культурных и общечеловеческих ценностей, а также как способы концептуальной организации связанного с оценкой знания. В достаточно новом для лексикологии и лексической семантики когнитивном аспекте оценочная лексика может быть представлена как средство вербализации особых концептуальных областей (знаний, мнений о мире и связанных с ними типизированных представлений об оценках), а также как способ воплощения языкового механизма оценочной интерпретации мира говорящими. С помощью концептуального анализа семантики различных объединений оценочных лексических единиц, манифестирующих какой-либо фрагмент концептуальной системы человека, возможно выделить основные, ядерные и периферийные элементы представления говорящих о действительном или воображаемом положении дел в области ценностных предпочтений.

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы об особенностях когнитивного подхода к изучению языка в целом и к лексической семантике в частности.

Когнитивная наука – это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную структуру данных, которые каким-то образом репрезентированы в нашем сознании и составляют основу ментальных или когнитивных процессов. Понятие концепта, пришедшее из когнитологии, оказалось важным и нужным для изучения языка и легло в основу когнитивной лингвистики. Концепты отражают

содержание полученных знаний, опыта, результаты познания человеком окружающего мира и самого себя в виде определенных единиц, квантов структурированного знания. Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризирован сознанием. Каждая языковая единица рассматривается как результат действия когнитивных процессов. Изучая семантическое пространство языка, исследователь получает определенные знания о концептосфере носителей этого языка, объективированной знаками языка и отраженной в его семантическом пространстве. Необходимо учитывать, однако, что знания о концептах, полученные из семантического пространства языка, не дают полного представления о концептосфере, поскольку концептосфера всегда шире семантического пространства языка. Лексическое значение в когнитивной семантике связывается с понятием как итогом знаний и рассматривается как определенный вид информации, хранящейся в нашей памяти. Мысль о том, что в виде языковых значений откладываются наиболее общие знания о мире, и лексические единицы в силу этого несут информацию об отраженной в нашем сознании действительности, представляется нам ясной и очевидной. Когнитивный подход предполагает расширение сферы исследования слова «за пределами» его функционирования в языке и речи, позволяя выявить те невидимые связи между лексическими единицами, которые существуют объективно в человеческом сознании, но становятся очевидными лишь при наличии метаязыкового фона, то есть при изучении этих единиц в контексте истории и культуры народа. В основе когнитивного изучения лексики лежит, таким образом, признание взаимосвязи языковой и неязыковой природы семантических явлений, в частности идея о значимом соотношении слова и знания о мире, языковых и неязыковых знаний, обеспечивающих понимание значения слова (Гукасова 2003: 11). Когнитивно-прагматическое исследование оценочного фрагмента лексико-семантической системы языка открывает возможность дальнейшего изучения лексики под новым углом зрения: как способа вербализации концептуальных областей ментального пространства человека.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. литературы и яз. – 1997. – Т. 56 (№ 1). – С. 11–21.
2. Беляевская, Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 87–110.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языка / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 776 с.
4. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
5. Гукасова, Э. Х. О языке как познании и культуре в рамках когнитивной теории семантики / Э. Х. Гукасова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.) : в 2 ч. Ч. 2. – Волгоград : Перемена, 2003. – С.10–12.
6. Демьянков, В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В. З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний / под ред. Л. Г. Лузиной, Г. Д. Стрельцовой. – М., 1992. – С. 39–77.

7. Касевич, В. Б. Язык и знание / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М. : Наука, 1990. – С. 8–25.
8. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
9. Кубрякова, Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М. : Наука, 1991. – С. 4–39.
10. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике: о концепте контейнера и формах его объективации в языке / Е. С. Кубрякова // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1999. – Т. 58 (№ 5-6). – С. 3–12.
11. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопр. филологии. – 2001. – №1 (7). – С. 28–34.
12. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М. : ЯСК, 2004. – 560 с.
13. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
14. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) : учеб. пособие для пед. вузов. – М. : Высш. школа, 1983. – 127 с.
15. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – СПб : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 757 с.
16. Овчинникова, С. В. Лексико-семантическое поле внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека в структуре словаря «активного типа» / С. В. Овчинникова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.) : в 2 ч. Ч. 2. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 31–33.
17. Панова З. Д., Хорошунова И. В. Построение лексико-семантического поля ключевого слова концепта / З. Д. Панова, И. В. Хорошунова // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума (Волгоград, 22-24 мая 2003 г.) : в 2 ч. Ч. 2. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 34–35.
18. Писанова, Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. – М. : Изд-во ИКАР, 1997. – 320с.
19. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. – 192 с.
20. Потемня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потемня. – М. : Наука, 1993. – 205 с.
21. Телия В. Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки / В. Н. Телия // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996. – С. 31–38.
22. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров. – М., 1992. – С. 98–123.
23. [КСКТ] Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
24. [ЛЭС] Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
25. [ФЭС] Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
26. Chafe, W. Cognitive Constraints on Information Flow / W. Chafe // Coherence and grounding in discourse, ed. by Rassel Tomlin. – Amsterdam; John Benjamins. – 1987.
27. Frowley, W. Linguistic Semantics / W. Frowley. – Hillday, Hov, London : Lourince Erlbaum Associates. – 1992. – 556 p.
28. Jackendoff, R. S. Semantics and cognition / R. S. Jackendoff. – MIT Press, 2000. – 1983. – 283 p.

ПРИЧИНА И УСЛОВИЕ КАК ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ МОДУСОВ «НЕОБХОДИМО», «ВОЗМОЖНО», «СЛУЧАЙНО»

Можно считать общепринятым положение о том, что термины «необходимо», «возможно», «случайно» представляют собой константы модальных (Ивин 1970) смыслов и имеют определенную систему языковых средств их экспликации (Трунова 1991: 57). В данном случае они рассматриваются как алетические модальности *de re*, актуализируемые предикативно или атрибутивно и выявляемые применением процедуры логического анализа, вынесением модального оператора за рамки пропозиции. Например:

(1) *As a baby, as a young girl she kept things in her mouth <...> Her lips were alive with small movements <...> ... you wondered if she was about to smile or was she merely shifting a straw from the baseline of her gums to her tongue* (Morrison, 30).

Последнее из приведенных предложений может быть перифразировано с использованием модального глагола “might”, одно из системных значений которого – значение возможности:

(1') *she might be smiling or she might be chewing*

На следующей ступени анализа модальный модификатор отграничивается от пропозициональной составляющей предложения:

(1'') *It was (equally) POSSIBLE that she was smiling / she was chewing*

Семантика возможного характеризует ситуацию как потенциально реализуемую. Реализация ситуации зависит от условий ее протекания. Условия, как, равным образом, и причина, могут быть выраженными, как в нижеследующем предложении, где объясняется, почему ребенок не мог стоять ровно:

(2) *By the time Milkman was fourteen he had noticed that one of his legs was shorter than the other. When he stood barefoot and straight as a pole, his left foot was about half an inch off the floor. So he could never stand straight* (Morrison, 62),

или имплицитными, выводимыми из более широкого контекста, как в случае, описываемом в примере (3), где причина кроется в национальной принадлежности героя, которая не называется прямо, упоминаясь вскользь, в нескольких эпизодах, задолго до возникновения ситуации, сначала как стремление отца Джейсона Гилберта (одного из главных героев романа) скрыть национальность ребенка, чтобы оградить его от возможных жизненных сложностей, и далее представляется как установка ограничений приема в университеты высшей лиги для некоторых национальностей, в том числе и безотносительно к национальности Джейсона:

(3) *Do you understand what it means to sacrifice your youth for nothing? And can you possibly imagine what it means to have waited since childhood for the doors of Harvard to unlock for you? And now to know they never will* (Segal, 304).

В случае соответствия условий перспективе развития ситуации возможность переходит в действительность (необходимость). Отсутствие объективных условий

препятствует развитию ситуации, ситуация остается нереализованной и тем самым воспринимается и осмысливается как невозможная:

(4) *There were thirty-five tribes of Roman citizen men. All the voting procedures in the Assemblies were arrived at through the tribes, which meant that at the end of several thousand men's voting, only thirty-five actual votes were recorded. <...> In solemn quiet and perfect order, the ballot proceeded inexorably. <...> Seventeen tribes in succession have voted against ...* (Mc.Callough, 115).

Здесь речь идет о противоборстве двух правящих коалиций, о возможности принятия закона, которая была заблокирована большинством голосов против, определяя таким образом невозможность его проведения. Следует обратить внимание на тот факт, что формально ситуация невозможного никак не маркирована. Она выводится из общего контекста. Большую роль при этом играют общие фоновые знания реципиента (интерпретатора) текста, которые обычно формируются в некоторые гештальтные образования (ментальные данности, отображающие типичные ситуации или сформированные стереотипы).

Если возможность переходит в необходимость или невозможность в силу развертывания единой цепи причинно-следственных связей и проявленности единой сети условий, то случайное определяется как таковое в развитии нескольких пересекающихся событийных линий. Наиболее рекуррентными экспонентами этого значения являются лексические единицы, формирующие семантическое поле случайного: *chance, occasion, happen, encounter, unexpectedly, unaccountable, random*. В подавляющем большинстве ситуаций это значение также выводимо контекстуально:

(5) *"I saw them together last Sunday" <...> "Are you sure?" "I walked right up to his car window and leaned down to talk to him. At first I thought it was you with him, but then I saw her..."* (Spencer, 195)

Контекстуальное окружение данного диалога выявляет ненамеренное совпадение нескольких событийных линий: непредвиденная, почти невозможная встреча мужчины и женщины через много лет после расставания, ситуативно обусловленная необходимость прояснить положение дел, наугад выбранное место встречи и неожиданное столкновение с приятельницей, которая также попала в это место по случаю.

Грамматические конструкции со значением случайного представлены формами косвенных наклонений и отдельными сложными синтаксическими образованиями:

(6) *"Anyway," said Kissinger, rising from his chair, "unless we want to rule as a triumvirate, we'd better head for Gerry's swearing."* (Segal, 289)

В логике модальная константа «случайно» интерпретируется опосредованно, через соединение двух других терминов констант: «возможно, но не необходимо» (Ивин 2004: 64). В философии долгое время существовала точка зрения на случайное, как на имеющее гносеологическую природу. При этом случайное ставилось в зависимость от субъективного познания причинной обусловленности событий. В действительности «случайность», как и «необходимость» или «возможность», может характеризовать как субъективную

квалификацию событий в рамках межличностных отношений, так и как объективное развитие, не зависящее от субъектных факторов восприятия (Эйльштейн 1967: 157).

Несмотря на взаимные пересечения и многоплановые ряды зависимостей, причинные и условные отношения по-разному воздействуют на актуализационный потенциал событий. Все, что необходимо, необходимо безусловно, то есть способно к проявлению при любых условиях. Так, необходимо на смену ночи приходит день, необходимо за весной следует лето, необходимо происходят изменения в живых организмах. Причинно-следственные связи необходимы, иными словами, всякое действие или событие причинно предопределено:

(7) *Because Vitinius Senior was relatively young to have a grown son, Publius Vitinius was not really needed at home <...>; Vitinius Senior concentrated upon more remote relatives to take over the business, and sent his son to Rome to become a gentleman* (Mc.Cullough, 552).

(8) *Caesar was certain to come in at the top of the poll, which would make him senior consul. Therefore many men aspiring to be consul decided not to run in Caesar's year. <...> In consequence, the boni decided to stake everything on one man, Marcus Culpurnius Bibulus, and went round persuading potential candidates of old or noble family not to run against Bibulus. <...> The result was that there were only four candidates, only two of whom came from noble families – Caesar and Bibulus* (Mc.Cullough, 622).

Последний пример свидетельствует о том, что причина и следствие представляют собой составляющие с переменным статусом в последовательном ряду развертывания событий или сюжетных линий, при этом во временном плане факт, составляющий причину, предшествует факту, составляющему следствие, и оба они остаются в едином фактологическом поле.

Условия могут быть достаточными и недостаточными. В последнем случае они вступают в противоречие с логикой развертывания событий:

(9) *Despite his reassuring speech to the People from the rostra, this morning's clients who had managed to track him down to the house of Nigidius Figulus were edgy, anxious, even afraid* (Mc.Cullough, 390).

(10) *Though forbidden by the terms of his award from doing formal academic work, he spent the winter researching a Comparative Study of International Skiing* (Segal, 136).

Такое противоречие формально маркируется противительными союзами или наречиями соответствующей семантики:

(11) *Charles was not quite so committed to the new wave. He supported it, naturally – otherwise he and Robin could hardly have continued to co-habit – but in a more detached spirit* (Lodge, 46).

Различие между причиной и условием как онтологическими сущностями и философскими понятиями заключается в том, что причина всегда предопределяет следствие, в то время как условия лишь сопутствуют его актуализации, но не могут быть основанием его наступления. Условия составляют среду развития причинно-следственных связей. Обозначенное различие можно продемонстрировать на примере элементарной

нравственной ситуации, в которой принципы и устои общества определяют отношение родителей к возможности совместного проживания двух любящих друг друга людей без соблюдения установленным обществом конвенций, и именно это является причиной, препятствующей их соединению, соблюдение же условностей составляет условие позитивного разрешения ситуации:

(12) *“These late journeys are too much of a strain for you,” he said. “Why don’t you simply move in with me?” “Because my parents would have a fit.” “They wouldn’t if we were married.”* (Conran, 214)

Таким образом там, где причина содержит потенциальные предпосылки для возможности развития следствия, условия представляют совокупность факторов, способствующих реализации этих предпосылок. На этом основании условия могут включаться в состав причинного основания события. Поэтому в лингвистическом плане возникают сложности разграничения причинных и условных связей в языковой экспликации (Семенчина 2006). Однако существует несколько факторов, которые позволяют дифференцировать причину и условие. Семантический потенциал причинности включает значения мотивации и аргументации, отсутствующие в семантике условных связей.

Фактический языковой материал показывает существование связи актуализации модусов «необходимо», «возможно», «случайно», «невозможно» с причинными предпосылками и обстоятельствами, обуславливающими характер модусов. Так, в частности, модус «необходимо» определяет однозначно обусловленную связь явлений при всех возможных обстоятельствах, то есть всегда. В языковой экспликации ему соответствуют формы изъявительного наклонения и модальные глаголы с семантикой необходимости, которые могут сопровождаться лексическим экспонентом *always*.

(13) *Despite a great deal of discussion before giving their order, she was hardly ever aware of what she ate <...> Charles always enjoyed every mouthful of the meal* (Conran, 211).

Случайным является такое событие, которое происходит в качестве одного из возможных вариантов развития причинно предшествующего ему. Причем оно может свершиться или остаться потенциально возможным в зависимости от стечения обстоятельств:

(14) *I went to Groucho’s for a drink. I thought I might see Jimmy there. Anyway, I met a few people and we stayed there talking... you know how it is* (Franklin, 95).

В данной ситуации, как и в некоторых из описанных выше, большую роль в интерпретации модусного содержания играет более широкий контекст. Из него становится ясно, что Джимми можно было встретить в пабе, поскольку он иногда туда заходил. Следовательно, могло случиться, что он зайдет и в этот вечер. Данное предположение выводимо из известных пресуппозиций, предполагающих возможность события при сложившихся, независимых одно от другого обстоятельствах. Соответственно содержание модуса события здесь включает несколько составляющих смысла, прежде всего, «иногда» (неопределенно, когда) и «случайно» (при некоторых возможных

условиях), и раскрывается через интерпретацию взаимосвязи трех компонентов: причины, следствия и условий.

В заключение следует отметить, что, во-первых, как показывает языковой материал, событийные модусы (или модальная рамка ситуации) опосредованы причинными и условными факторами. Во-вторых, их актуализации сопутствуют определенные темпоральные показатели: причина предшествует событию-следствию, условия одновременны ему. В-третьих, деиктические лексемы «всегда», «иногда» в контекстах такого рода проявляют синкретизм, совмещая модальные и темпоральные семы: «всегда» – при всех условиях, то есть «необходимо», «иногда» – при некоторых условиях, то есть «возможно» или «случайно».

Библиографический список

1. Ивин, А. А. Основание логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
2. Ивин, А. А. Импликации и модальности / А. А. Ивин. – М. : Наука, 2004. – 125 с.
3. Семенчина, Е. Н. Формы актуализации экстенционального содержания концепта причинности: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. Н. Семенчина. – Барнаул, 2006. – 15 с.
4. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности : учебное пособие / О. В. Трунова. – Барнаул – Новосибирск : изд-во БГПУ, 1991. – 130 с.
5. Эйльштейн, Е. Лаплас, Энгельс и наши современники: заметки о детерминизме в связи с дискуссиями в физике / Е. Эйльштейн. // Закон. Необходимость. Вероятность / Авторизованный перевод с польского Е. П. Ермилова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 221–311.

Список источников иллюстративного материала

1. Conran, S. Lace / S. Conran. – London : Penguin Books, 2001. – 618 p.
2. Franklin, C. Woman in the Mirror / C. Franklin. – London : Harper Collins Publishers, 1999. – 403 p.
3. Lodge, D. Nice Work / D. Lodge. – London : Penguin Books, 2009. – 384 p.
4. Mc.Cullough, C. Caesar's Women / C. Mc.Cullough. – London : Random House, 1996. – 867 p.
5. Morrison, T. Song of Solomon / T. Morrison. – NY : A Plume Book, 1997. – 337 p.
6. Segal, E. The Class / E. Segal. – NY : Bantam Books, 1996. – 531 p.
7. Spencer, L. Home Song / L. Spencer. – NY : Jove Books, 1995. – 382 p.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабенко М.Г.</i> Вводные компоненты в аспекте структурной целостности текста	3
<i>Бастрыкина О.В.</i> Диалектика взаимосвязи оценки и сравнения	9
<i>Бегаева. О.Е.</i> Семантическая вариативность предикатов состояния	14
<i>Бригинская Е.В.</i> К проблеме статуса дискурсивных слов в современном языкознании	19
<i>Бугаева О.Б.</i> Разговорная маркированность слова как способ интенсификации оценки в тексте британской прессы	22
<i>Бутакова В.П.</i> Способы языкового выражения времени	27
<i>Вольтер Э.Г.</i> Аутентичность неродной речи – миф или реальность?	32
<i>Воронцова Е.А., Россинский А.Г.</i> Проблема межкультурного, языкового и научного взаимодействия в эпоху глобализма.....	36
<i>Гаськов М.В.</i> Жесткая номинация в аспекте знаковости языковой системы	41
<i>Герашенко А.М.</i> Понятие гипертекста в разнопорядковых научных парадигмах	45
<i>Германов С.Н.</i> Дескрипция и оценка в языковой экспликации признаковых характеристик объекта ...	48
<i>Глухова Т.П.</i> Перспективы интернационализации высшего педагогического образования: расширение возможностей международного сотрудничества.....	54
<i>Жогова И.Г.</i> Сравнение как способ репрезентации знаний в научной картине мира	59
<i>Жолобова Ю.С.</i> Метатекст и сопряженные с ним понятия.....	64
<i>Заюкова Е.В.</i> Синтаксическая и семантическая сочетаемость средств выражения интенциональности	68
<i>Зыкова Г.Н.</i> Языковая игра как проявление системных отношений в лексике английского языка	76
<i>Казаева Д.В.</i> Понятие эмоционально-лексического стратума	81
<i>Келлер И.М.</i> Языковой знак как номинативная единица.....	86
<i>Козлова О.А.</i> Категория нормы в терминах психосистематики Г. Гийома.....	93
<i>Коробейникова Н.Н.</i> Комментарий в контексте теории интертекстуальности	97
<i>Кочкинекова А.В.</i> Тело человека как предмет лингвистического исследования.....	104
<i>Кузьмичёва Е.А.</i> Индексальные экспоненты пространственно-временных отношений	108
<i>Кулакова Т.А.</i> Именные и предложно-именные словосочетания с семантикой итеративности.....	115
<i>Кустова С.В.</i> Использование мультимедийных средств в процессе обучения иноязычному чтению студентов по специальности лингвист-преподаватель	121
<i>Леденева Е.М.</i> Некоторые синтаксические способы имитации скорости действия в художественном тексте.....	127
<i>Лопатина М.Ю.</i> Семантика и структура лексических единиц ближней периферии фрейма «операциональное предпочтение».....	132
<i>Майзенгер Н.В.</i> Многофункциональность тире в современной английской художественной литературе	135
<i>Поликарпова О.Н.</i> Направления и классификационные ракурсы изучения парантезы	141
<i>Рассолова И.Н.</i> Аспекты взаимодействия грамматических категорий (на примере темпоральных категорий глагола).....	149

<i>Резинкин А.Ю.</i> Дефиниционные подходы и основные направления в изучении метонимии.....	156
<i>Романова Т.А., Шелкова С.В.</i> Экстралингвистические факторы диахронических изменений в системе личных местоимений английского языка	160
<i>Сахарова З.А.</i> Компенсирующая длительность согласных фонем в создании английского речевого ритма.....	165
<i>Семенчина Е.Н.</i> Квантитативный фактор в каузальных структурах английского языка	170
<i>Сёмкина А.В.</i> Дискурсные функции аппроксиматоров “sort of / kind of”	174
<i>Трифорова Н.Н.</i> Символ: феномен семиотики и герменевтики (к постановке вопроса)	180
<i>Трубавина Н.В.</i> Особенности рамочного оформления зависимых предикативных конструкций в островном немецком говоре	185
<i>Трунова Н.В.</i> Невербальные знаки времени.....	190
<i>Усова Е.К.</i> Понятийный аппарат теории скрытых смыслов (к постановке проблемы).....	196
<i>Федоткина И.В.</i> О некоторых способах передачи категории суперлативности в английском языке	199
<i>Филиппова Я.П.</i> Особенности содержательных связей американских и британских дивергентных значений в семантической структуре полисемантов	204
<i>Халина Н.В.</i> Политический дискурс: переход лингвистики в дискурсную область определения значений.....	210
<i>Чернова М.А.</i> Особенности когнитивного подхода к изучению языковых явлений: слово как носитель и источник знания	218
<i>Яшкин С.С.</i> Причина и условие как факторы актуализации модусов «необходимо», «возможно», «случайно»	228

Научное издание

ЯЗЫК: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Научный альманах

Выпуск 2

Под ред. О.В. Труновой

Отв. за выпуск Л.В. Скорлупина

Подписано в печать 18.06.2010 г.
Объем 29 уч.-изд. л. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс Нью Роман. Тираж 200 экз. Заказ № 163.
Отпечатано в типографии «Концепт»,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
т./ф.: (3852) 36-82-51

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия»
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Лингвистический институт ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия» приглашает авторов к публикации научных статей в выпусках рецензируемого научного альманаха

«Язык: Мультидисциплинарность научного знания»

Подача материалов

Материалы принимаются до 15 октября текущего года по электронной почте файлом-приложением по адресу: sbornicliin@rambler.ru (название файла должно содержать фамилию автора статьи). В отдельном файле-приложении (под названием «Информация об авторе») необходимо указать:

- 1) ФИО автора и название статьи ;
- 2) ключевые слова (не более шести) и краткая аннотация статьи – на русском и английском языках;
- 3) место работы (название ВУЗа/ института, кафедры);
- 4) должность (ученая степень, звание) автора;
- 5) аспирантам отметить год обучения в аспирантуре и отдельным файлом прислать отсканированную копию визы научного руководителя («*Статья <ФИО аспиранта> <название статьи> выверена, готова к печати*»), должность, ученая степень, звание, фамилия, подпись, дата);
- 6) контактные сведения (телефон, адрес (для иногородних обязательно для получения авторского экземпляра альманаха)).

Просим не отсылать письма не с вашего личного адреса или с адреса, на который у вас нет постоянного доступа – это значительно затрудняет переписку с автором в случае необходимости.

Редколлегия оставляет за собой право решения вопроса о публикации полученных материалов в зависимости от их тематики, содержания и оформления. Убедительно просим авторов статей и научных руководителей внимательно ознакомиться с Требованиями к оформлению статей. В случае несоблюдения указанных Требований редколлегия вправе решить не принимать к рассмотрению данную работу или увеличить стоимость ее публикации.

Оплата в размере 100 рублей (80 рублей для аспирантов) за одну страницу, включая неполные, производится после получения (электронным письмом) подтверждения о принятии статьи к публикации. Оплатить можно на кафедре английского языка лаборанту кафедры (г. Барнаул, ул. Крупской 108, ауд. 308, т. 38-84-72). Для иногородних авторов адрес для телеграфных переводов: 656031, г. Барнаул, ул. Ядринцева 130-61, Романовой Татьяне Александровне.

По всем интересующим вопросам обращайтесь на электронный адрес sbornicliin@rambler.ru.

Ответственный редактор сборника – д.ф.н., профессор, зав. каф. английского языка О.В. Трунова (ЛИИН АлтГПА). Заместитель редактора по лингводидактике – д-р пед. наук, профессор Н.В. Ефремова (ЛИИН АлтГПА), заместитель редактора по лингвистике д.ф.н., профессор Ю.М. Малинович (ИГЛУ).

Требования к оформлению статей

1. Неформатированный текст (объёмом до 8 страниц для недавно защитившихся доцентов и аспирантов 3-го года обучения, до 5 страниц для аспирантов 1-2 года обучения) набирается в редакторе MS WORD 6.0 и выше шрифтом Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, поля сверху, снизу, справа – 2 см, слева – 2,5 см, абзацный отступ 1,25 см (клавишей табуляции – находится над клавишей «Caps Lock», не пробелами!). Страницы не нумеруются.
2. На первой странице курсивом, строчными буквами, с выравниванием по правому краю указывается инициалы и фамилия автора, ниже – город. Далее прописными буквами полужирным шрифтом с выравниванием по центру – название статьи, например:

Н.Г. Виноградова
Бийск

**РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ**

3. Примеры из художественной литературы нумеруются и выделяются курсивом. Первая строка набирается с красной строки, последующие – без абзацного отступа. Номер примера в круглых скобках, сами скобки и указание на источник (фамилия автора без инициалов, запятая, пробел, номер страницы, для электронных ресурсов – фамилия автора, двоеточие, пробел, www) курсивом не выделяются! Обратите внимание: знак препинания в конце примера ставится или только внутри кавычек (в случае с прямой речью), или только после ссылки на источник (во всех остальных случаях). Анализ примера начинается с абзацного отступа. Исследуемая единица в тексте примера из художественной литературы выделяется полужирным курсивом, в тексте статьи – только курсивом (причем курсивом выделяется только сама единица, а не ее «ближайшее окружение», в частности, кавычки или скобки: (were, want), а не *(were, want); «быть», а не *«быть»). Названия сем (строчными буквами) помещаются в квадратные скобки. Все другие выделения производятся или полужирным шрифтом, или подчеркиванием, или с помощью р а з р я д к и (вкладка *Формат – Шрифт – Интервал*, в поле «Интервал» ставится параметр «Разреженный» и величина разрядки – «на 3 пт»; использование пробелов в словах с разрядкой недопустимо!). Просьба не перегружать текст работы выделениями, не использовать в одном месте несколько способов выделения одновременно (например, полужирный шрифт + подчеркивание), а также не применять специальные стили (шрифты).

(5) *She made familiar Javanese gestures with her wrists and hands, offering me, in a brief display of humorous courtesy, **to choose** between a rocker and the divan* (Nabokov, 303).

(6) *'There's so much **to choose** from.'* (Steel: www)

В самом общем виде глагол *prefer* может быть отнесён к стативным предикатам с доминирующей семой [статальность]. В то же время глагол *choose* удовлетворяет требованиям, предъявляемым к нестативным (активным) предикатам, основным из которых считается способность предиката функционировать в форме Continuous.

4. В тексте используются кавычки «елочки» для текста на русском языке, кавычки “лапки” для текста на иностранном языке.
5. На месте опущенных в цитате слов ставится многоточие, на месте опущенных предложений – многоточие в угловых скобках $\langle \dots \rangle$. Любые комментарии, пояснения, уточнения, курсивы и подчеркивания, если они не авторские, а ваши, должны оговариваться (например, (курсив наш – И.Ф.), где И.Ф. – инициалы имени и фамилии автора). Цитаты из иноязычных источников приводятся с переводом.

6. Пример оформления схем, таблиц, графиков (обратите внимание на отсутствие точки после слова «Схема»):

Схема 1

Алгоритм развертывания каузативного смысла

7. Толкования заключаются в апострофы (которые не выделяются курсивом):
В свою очередь, в этимологическом истолковании глагола *prefer* обращает на себя внимание дефиниция 'set before others in esteem' (ODEE 1996: 705).
8. В тексте короткое тире (–) и дефис (-) различаются размером и наличием/отсутствием пробелов. Короткое тире набирается при помощи сочетания клавиш «Ctrl» + «←» на цифровой клавиатуре.
...а также – выявить черты, характеризующие национально-культурные сообщества.
9. Обратите внимание на наличие пробела в сокращениях типа Г. е., Н. э., Т. д., Т. п. Сокращение «Г. о.» не используется, вместо него дается полный вариант («таким образом»).
10. Ссылки оформляются в круглых скобках с указанием автора, года издания и страниц(ы): (Петров 2003: 21), (Lakoff, Johnson 1980: 35-36), ((Никитин 2008) и др.). В случае, если у книги два автора, в ссылке указываются оба автора, если три и более – только первый автор, например: (Трунова и др. 2008). Ссылки на разные источники в одних скобках даются в хронологическом порядке через запятую: (Павлов 1951: 230, Хапсироков 1972: 31-33). Пример оформления ссылки на электронный ресурс: (Никитин: www). Для ссылки на лексикографические и энциклопедические источники используется аббревиатура источника, например (ЛЭС 1990: 435), (WNWRT, 115).
11. В случае, если в тексте статьи упоминается ФИО, инициалы указываются перед фамилией, между инициалами и фамилией ставится пробел: «по мнению А.В. Петрова», а не *«по мнению Петрова А.В.».
12. Библиографический список, оформленный согласно приведенному ниже образцу, отделяется от текста статьи строчным пробелом. В алфавитном порядке указываются сначала источники на русском языке (включая Интернет-ресурсы), затем, не прерывая нумерации, источники на иностранном языке (включая Интернет-ресурсы), в конце списка – лексикографические и энциклопедические источники (в алфавитном порядке – сначала русские, затем иностранные) и (в квадратных скобках сразу после номера) их сокращения, используемые в тексте работы. Электронные адреса оставлять с подчеркиванием. В случаях, когда в списке источников иллюстративного материала указываются разные произведения одного и того же автора, после фамилии и инициалов в круглых скобках ставятся буквы (а), (б) или (а), (б) и т. д. для русско- и иноязычных источников соответственно; пример ссылки на такой источник: (Fowles (a), 56). Напоминаем, что в английских названиях все слова, кроме предлогов и артиклей (за исключением случаев, когда это первое слово в названии), пишутся с большой буквы.

Библиографический список

1. Агафонова, Н. Н. Гражданское право : учеб. пособие для вузов / Н. Н. Агафонова, Т. В. Богачева, Л. И. Глушкова ; под. общ. ред. А. Г. Калпина. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 542 с.
2. Белозеров, И. В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII–XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук / Белозеров Иван Валентинович. – М., 2002. – 215 с.

3. Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова [Электронный ресурс] / Ред. В. Румянцев. – М., 2001. – Режим доступа: <http://hronos.km.ru/proekty/mgu>
4. Боголюбов, А. Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением / А. Н. Боголюбов, А. Л. Делицын, М. Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25.
5. Двинянинова, Г. С. Комплимент : Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинянинова // Социальная власть языка : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Иванова. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
6. Кулакова, Т. А. Языковые репрезентанты семантики итеративности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кулакова Татьяна Александровна. – Барнаул, 2006. – 19 с.
7. Семенов, В. В. Философия: итог тысячелетий. Философская психология / В. В. Семенов. – СПб. : Евразия, 2000. – 64 с.
8. Цоллер, В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов / В. Н. Цоллер // Филологические науки. – 2000. – № 4. – С. 56–64.
9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – The University of Chicago Press, 1980. – 200 p.
10. [АРСС] Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна ; 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999. – 544 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. – Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1963. – 180 p.

С уважением, редакция Научного альманаха